

НАБЛЮДАТЕЛЬ

РАЗНЫЕ
ЖИЗНИ
ОДНО
СОЗНАНИЕ

КТО
НАБЛЮДАЕТ
ЗА ТОБОЙ?

2001

2011

2024

2037

18+

Николай Пыстогов

Наблюдатель

«Автор»

2026

Пыстогов Н. Н.

Наблюдатель / Н. Н. Пыстогов — «Автор», 2026

Николай погибает во время подводных работ — и возвращается к жизни через тридцать семь секунд. Но вместе с ним возвращаются чужие воспоминания: незнакомые места, другие люди, другие жизни и имя человека, которого он никогда не встречал. След приводит к таинственной организации «Контур», скрытым экспериментам с сознанием и прошлому, которое Николай сам когда-то решил забыть. Чем глубже он погружается в собственную память, тем труднее понять, где заканчивается его личность и начинается чужая. Расследование уводит его далеко за пределы настоящего — в мир, где тело можно заменить, память сохранить, а сознание переживает своего носителя. Но если изменить всё, что делает человека человеком, — кто тогда остаётся Наблюдателем?

© Пыстогов Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
ЧАСТЬ 1. УТЕЧКА	8
Последний вдох	8
Глава 2	14
Альберт	14
Глава 3	19
Четверо	19
Глава 4	24
Смех	24
Глава 5	29
Сигнал	29
Глава 6	34
Сорок секунд	34
Глава 7	38
Девочка и часы	38
Глава 8	43
Чужая память	43
Глава 9	47
Двое в машине	47
ЧАСТЬ 2. КОНТУР	52
Человек с корабля	52
Глава 11	57
База	57
Глава 12	61
Мысль без слов	61
Глава 13	65
Вышки	65
Глава 14	70
Домашний помощник	70
Глава 15	73
Контур	73
Глава 16	78
Допрос	78
Глава 17	83
2224	83
Глава 18	88
Киллер	88
Глава 19	93
Особняк	93
Глава 20	98
Стирание	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Николай Пыстогов

Наблюдатель

НАБЛЮДАТЕЛЬ

научно-фантастический триллер

«Если тело, память и даже время можно заменить — что именно остаётся человеком?»

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. УТЕЧКА

Глава 1. Последний вдох

Глава 2. Альберт

Глава 3. Четверо

Глава 4. Смех

Глава 5. Сигнал

Глава 6. Сорок секунд

Глава 7. Девочка и часы

Глава 8. Чужая память

Глава 9. Двое в машине

Часть 2. КОНТУР

Глава 10. Человек с корабля

Глава 11. База

Глава 12. Мысль без слов

Глава 13. Вышки

Глава 14. Домашний помощник

Глава 15. Контур

Глава 16. Допрос

Глава 17. 2224

Глава 18. Киллер

Глава 19. Особняк

Глава 20. Стирание

Часть 3. АНЖЕ

Глава 21. Анже Башер

Глава 22. Франция

Глава 23. Две чёрные собаки

Глава 24. Двое

Глава 25. Видение

Глава 26. Ножницы

Глава 27. Фотограф

Глава 28. Альберт

Глава 29. Прорыв

Глава 30. Наблюдатель

Часть 4. ЗАПИСИ

Глава 31. Лаборатория

Глава 32. Обмен

Глава 33. Сверхчеловек

Глава 34. Синхронизация

Глава 35. Интерфейс

Глава 36. Пауза

Глава 37. Запрещённая дата

Часть 5. 2224

Глава 38. Железное тело

Глава 39. Камера сна

Глава 40. Другие миры

Глава 41. Глаз

- Глава 42. Чужими глазами
- Глава 43. Последние растения
- Глава 44. Вторжение
- Глава 45. Сервер
- Глава 46. Ветка
- Глава 47. Повелитель
- Глава 48. Корень
- Глава 49. Каталог
- Часть 6. ПЕРВЫЙ
- Глава 50. Записи
- Глава 51. Тысяча жизней
- Глава 52. Узнавание
- Глава 53. Миллиарды
- Глава 54. Шаблон
- Глава 55. Первый человек
- Глава 56. Буква
- Часть 7. НАБЛЮДАТЕЛЬ
- Глава 57. Возвращение
- Глава 58. Альберт-предатель
- Глава 59. То, что видел Альберт
- Глава 60. Контур ошибался
- Глава 61. ИИ
- Глава 62. Кто учится?
- Глава 63. Снаружи
- Глава 64. Точка
- Глава 65. Кто меня создал?
- Глава 66. Солнечное утро

ЧАСТЬ 1. УТЕЧКА

Глава 1

Последний вдох

Первый раз я умер в четверг. По крайней мере, тогда я был уверен, что это случилось впервые.

Будильник должен был сработать в 05:40, но я открыл глаза секунд за двадцать до сигнала. На вахте организм быстро учится жить без доверия к часам. Он запоминает смены, шум вентиляции, запах металлических переборок после ночной уборки и даже то, как меняется гул корпуса, когда ветер поворачивает с северо-запада. За несколько недель ты перестаёшь различать, где заканчивается собственный режим и начинается ритм платформы.

В комнате жилого модуля было полутемно. На соседней койке Миша Ковалёв спал лицом к стене, свесив руку так, будто ночью пытался выбраться из сна и передумал. На полу возле его кровати валялся один носок, второй он, судя по всему, снова потерял. На спинке стула сохла термокофта. Вентиляция гнала сухой тёплый воздух, но от металлической стены всё равно тянуло холодом Баренцева моря.

Я лежал несколько секунд, глядя в потолок. Что-то было не так. Не боль, не дурное предчувствие в привычном смысле. Скорее ощущение пропущенного разговора: будто вчера кто-то сказал мне очень важную фразу, а утром осталось только знание, что я обязан её вспомнить.

Телефон завибрировал на тумбочке. Мать написала из Петербурга: «Доброе утро. Ты там опять работаешь как ненормальный? Позвони вечером». Я улыбнулся. Эта фраза повторялась на каждой вахте и давно стала семейным ритуалом. Мать прекрасно знала, что во время смены я не отвечу, и всё равно писала, словно короткое сообщение могло удерживать меня ближе к дому.

Я представил её кухню в Петербурге: свет над плитой, старую сахарницу, окно во двор, в котором по утрам шумел мусоровоз. Нормальная человеческая жизнь казалась отсюда не далёкой, а почти вымышленной. Там люди спорили из-за парковки и выбирали продукты. Здесь перед завтраком проверяли давление в дыхательной системе и обсуждали ветер так, будто он был ещё одним начальником смены.

Я ответил матери: «Всё нормально. Вечером наберу». Добавил смайлик, чтобы она не решила, что я устал сильнее обычного. Потом увидел сообщение от Альберта. Оно пришло в 02:13.

На фотографии Альберт стоял в баре между двумя незнакомыми девушками, держал бокал и выглядел так, будто жизнь — длинная вечеринка, которую он каким-то образом совмещает с переговорами, командировками и работой по двадцать часов в сутки. Под снимком было написано: «Если завтра не отвечу — выгодно продал себя корпорации. Ноутбук заberi». Я тихо усмехнулся.

Альберт был из тех людей, рядом с которыми всегда казалось, что у суток есть запасные часы. Он мог ночью пить с клиентом, утром подписывать договор, днём ехать кататься на сноуборде, вечером помочь знакомому переехать и ещё успеть позвонить мне с вопросом, почему я «опять добровольно живу там, где морю проще тебя убить, чем согреть». Иногда его энергия раздражала. Чаще — спасала.

Будильник зазвонил. Я выключил его на первом сигнале. Миша приоткрыл один глаз.

— Уже? — хрипло спросил Миша.

— Уже, — ответил я.

Миша натянул одеяло на голову. — Скажи морю, что я заболел, — попросил Миша.

— Сам скажи. Оно за дверью, — ответил я.

— Море меня не уважает, — пробормотал Миша. — Ты у нас дипломат.

— Поэтому ты вчера съел мою шоколадку? — спросил я.

Миша высунул голову. — Это была компенсация за моральный вред от совместного проживания, — объяснил Миша.

Обычная перепалка вернула ощущение реальности. Я встал, натянул рабочие брюки и на несколько секунд задержался у маленького зеркала над раковиной. Лицо выглядело как всегда: короткие волосы, щетина, тень усталости под глазами. Я поймал себя на нелепой мысли, что проверяю именно это — своё ли лицо смотрит на меня из стекла.

В коридоре уже хлопали двери. Мужчины из ночной смены возвращались в комнаты, люди нашей смены шли к столовой. Кто-то ругался из-за пропавшей зарядки. Из душевой тянуло паром и дешёвым гелем. Платформа просыпалась не разом, а слоями, как большой механизм, которому требовалось несколько минут, чтобы начать работать в полную силу.

Я работал водолазом-сварщиком. В паспорте профессия выглядела почти романтично только для тех, кто никогда не видел подготовку к спуску. На «Северном-4» наша бригада ремонтировала технологический трубопровод, уходивший под воду к оборудованию на глубине около двадцати семи метров. Работа становилась привычной лишь до тех пор, пока не начинал перечислять условия, при которых она остаётся безопасной: герметичность подачи, связь, страховочный конец, давление, исправность оборудования, дисциплина наверху и отсутствие одной-единственной случайной ошибки в неправильный момент.

В столовой пахло овсяной кашей, кофе и мокрой рабочей одеждой. За узким окном небо и море были почти одного цвета — тяжёлого серого, в котором горизонт угадывался только по движению волн. Миша уселся напротив меня и сразу взял два яйца, будто опасался, что кто-то передумает его кормить.

— Ты домой когда? — спросил Миша.

— Через четыре дня, если погода не задержит вертолёт, — ответил я.

— В Питер?

— А куда ещё?

Миша пожал плечами. — Ты после прошлой вахты говорил, что можешь сорваться куда-нибудь на неделю. Франция, Испания, где тепло и никто не заставляет варить трубу под водой.

Слово «Франция» неприятно задело. Я даже перестал жевать.

— Не говорил, — ответил я.

Миша поднял брови. — Говорил. В баре в Мурманске. Ещё рассказывал, что где-то во Франции есть место, куда тебе почему-то хочется вернуться, хотя ты там вроде не был.

— Ты тогда был пьян, — сказал я.

— А ты нет, — заметил Миша.

Я хотел пошутить, но не получилось. Вместо этого снова появилось странное чувство под рёбрами — будто слово коснулось памяти, которая находилась слишком глубоко, чтобы её увидеть.

Миша отложил вилку. — Николай, ты чего такой?

— Какой? — спросил я.

— Будто ночью не спал, — сказал Миша.

— Спал.

— Тогда будто тебе приснилась зарплата начальника, а утром выяснилось, что это всё-таки не твоя.

Я улыбнулся из вежливости.

Миша перестал шутить. — Только перед спуском не начинай про предчувствия, — попросил Миша. — У нас и без мистики хватает способов испортить день.

Я кивнул. Люди, работающие с риском, не любят беспричинных тревог. Не потому, что считают их глупостью. Потому что если каждый раз прислушиваться к страху, можно вообще перестать выходить на смену. На нашей работе страх должен был превращаться в проверку: клапан, карабин, связь, шланг, крепление. Всё остальное оставляли наверху.

Перед выходом я снова посмотрел на телефон. От матери пришла фотография: на подоконнике в её квартире распустился цветок, который она пыталась оживить с весны. «Смотри, дождалась», — написала она. Я почему-то сохранил фотографию отдельно.

На рабочей площадке ветер бил сильнее, чем казалось изнутри модуля. Запах моря смешивался с дизелем, холодным металлом и сварочной гарью. За трубными эстакадами возвышалась мачта связи. Я видел её каждый день и раньше почти не разглядывал: серые секции, антенны, сигнальные огни, герметичные шкафы у основания.

В документах оборудование числилось резервным спутниковым комплексом и системой промышленного мониторинга. Обслуживали его не наши связисты, а подрядчики, которые прилетали отдельными рейсами и работали по своим допускам. Даже начальник связи ругался, что не имеет ключей от двух шкафов в собственном секторе.

В то утро возле мачты стояли двое незнакомых мужчин. Один выглядел инженером: защитные очки, планшет, кейс с измерительными щупами. Второй ничего не держал. На нём была обычная тёмная куртка без логотипов. Он не смотрел на антенны. Он смотрел на людей.

Когда я проходил к водолазному посту, его взгляд задержался на мне на секунду дольше, чем требовалось случайному человеку. Я прошёл ещё несколько шагов и обернулся. Мужчина уже разговаривал с инженером, но тот держал планшет так, чтобы мне не было видно экран.

— Новые? — спросил я у Сергея Нестерова, который проверял связь.

Сергей посмотрел в сторону мачты. — Подрядчики, — ответил Сергей. — Вчера прилетели. Начальство сказал не мешать.

— Что делают? — спросил я.

— Спутниковый резерв, вроде бы, — сказал Сергей. Потом Сергей усмехнулся. — Или открывают портал в ад. По бумагам одно и то же количество подписей.

На мачте мигнул красный огонь. В моей гарнитуре коротко треснуло. Звук был похож на помеху, но под ним будто существовал второй слой — очень тихий низкий тон. Я снял гарнитуру и снова надел.

— Проверка канала, — сказал Сергей. — Николай, слышишь меня?

— Слышу нормально, — ответил я.

— Дыхание? — спросил Сергей.

— Норма, — ответил я.

Сергей сверился с монитором. — Сегодня без геройства, — сказал Сергей. — Шов заканчиваешь и сразу наверх.

— Ты каждый раз так говоришь, — ответил я.

— Потому что каждый раз ты думаешь, что это шутка, — сказал Сергей.

Подготовка заняла почти сорок минут. Я проверил клапаны, крепления, кабель, инструмент. Миша помог затянуть последний ремень и дважды хлопнул меня ладонью по плечу.

— Вернёшься — шоколадку куплю, — пообещал Миша.

— Две, — потребовал я.

— Уже шантаж, — сказал Миша.

Я натянул маску. Мир стал громче изнутри и тише снаружи.

Спуск всегда начинался одинаково. Сначала холод — он проходил через костюм раньше, чем успевала включиться привычка. Потом давление. Потом поверхность закрывалась над головой, и мир сужался до света фонаря, металлической конструкции и голоса в наушнике. На

двадцати семи метрах трубопровод лежал в зеленоватой полутьме. Взвесь медленно двигалась в луче, как снег в ночном свете.

Я закрепился у стыка, проверил подготовленные кромки и провёл перчаткой по металлу. Работа требовала спокойствия. Под водой нельзя было злиться на инструмент, торопиться из-за холода или думать о сообщениях с берега. Всё лишнее превращалось в риск.

— Положение вижу, — сказал Сергей. — Давление стабильное. Начинай, Николай.

— Принял, — ответил я.

Дуга вспыхнула бело-голубым светом. В воде она выглядела почти невозможной — маленькое искусственное солнце, которое не должно существовать там, где человек сам не может сделать ни одного свободного вдоха. Искры вырывались короткими вспышками и исчезали в мутной воде.

Я работал спокойно. Рука двигалась привычно: угол, скорость, расстояние. Через несколько минут сознание перешло в то особое состояние, когда ты не думаешь о движениях — просто знаешь следующее.

Именно поэтому первое нарушение я заметил сразу.

На внутреннем индикаторе времени появилось 10:43. Секундная отметка дёрнулась назад.

Я моргнул. Посмотрел ещё раз. 10:43:17. Потом 10:43:16.

— Сергей, у меня часы дурят.

Ответ пришёл с задержкой. — Повтори, Николай, — попросил Сергей.

За помехой возник тот самый низкий тон, который я слышал у мачты. Он усилился. На несколько секунд мне показалось, что я слышу не звук, а давление внутри головы.

На «Северном-4» в этот момент инженер у мачты подключил кабель к герметичному шкафу. Второй мужчина смотрел на экран планшета. На нём одна за другой появились строки: «ПОИСК». «КАНДИДАТЫ: 17». Затем число остановилось.

Я этого не видел.

Но почувствовал, будто кто-то нашёл меня.

В гарнитуре возник чужой голос. Не Сергея. Не Миши. Он звучал очень близко, будто человек говорил не через километры кабеля и толщу воды, а прямо за моим плечом.

— Не заканчивай шов, — произнёс незнакомый голос.

Я замер. Электрод остался в нескольких сантиметрах от металла.

— Сергей, повтори последнее, — попросил я.

— Я ничего не говорил, — ответил Сергей. — Николай, что у тебя?

В этот момент перед глазами на долю секунды возникло окно. Не иллюминатор. Обычное окно квартиры. За ним шёл дождь, по стеклу текли тонкие струйки, а за спиной кто-то по-французски спросил, буду ли я вечером дома.

Я резко вдохнул — и маска напомнила, где нахожусь.

— Николай? — позвал Сергей.

— Норма, — соврал я.

Второй импульс оказался сильнее. Я увидел руку — свою и не свою одновременно. На пальце был шрам, которого у меня не было. В памяти всплыло имя: Анже.

Я не успел понять, откуда его знаю.

Давление в линии дёрнулось. Сварочная дуга погасла. Свет фонаря качнулся. Что-то с силой потянуло кабель в сторону. Я ударился плечом о трубу.

— Стоп работа! — крикнул Сергей. — Николай, от трубы!

Я попытался оттолкнуться, но страховочный конец зацепился за выступ. В обычной ситуации на освобождение ушло бы несколько секунд. В тот момент каждая секунда стала отдельной жизнью.

Мир ударил в меня водой и шумом. Я увидел трубопровод совсем близко, белую полосу металла и собственную перчатку. Потом воздух исчез.

Паника под водой отличается от обычного страха. Она приходит телом. Каждая клетка требует вдоха, даже если разум знает, что вдох сейчас убьёт. Горло сжимается. Сердце бьёт так сильно, будто пытается само вырваться наружу. Ты можешь знать все процедуры наизусть и всё равно в какой-то момент превращаешься в животное, которому нужен воздух.

— Николай! Не дёргайся! Мы поднимаем! — крикнул Сергей.

Я не ответил. Лёгкие сделали движение сами.

Холодная вода оказалась внутри.

Последняя мысль была не о смерти. Я почему-то вспомнил мать и фотографию цветка на подоконнике. Потом Нину — хотя в тот момент я не смог бы объяснить, почему именно это имя возникло в голове. Затем Альберта, смеющегося в каком-то летнем кафе. Всё произошло настолько быстро, что я не успел удивиться.

Потом не стало воды.

Не стало боли.

Не стало тела.

Я ожидал темноту, но темнота тоже требует глаз. Вместо неё существовала странная ясность — ощущение, что я вижу не место, а возможность мест. Они не сменяли друг друга, как кадры. Они будто находились рядом, хотя между ними должны были лежать годы, страны и разные человеческие жизни.

Я был в квартире во Франции. Не смотрел на неё — жил в ней. Знал, какая половица скрипит возле кухни. Знал, где лежат запасные ключи. Знал, что мужчину, чьими глазами я смотрю, зовут Анже Башер. За окном шёл серый дождь. В холодильнике стояло пиво определённой марки. В телефоне было непрочитанное сообщение от матери, и лицо этой незнакомой женщины вызвало во мне такое чувство близости, что я почти сказал вслух: «мама».

Мир изменился без перехода. Две чёрные собаки шли за мной по мокрой улице. Я знал их и не знал. Затем — женское лицо, обожжённая кожа, ножницы на столе, запах мокрого асфальта и страх, который принадлежал не Николаю.

Следующая жизнь вспыхнула серебром. Прозрачная камера. Город, уходящий одновременно вверх и вниз. Человеческая рука покрывалась металлической оболочкой, будто тело само выращивало броню. На стене стояла дата, которую я не успел прочитать целиком. Затем появились часы. Стрелка шла назад.

И в каждой сцене существовало одно и то же невозможное ощущение: слово «я» никуда не исчезало.

Я вернулся в тело ударом.

Сначала слышал кашель. Потом понял, что кашляю сам. Горло горело. Грудь резало изнутри. Надо мной были лампы медблока, лицо врача Романа Кравцова и Сергей, мокрый от пота сильнее, чем я был от моря.

— Николай, смотри на меня, — приказал Кравцов. — Как тебя зовут?

— Николай, — выдавил я.

Кравцов посветил мне в глаза. — Где ты?

— «Северный-4», — ответил я.

— Какой сегодня день? — спросил Кравцов.

Я назвал дату. Голова работала пугающе ясно. Внутри по-прежнему существовали запах французской квартиры, голос чужой матери и знание о ключах, которых я никогда не держал.

Сергей стоял у стены. Он выглядел так, будто увидел мертвеца, который нарушил правила и вернулся без разрешения.

— Сколько? — спросил я.

Кравцов нахмурился. — Что сколько? — переспросил Кравцов.

— Меня не было, — сказал я. — Сколько?

Врач замолчал.

Сергей ответил первым. — Тридцать семь секунд.

В другом помещении мужчина у мачты отключил кабель. На экране исчезла строка «СИГНАТУРА 04. СОВПАДЕНИЕ 93,7%». Последним остался статус: «СЕАНС М-17 ЗАВЕРШЁН». Второй мужчина закрыл шкаф и спросил инженера, успел ли субъект вернуться.

Инженер ответил, что это покажет медицинский журнал.

Я ничего этого не знал.

Телефон на тумбочке завибрировал.

Сообщение от Альберта состояло из четырёх слов:

«ТЫ ОПЯТЬ УМЕР?»

Глава 2

Альберт

Я перечитал сообщение три раза. Больше всего пугало не слово «умер». Пугало «опять».

Кравцов велел мне лежать ещё минимум час, подключил датчик насыщения крови кислородом и вышел разговаривать с начальником смены. Сергей ушёл позже. Перед дверью он остановился, словно хотел что-то сказать, но в итоге только посмотрел на меня и произнёс, что вернётся после оформления аварийного журнала.

Оставшись один, я снова открыл сообщение Альберта. Он отправил его через одиннадцать минут после того, как меня вытащили из воды. Слишком быстро для случайной шутки. Слишком точно для человека, который находился где-то далеко и, по моим представлениям, не должен был знать даже о происшествии.

Я нажал вызов.

Альберт ответил после первого гудка. На фоне играла музыка, звякало стекло, кто-то громко смеялся. Через секунду шум стих: Альберт, видимо, вышел из помещения.

— Только не говори, что ты действительно умер, — сказал Альберт с привычной веселостью. — У меня сегодня и так бухгалтерия.

— Сколько? — спросил я.

На том конце возникла пауза. Альберт не переспросил.

— Тридцать семь? — тихо спросил Альберт.

Внутри стало холодно.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Веселье исчезло из его голоса мгновенно. Я много лет знал Альберта и давно заметил одну вещь: он шутил, когда раздражался, когда злился, когда уставал и даже когда ему было больно. По-настоящему страшно становилось только тогда, когда Альберт переставал шутить.

— Ты где? — спросил Альберт.

— В медблоке, — ответил я.

— Один? — спросил Альберт.

Я посмотрел на стекло двери. За ним прошёл санитар. — Сейчас да.

— Закрой дверь, — сказал Альберт.

Я встал. После клинической смерти ноги оказались на удивление обычными: слабость, дрожь, ватные мышцы. Никакого мистического величия. Я повернул замок и вернулся к койке.

— Закрыл. Теперь объясняй, — сказал я.

Альберт выдохнул. — Сначала скажи, что ты видел, — попросил Альберт.

— Сначала ты скажешь, почему знал про тридцать семь секунд, — ответил я.

Он молчал слишком долго.

— Анже Башер, — наконец сказал Альберт.

Имя ударило сильнее дефибриллятора. Я сел на край койки.

— Повтори, — потребовал я.

— Не надо, — ответил Альберт.

— Повтори имя, — сказал я.

— Анже Башер, — произнёс Альберт.

На секунду я снова почувствовал французскую квартиру. Не изображение — вес ключей в кармане. Запах кофе. Неприязнь к соседу снизу, который слишком громко закрывал подъездную дверь. Я знал, что Анже предпочитает холодное пиво из определённого бара и что отца у него нет уже семь лет.

— Кто он? — спросил я.

— Сначала расскажи, что видел, — повторил Альберт.

Я рассказал про Францию, серый дождь, квартиру, бар, две чёрные собаки и женщину, которую в той чужой жизни знал как мать. Потом — про серебристое тело, город и часы, идущие назад. Альберт не перебивал. Когда я закончил, он стал задавать вопросы, которые показались бессмысленными.

— Где лежали ключи? — спросил Альберт.

— На полке справа от двери, — ответил я.

— Какой рукой Анже открывал бутылку? — спросил Альберт.

— Левой, — ответил я. И тут же понял, что не видел этого.

— Чем пахло в квартире? — спросил Альберт.

— Старым деревом, кофе и каким-то средством для пола с лимоном, — ответил я.

— Шрам?

— На подбородке справа, небольшой.

Я остановился.

— Я не смотрел чужую жизнь, — сказал я. — Я в ней был.

— Я понял, — ответил Альберт.

— Тогда кто он? — спросил я.

Альберт снова сделал паузу. — Живой человек.

Я рассмеялся коротко и зло. — Значит, я умер на тридцать семь секунд и оказался в голове живого француза?

— Не делай вывод раньше данных, — ответил Альберт.

— Это ты сейчас серьёзно? — спросил я. — Ты знаешь имя человека, которого я увидел после остановки сердца, знаешь длительность остановки и советуешь мне не делать вывод?

— Именно поэтому, — сказал Альберт. — Николай, я видел, как ты три года назад построил идеальную теорию из трёх фактов. Через месяц от неё пришлось спасать тебя же.

— Что я построил? — спросил я.

— Не по телефону, — ответил Альберт.

За дверью кто-то дёрнул ручку. Я замолчал.

— Николай? — спросил Кравцов из коридора. — Почему заперто?

— Переодеваюсь, — соврал я.

Альберт тихо сказал в телефоне: — Молодец. Уже врешь врачу. Значит, функционируешь.

— Где ты? — спросил я.

— Скоро буду, — ответил Альберт.

— Здесь? На платформе? — спросил я.

— Не на самой платформе, — уточнил Альберт. — Но достаточно близко.

— Ты знал, что это случится? — спросил я.

Альберт замолчал.

— Альберт, — повторил я. — Ты знал?

— Я знал, что существует окно в тридцать семь секунд, — ответил Альберт. — Я не знал, что оно откроется сегодня.

— Что за окно? — спросил я.

— Николай, закрой медицинский отчёт от всех, кроме Кравцова, если сможешь. И не говори никому про Анже. Особенно людям, которые обслуживают мачту связи, — сказал Альберт.

Я посмотрел на дверь. — Ты знаешь про подрядчиков?

— Теперь знаю, — ответил Альберт.

— Что значит «теперь»? — спросил я.

Связь на секунду зашипела. Под помехой возник тот же низкий тон.

— Альберт? — позвал я.

— Я здесь, — ответил Альберт. — И ещё, Николай. Если услышишь собственный голос, который будет знать больше тебя, не делай то, что он просит сразу.

— Это должно меня успокоить? — спросил я.

— Нет, — сказал Альберт. — Я давно перестал ставить перед собой недостижимые цели. Разговор оборвался.

Кравцов всё-таки заставил меня провести ещё сорок минут в медблоке. Он проверял давление, зрачки, координацию и задавал одни и те же вопросы разными словами. Я отвечал правильно. Это беспокоило меня сильнее возможной спутанности: после остановки сердца память о собственной жизни была ясной, но рядом с ней теперь существовала ещё одна, столь же убедительная.

— Что-нибудь необычное помнишь? — спросил Кравцов, записывая показатели.

Я посмотрел на него. — Например?

— Галлюцинации, свет, голоса, умерших родственников, — перечислил Кравцов. — Мозг при гипоксии способен на очень яркие вещи.

Я почти рассказал про Анже. Вместо этого спросил: — Если человек знает детали места, где никогда не был, это тоже гипоксия?

Кравцов перестал писать. — Какие детали? — спросил врач.

— Теоретически, — сказал я.

Кравцов посмотрел на меня дольше обычного. — Теоретически сначала надо убедиться, что он действительно нигде не был и нигде не мог получить информацию, — ответил Кравцов. — Мозг отлично подделывает чувство достоверности. Поэтому любые выводы — после проверки.

Фраза почти дословно совпала с тем, что говорил Альберт. Я решил пока молчать.

Перед переводом Кравцов оставил меня на кислороде, снял повторную ЭКГ, проверил лёгкие и сверил профиль подъёма с журналом водолазной станции. Дежурную барокамеру держали готовой до конца наблюдения; признаков декомпрессионного поражения не было, но на берег меня отправляли не как выписанного, а как пациента на дальнейшее обследование.

К обеду меня перевезли на берег. Официально — для обследования. Альберт встретил меня уже в Мурманске, в небольшом терминале, куда обычные пассажиры не заходили. Он вошёл быстро, с мокрыми от дождя волосами, ноутбуком под мышкой и двумя стаканами кофе в руках. По телефону спорил с кем-то о процентах.

— Нет, двенадцать процентов — это не «почти пятнадцать», — сказал Альберт в телефон. — Если им нужны пятнадцать, пусть пришлют предложение, за которое не стыдно. Перезвоню через час.

Он отключился, посмотрел на меня с ног до головы и протянул стакан.

— Пей, — сказал Альберт.

— Я только что умер, — сказал я.

— Поэтому тебе нужен нормальный кофе, — ответил Альберт.

Я взял стакан. Его пальцы дрогнули. Совсем немного, но я заметил.

— Ты боялся.

— Я и сейчас боюсь, — ответил Альберт. — Просто у меня лицо дорогое, я на нём экономлю эмоции.

— Где ты был сорок минут назад? — спросил я.

— В аэропорту, — ответил Альберт.

— Ночью ты прислал фото из бара, — напомнил я.

— Бар был рядом с аэропортом, — пояснил Альберт. — Я умею планировать развлечения.

— Частный самолёт? — спросил я.

— Не мой, если тебя это успокоит, — сказал Альберт.

Он умел оказаться где угодно, договориться с кем угодно и превратить невозможную логику в бытовую деталь. За это его любили люди и ненавидели бухгалтеры. Но впервые я увидел, что даже его привычная суета может быть маскировкой.

Мы ехали молча почти десять минут. Мурманск был мокрым, тёмным и низким. Дождь размазывал огни по стеклу машины. Альберт несколько раз проверил зеркало заднего вида, хотя водил обычно так, будто остальные участники движения существовали только для красоты.

— За нами? — спросил я.

— Пока нет, — ответил Альберт.

— Очень обнадёживает слово «пока», — заметил я.

— Я работаю над позитивной подачей, — сказал Альберт.

Через час мы сидели в квартире, которую он снял «на пару дней». Она была похожа на все временные жилища Альберта: ноутбук, второй монитор, зарядки, спортивная сумка, документы, две рубашки на стуле и холодильник, в котором почти ничего не было. Домом он называл место, где работал интернет.

На подоконнике стояла женская чашка с тонкой золотой полосой. Я поднял её.

— Ты уже успел привести сюда кого-то? — спросил я.

— Я здесь с четырёх утра, — ответил Альберт.

— Это не ответ, — сказал я.

— Это статистически достаточный ответ, — сказал Альберт и забрал чашку.

За шуткой снова мелькнула закрытость. Я вспомнил, что Альберт жил один, никогда не называл отношения отношениями и умел исчезать из жизни человека ровно в тот момент, когда тот начинал задавать вопросы о будущем.

Он выслушал мой рассказ ещё раз. На этот раз записывал отдельные детали в таблицу. В одном столбце стояло «НИКОЛАЙ», в другом — «АНЖЕ». Мне не понравилось, как легко экран разделил меня на две колонки.

— Ты сказал «вспомнил», — напомнил я. — Не «увидел». Почему?

Альберт подошёл к окну. По мокрой улице медленно проехал чёрный седан.

— Потому что оговорился.

— Ты плохо врёшь, когда боишься, — сказал я.

Альберт усмехнулся без радости. — Это неправда. Я прекрасно вру, когда боюсь. Просто тебе врать сложнее.

Он достал из папки фотографию старой железнодорожной станции и металлических шкафчиков.

— Нам нужно к шкафчику двести двадцать семь, — сказал Альберт.

— Почему? — спросил я.

— Потому что три года назад ты приказал мне отвезти тебя туда, если снова появится имя Анже.

— Я там никогда не был.

— Был, — ответил Альберт.

— Я не помню, — сказал я.

Альберт посмотрел на улицу. Чёрный седан остановился у дома. Двигатель не заглушили.

— В этом и проблема.

Он выключил свет.

— Куртку. Сейчас, — приказал Альберт.

— Кто там? — спросил я.

Альберт уже складывал ноутбук. — Люди, которые очень не хотят, чтобы ты вспомнил, зачем сам попросил себя забыть.

Глава 3

Четверо

Мы вышли через служебную лестницу. Альберт двигался быстро, но не бежал. Когда-то он объяснял, что бегущий человек автоматически становится заметным, даже если никто не знает, от кого он бежит. Я считал это одной из его бесчисленных житейских теорий. Теперь шёл за ним и не спорил.

Лестница пахла мокрым бетоном и сигаретным дымом. На втором этаже хлопнула дверь. Альберт остановился на площадке, прислушался, затем показал вниз. Мы спустились ещё на этаж и вышли через хозяйственный проход во двор.

На улице лил дождь. Капли били по металлическим контейнерам, вода стекала по водосточкам, асфальт блестел в свете фонарей. Альберт открыл тёмный универсал.

— Это твоя машина? — спросил я.

— На ближайшие два часа — да, — ответил Альберт.

— То есть нет.

— Николай, сейчас не время обсуждать право собственности.

— Очень хочу однажды услышать, как ты объясняешь эту фразу полиции, — сказал я.

— Уже объяснял, — ответил Альберт. — Было скучно.

Мы тронулись. Чёрный седан появился в зеркале через минуту. Альберт свернул без навигатора, пропустил автобус и использовал его как движущуюся стену. Он вёл спокойно, без резких ускорений, будто заранее знал, где загорится зелёный.

— Они за нами? — спросил я.

— Возможно, — ответил Альберт.

— Кто?

— Контур.

Название прозвучало почти буднично. Именно поэтому мне стало тревожно.

— Что это? — спросил я.

— Организация, — ответил Альберт.

— Какая?

— Закрывающая.

Я повернулся к нему. — Ты издеваешься?

— Я пытаюсь не врать, — ответил Альберт.

— А раньше пытался? — спросил я.

— Раньше я пытался, чтобы ты оставался жив, — сказал Альберт.

— Получилось не идеально, — заметил я.

Альберт бросил на меня быстрый взгляд. — Ты вернулся. Формально результат положительный.

Седан исчез после третьего поворота. Альберт всё равно не расслабился. Он дважды менял маршрут, остановился у круглосуточной аптеки, купил воду и зачем-то дешёвый зонт, а затем оставил машину за два квартала от старой станции.

— Зонт зачем? — спросил я.

— Человек под зонтом хуже запоминается камерой сверху, — ответил Альберт.

— Ты это сейчас придумал?

— Пятьдесят на пятьдесят.

Через двадцать минут мы вошли на старую станцию через боковой вход. Она давно не обслуживала пассажиров. Пахло сыростью, ржавчиной и старой проводкой. Краска на стенах

отслаивалась большими пластами. Под потолком висели камеры, слишком новые для заброшенного здания.

— Камеры чьи? — спросил я.

— В прошлый раз их не было, — ответил Альберт.

— Отлично, — сказал я.

Альберт посмотрел на меня. — Видишь? Чувство юмора возвращается. Ещё два клинических случая — и станешь почти нормальным.

Шкафчик 227 находился в конце коридора. Серый металл был поцарапан, номер едва держался на одной заклёпке. Альберт дал мне маленький латунный ключ.

— Откуда он у тебя? — спросил я.

— Ты дал, — ответил Альберт.

— Конечно, — сказал я.

Ключ подошёл с первого раза.

Внутри лежали паспорт на моё имя, связка ключей, старый телефон, несколько фотографий, толстый конверт и лист бумаги, написанный моей рукой. Ещё там была маленькая коробка с внешним накопителем и простое серебряное кольцо без гравировки.

Я взял паспорт. Фотография была моей, дата выдачи настоящей. Затем старый телефон. Он оказался выключен, но батарея была заряжена почти полностью.

— Кто всё это сюда положил? — спросил я.

— Ты, — ответил Альберт.

— Один? — спросил я.

— Я стоял у входа, — сказал Альберт. — Ты не позволил мне смотреть, что оставляешь.

— Почему? — спросил я.

— Сказал, что если я буду знать всё, меня проще использовать против тебя, — ответил Альберт.

— Звучит параноидально, — сказал я.

— Тогда ты был значительно параноидальнее, чем сейчас, — ответил Альберт. — И, как выяснилось, не без оснований.

Среди фотографий была одна, которую я сначала хотел отложить. На ней я стоял у открытого окна петербургской квартиры рядом с женщиной лет тридцати. Тёмные волосы были собраны небрежно, она смотрела не в объектив, а на меня. На обороте моей рукой было написано: «НИНА. НЕ ВЕРЬ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО БОЛЬНО». Имя ударило быстрее воспоминания.

Кухня возникла сразу.

Не картинкой. Жизнью.

Ночь. Дождь по стеклу. Тёплый свет над столом. Я стоял у плиты и пытался спасти ужин, который уже было поздно спасать. Нина вошла босиком, в моей белой рубашке, волосы ещё влажные после душа. Она посмотрела в сковороду и рассмеялась.

— Николай, это мясо уже второй раз умерло, — сказала Нина.

— Первый раз оно умерло не по моей вине, — ответил я.

— А второй?

— Это эксперимент.

Нина отобрала у меня лопатку. — Отойди от кухни, водолаз. Здесь глубина тебе не поможет.

Я помнил её голос. Не только тембр — то, как она растягивала последнюю гласную, когда была довольна; как становилась подчеркнуто вежливой, когда злилась; как почти никогда не повышала голос. Это знание оказалось страшнее самой фотографии.

Воспоминание продолжилось. Мы ели прямо со сковороды, сидя за столом. Нина рассказывала про работу, я почти не слушал и смотрел на маленькую каплю воды, которая спускалась по её шее под ворот рубашки. Она поймала мой взгляд.

— Даже не думай, — сказала Нина.

— О чём? — спросил я.

— У тебя лицо человека, который сейчас перестанет делать вид, что слушает, — ответила Нина.

Я встал, подошёл к ней и положил ладони на её талию. Нина ещё секунду сохраняла серьёзное выражение, потом коснулась моего лица и поцеловала первой.

Память перескочила в спальню мягко, без разрыва. Тёплая кожа. Запах её волос. Тихий свет от города за шторами. Нина лежала рядом, проводила пальцем по старому шраму у меня на плече и смотрела так внимательно, будто этот шрам был частью вопроса.

— Николай, хотя бы сейчас перестань всё контролировать, — сказала Нина.

— Я не контролирую, — ответил я.

Нина улыбнулась. — Ты даже это сказал так, будто заполнил форму допуска, — заметила Нина.

Я поцеловал её вместо ответа. В памяти остались не подробности тела, а ощущение безопасности, которое я почему-то позволял себе только рядом с ней: тепло, дыхание, пальцы в моих волосах, тихий смех и редкая возможность не следить за дверью, телефоном или временем.

После близости Нина лежала на боку, положив голову мне на плечо. За окном проехал ночной трамвай.

— Ты когда-нибудь устанешь исчезать? — спросила Нина.

— Я уезжаю на работу, — ответил я.

— Я не про вахту, — сказала Нина.

Я ничего не ответил.

Нина поднялась на локте. — Иногда ты возвращаешься и несколько минут смотришь на меня так, будто проверяешь, узнаёшь ли, — сказала Нина. — Я раньше думала, что ты шутишь.

Воспоминание оборвалось.

Я снова стоял у шкафчика 227 и держал фотографию так крепко, что край бумаги согнулся.

— Альберт, кто такая Нина?

Альберт посмотрел на снимок и впервые за несколько минут не нашёл шутки.

— Человек, которому ты однажды сказал, что рядом с ней чувствуешь себя собой.

— Мы были вместе? — спросил я.

— Да.

— Сколько?

— Почти два года, если считать нормально. Дольше, если считать ваши расставания и возвращения, — ответил Альберт.

— Почему мы расстались? — спросил я.

Альберт отвёл взгляд. — Потому что твои провалы в памяти стали опасны для вас обоих.

— Что значит опасны? — спросил я.

— Однажды ты пришёл к ней ночью и не узнал квартиру, — сказал Альберт. — Нину узнал через минуту. Потом испугался того, что узнал её не сразу. На следующий день ты исчез на три недели.

— Куда? — спросил я.

— Ко мне, — ответил Альберт. — И в Контур.

Я поднял голову. — Ты сейчас сказал это так, будто это одно место, — заметил я.

— Иногда так и было, — ответил Альберт.

Я снова посмотрел на фотографию. Тепло от воспоминания никуда не делось. Желание коснуться Нины, услышать её голос, спросить, где она сейчас, было абсолютно моим. Или казалось моим. Именно в этом заключался ужас: даже самая интимная память не могла доказать, кому она принадлежит.

— Она жива? — спросил я.

Альберт кивнул. — Насколько я знаю, да.

— Где? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Альберт. — И если знал бы, сейчас всё равно не сказал.

— Почему? — спросил я.

— Потому что три года назад ты просил не подпускать тебя к ней, пока сам не поймёшь, кто ты, — ответил Альберт.

Я почувствовал злость. — Очень удобно. Мой прошлый я оставил тебе инструкции, а нынешний должен выполнять.

— Вот это уже главный вопрос, — ответил Альберт. — И я не знаю правильного ответа.

На листе бумаги было всего четыре строки, написанные моим почерком крупными печатными буквами:

«НЕ ВЕРЬ ПАМЯТИ, ЕСЛИ ОНА СЛИШКОМ УДОБНА.»

«ЕСЛИ УВИДИШЬ ЧЕТВЕРЫХ — НЕ ВЫБИРАЙ СИЛЬНЕЙШЕГО.»

«АЛЬБЕРТ ЗНАЕТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СКАЖЕТ.»

«СЕГОДНЯ ТЫ — НИКОЛАЙ.»

Я перечитал последнюю строчку. Слова казались простыми, но именно простота делала их страшными.

— Что значит «сегодня»?

— Я надеялся, что ты мне объяснишь, — ответил Альберт.

В конверте лежала ещё одна фотография. На ней я сидел за столом напротив четырёх людей. Я узнал себя, но не узнавал выражение собственного лица. Четверо вокруг были похожи на одного человека в разных состояниях: один смотрел с яростью, второй избегал взгляда, третий держался спокойно и уверенно, четвёртый улыбался так легко, что хотелось ему верить.

Когда я коснулся снимка, комната качнулась.

Ярость пришла первой. Она была не мыслью, а температурой крови. Я захотел разбить камеру над дверью, схватить Альберта за воротник и вытрясти из него ответы.

Следом возникла осторожность. Она заметила второй выход, отметила шаги в коридоре и сразу посчитала, сколько секунд потребуется, чтобы спрятаться за бетонной колонной.

Третье состояние было холодным и уверенным. Оно словно знало, что страх — всего лишь физическая реакция, которой можно управлять. Эта часть меня хотела остаться и дожидаться преследователей.

Четвёртая улыбнулась. Она знала, как говорить с людьми, как расположить их к себе, как заставить поверить, что всё под контролем. Она была опаснее остальных именно потому, что нравилась мне.

Четыре потока существовали одновременно.

— Николай, — позвал Альберт. — Посмотри на меня.

Я поднял голову. Его лицо на секунду показалось мне знакомым четырём разным людям.

— Их четверо.

— Кого? — спросил Альберт.

— Меня, — ответил я.

Улыбка исчезла с его лица. — Не отдавай ни одному управление, — сказал Альберт.

— Очень полезный совет, — ответил я. — Может, объяснишь, откуда ты знаешь?

— Позже, — сказал Альберт.

— Это твоё любимое слово, — сказал я.

— Оно много раз сохраняло тебе жизнь.

— Судя по сегодняшнему утру, не всегда.

Альберт хотел ответить, но в коридоре раздались шаги.

Не торопливые. Не случайные. Человек шёл так, будто знал, какой шкаф ему нужен.

Альберт закрыл дверцу 227 и сунул старый телефон мне в карман.

— Уходим.

— Фотография Нины, — сказал я.

— Бери, — ответил Альберт.

Я спрятал снимок во внутренний карман куртки. Почему-то это действие показалось важнее паспорта.

В конце коридора появился мужчина в серой куртке. Он шёл спокойно и не смотрел по сторонам. Я узнал его сразу. Это был тот самый человек, который утром стоял возле мачты «Северного-4» и смотрел не на оборудование, а на людей.

Мужчина поднял глаза. На секунду наши взгляды встретились.

Что-то внутри меня — одна из четырёх частей или кто-то пятый — узнало его раньше сознания.

— Альберт, — тихо сказал я.

— Вижу, — ответил Альберт.

Мы отступили к боковому проходу.

И тогда в витрине справа моё отражение повернуло голову раньше меня.

Глава 4

Смех

Мужчина в серой куртке шёл к шкафчику 227 так спокойно, будто коридор принадлежал ему. Он не ускорился, когда увидел нас, не полез в карман и даже не изменил выражения лица. Именно эта спокойная уверенность напугала меня сильнее, чем если бы он достал оружие.

Альберт захлопнул дверцу шкафчика и одной рукой подтолкнул меня к противоположному выходу. Второй рукой он уже набирал номер на телефоне. Я услышал лишь короткое: «План Б. Сейчас». Голос у него был ровным. Улыбки не было.

— Он с «Северного-4», — сказал я Альберту, когда мы свернули в боковой коридор. — Стоял возле мачты вместе с подрядчиком.

— Я понял, — ответил Альберт. — Поэтому сейчас не геройствуем. Он не идёт за нами, чтобы попросить автограф.

Станция оказалась лабиринтом из старых служебных помещений, вентиляционных коридоров и лестниц, которые после реконструкции вели не туда, куда обещали таблички. Альберт явно изучил план заранее. Он открыл металлическую дверь пластиковым пропуском, который точно не принадлежал ему, провёл меня через помещение с выключенными автоматами и вывел в тёмный тамбур, где пахло ржавчиной и озоном.

Сзади хлопнула дверь. Мужчина не кричал и не требовал остановиться. Он просто шёл следом.

— Почему он не бежит? — спросил я Альберта.

— Потому что уверен, что знает, куда мы выйдем, — ответил Альберт. — Или потому что его задача не задержать нас здесь.

Альберт остановился так резко, что я едва не врезался ему в спину. За следующей дверью должен был быть двор, но он не открыл её. Вместо этого прислонил телефон к металлу, включил камеру и просунул объектив в щель у петли. На экране стояли двое мужчин. Один курил. Второй смотрел прямо на дверь.

— Значит, второй вариант, — тихо сказал Альберт. — Нас ведут.

Он повернулся обратно. Впервые за всё время я увидел на его лице не страх, а злость — холодную, деловую, почти математическую. Альберт не любил, когда кто-то лишал его возможности выбирать маршрут.

Мы вышли через погрузочный тоннель на соседнюю улицу, смешались с людьми у остановки и пять минут ехали в переполненном автобусе, стоя между женщиной с продуктовой сумкой и студентом в огромных наушниках. Эта бытовая теснота казалась абсурдной. Несколько минут назад я убегал от человека, которого видел на секретной мачте в Баренцевом море, а теперь слушал, как пожилая женщина спорит по телефону о цене картошки.

Именно тогда я впервые понял, что настоящий заговор, если он существует, должен выглядеть не как заговор. Он должен существовать внутри обычной жизни, пользуясь ею как маскировкой.

Альберт снял нас с автобуса через четыре остановки и повёл во двор старого кирпичного дома. Квартира на третьем этаже была ещё одной его временной базой: минимум мебели, закрытые шторы, роутер без маркировки, запасная одежда, аптечка, несколько бутылок воды и ноутбук, который включался только после аппаратного ключа.

— Ты давно готовился? — спросил я Альберта.

— Я давно перестал верить, что подготовка выглядит смешно только до первого раза, когда она спасает жизнь, — ответил Альберт. — Снимай мокрую куртку. И выключи обычный телефон.

Я достал старый аппарат из шкафчика 227. Он был тяжёлым, с поцарапанным корпусом и батареей, которая держалась на честном слове. Альберт посмотрел на него почти с уважением.

— Ты называл его «кирпичом для конца света», — сказал Альберт. — Никакой облачной синхронизации, никаких обновлений, минимум умных функций. Ты считал, что глупое устройство иногда безопаснее умного человека.

Телефон включился только с третьей попытки. На экране появилась дата трёхлетней давности, затем время сбросилось на 00:00. В памяти было почти ничего: несколько фотографий, два коротких аудиофайла, папка без имени и четыре контакта.

АЛЬБЕРТ. СМЕХ. ЛЕВИНА. 227.

Я перечитал список дважды.

— «СМЕХ» — это кто? — спросил я Альберта.

Альберт посмотрел на экран. — Евгений, — ответил Альберт. — Женя. И прежде чем спросишь: нет, он не считает себя человеком по фамилии Смех. Ты сам так сохранил его в телефоне.

— Почему не имя? — спросил я.

— Потому что ты говорил, что имя и лицо можно заменить, а привычку смеяться — сложнее, — сказал Альберт. — В тот период ты вообще перестал доверять фотографиям.

Я открыл контакт. Номера не было. Вместо него — набор из шестнадцати символов и кнопка «ВЫЗОВ». Телефон, каким-то образом не подключённый ни к Wi-Fi, ни к мобильной сети, начал соединение.

Альберт тихо выругался.

— Ты знал, что он так умеет? — спросил я.

— Нет, — ответил Альберт. — И мне очень не нравится, когда старые вещи внезапно оказываются умнее меня.

В динамике щёлкнуло. Затем раздался мужской голос.

— Если это снова ты, сначала скажи, жив ли ты, — сказал незнакомец.

Я замер.

— Евгений?

На том конце воцарилась пауза. Потом мужчина рассмеялся.

Смех был громким, открытым и настолько заразительным, что Альберт невольно усмехнулся. Но меня не потянуло улыбнуться.

Мир на секунду провалился.

Белый склон. Хруст снега под доской. Холодный воздух, режущий лицо. Я несусь вниз и знаю, что тело под курткой — не моё. Впереди мужчина падает в сугроб, поднимается и смеётся. Лицо другое. Голос другой. Но смех — тот же. Рядом снимает перчатку женщина с тяжёлым серьёзным взглядом. Её лицо тоже незнакомо, а я почему-то знаю, что уже видел этот взгляд прежде.

Видение длилось меньше секунды. Я ударился ладонью о стол, удерживая равновесие.

— Николай? — позвал Альберт. — Скажи, где ты.

— Здесь, — ответил я. — Но я только что видел его другим.

В трубке больше никто не смеялся.

— Где? — спросил Евгений.

— В горах. Снег. Мы ехали на досках. Ты выглядел иначе, — ответил я. — И рядом была женщина. Я не узнаю её лицо, но узнаю взгляд.

Евгений тихо выдохнул.

— Альберт рядом?

— Рядом, — ответил Альберт вместо меня.

— Тогда закрывайте шторы и ничего не трогайте, — сказал Евгений. — Я буду через сорок минут.

Связь оборвалась.

— Он даже не спросил адрес, — заметил я.

Альберт посмотрел на старый телефон. — Да, — ответил Альберт. — И это сегодня уже не самая неприятная странность.

Евгений приехал через тридцать семь минут. Я запомнил число и не сказал об этом вслух.

Он оказался мужчиной около сорока, среднего роста, в тёмной куртке и с лицом человека, которого выдернули из нормального рабочего дня и заставили участвовать в истории, которую он давно хотел считать законченной. На плече висела сумка с инструментами. Позже я узнал, что Евгений обслуживал промышленную автоматику и зарабатывал тем, что возвращал к жизни оборудование, которое другие предпочитали менять целиком.

Евгений снял обувь у двери, поставил сумку у стены и первым делом написал кому-то сообщение. Я заметил на экране имя «Лена» и детскую фотографию на заставке.

— Жена? — спросил я Евгения.

— Сестра, — ответил Евгений. — А на фото племянница. Я обещал отвезти её сегодня на плавание. Теперь опять совру, что работа затянулась. Очень люблю ваши тайные организации за вклад в семейные отношения.

Он говорил раздражённо, но без героизма. Именно это располагало. Евгений не хотел быть частью тайны. Он хотел успеть к ужину, платить ипотеку, чинить оборудование и не объяснять родственникам, почему периодически исчезает после звонка со старого телефона.

— Почему ты пришёл? — спросил я Евгения.

Евгений сел напротив. — Потому что однажды не пришёл, — ответил Евгений. — И после этого человек, который меня звал, пропал на полгода. Когда появился, не помнил ни меня, ни половину собственной жизни. С тех пор я предпочитаю выглядеть параноиком заранее.

Альберт прислонился к подоконнику. — Отличный клуб. Вступительный взнос — психика.

— Тебя вообще никто не спрашивал, — ответил Евгений и впервые улыбнулся.

Я попросил его ещё раз рассмеяться. Евгений посмотрел на меня как на идиота, но Альберт рассказал ему про склон. Через минуту Женя не выдержал и действительно рассмеялся — коротко, заразительно, почти мальчишески.

Снег вернулся мгновенно. Теперь я увидел больше. В другом теле я стоял у подъёмника, снимая шлем. Евгений — другой Евгений, с широким лицом и бородой — спорил о чём-то с женщиной. Она повернулась ко мне. Не её черты, а выражение глаз заставило внутренне отшатнуться. Строгая сосредоточенность, будто человек не просто смотрит, а сравнивает увиденное с чем-то уже известным.

Я пришёл в себя, сжимая край стола.

— Я тебя уже узнавал, — сказал я Евгению.

Евгений перестал улыбаться. — Где?

— Не знаю. В другой жизни или в чьей-то памяти. Ты выглядел иначе, — ответил я.

Альберт обменялся с Женей быстрым взглядом. Я успел заметить.

— Вы оба знали, что так может случиться, — сказал я.

— Мы знали, что похожее уже происходило, — ответил Евгений. — Но не знали, что ты снова начнёшь узнавать людей по тому, что не должно переживать смену лица.

— Что именно происходило? — спросил я.

Евгений потёр ладони, выбирая слова. — Три года назад Контур собрал группу людей после серии странных совпадений, — сказал Евгений. — Я не видел будущего, не просыпался в чужом теле и не разговаривал с умершими. Моя особенность была намного скучнее. Два человека в разное время сказали, что узнают мой смех. Оба утверждали, что встречались со мной раньше. Оба описывали разные лица. И ни один по документам со мной никогда не пересекался.

— Контур решил, что ты доказательство? — спросил я.

— Контур решил, что я удобная переменная, — ответил Евгений. — А я решил, что они могут идти к чёрту. Я обычный человек, Николай. Работаю, ругаюсь с начальством, забываю покупать продукты, по воскресеньям звоню матери. Я не хочу быть чьим-то подтверждением теории о бессмертной душе.

— И я не хочу, — сказал я.

Евгений усмехнулся. — Тогда у нас уже есть что-то общее.

Я показал ему старый телефон. Евгений не удивился четырём контактам, но заметно напрягся, увидев папку без имени.

— Не открывай, — сказал Евгений.

— Почему? — спросил я.

— Потому что в прошлый раз после неё ты двое суток не спал и пытался доказать Альберту, что ваши мысли синхронизируются, — ответил Евгений. — Возможно, ты был прав. Но видел я тогда человека, которому правильный ответ не помогал.

Альберт отвернулся к окну.

— Он не преувеличивает, — тихо сказал Альберт.

В комнате стало тесно от недосказанного. За стеклом шёл мелкий северный дождь. Где-то внизу хлопнула дверца машины. Альберт осторожно отодвинул край шторы.

— Чёрный седан? — спросил Евгений.

— Нет, — ответил Альберт. — Но это ничего не значит.

Евгений посмотрел на часы. — Левина едет?

Я обернулся. — Та самая женщина?

— Возможно, — ответил Евгений. — Но прежде чем ты построишь новую теорию: я познакомился с ней здесь, в этой биографии, обычным способом. Через Контур. Она врач и нейрофизиолог. Очень не любит, когда из совпадений делают религию.

— Звучит как человек, с которым я уже заранее поссорился, — сказал я.

— Скорее всего, — ответил Альберт. — Поэтому я её и позвал.

Левина приехала через двадцать минут. Она вошла без суеты, сняла мокрое пальто, поставила на стол тонкую медицинскую сумку и сразу посмотрела на меня так, будто в комнате больше никого не было.

Ей было около тридцати пяти. Тёмные волосы были собраны небрежно, несколько прядей выбились от дождя. Лицо казалось спокойным, почти строгим, но глаза выдавали другое — не холодность, а непрерывную работу мысли. Она смотрела не оценивающе и не сочувственно. Она фиксировала.

Я перестал дышать на полуслове.

Тот же взгляд.

Снежный склон. Другое лицо. Женщина возле подъёмника смотрит так же: будто мир — задача, в которой лишняя деталь может оказаться ключом.

Альберт заметил мою реакцию.

— Доктор Елена Левина, — сказал Альберт. — Николай. Формально вы знакомы. Практически всё сложнее.

Левина не протянула руку. — Вы меня знаете?

— Нет, — ответил я.

Левина едва заметно приподняла бровь. — Но?

— Я узнаю то, как вы смотрите, — сказал я. — Лицо другое. Взгляд тот же.

Евгений тихо выдохнул. Альберт перестал двигаться.

Левина закрыла дверь на внутренний замок и ещё раз посмотрела на меня. На этот раз в её лице впервые появилась эмоция — не страх, а плохое подтверждение гипотезы, которую она очень надеялась опровергнуть.

— Тогда всё хуже, чем я надеялась, — сказала Левина. — И прежде чем вы зададите сто вопросов, нам нужно проверить, сколько из того, что вы сейчас считаете воспоминанием, вообще принадлежит вашему мозгу.

Глава 5

Сигнал

Исследовательский центр Левиной находился на окраине Мурманска в здании, которое выглядело слишком скучно для места, где изучали людей, помнивших невозможное. Серый фасад, автоматические двери, маленькая парковка, вывеска частной клиники и кофейный автомат возле охраны. Если Контур хотел спрятать тайную лабораторию, лучшей маскировкой действительно была медицинская бухгалтерия.

Мы приехали туда не одной машиной. Левина настояла, чтобы Альберт ехал отдельно, Евгений сделал круг через промышленную зону, а я двадцать минут сидел на заднем сиденье такси рядом с женщиной, которая всю дорогу обсуждала по телефону лечение кота. После станции, погони и старого телефона её разговор о почках британца по имени Марсель звучал успокаивающе.

Левина встретила меня в служебном входе. На ней уже был белый халат поверх чёрного свитера. В руках — планшет и тонкая папка.

— С этого момента я буду задавать скучные вопросы, — сказала Левина. — Скучные вопросы полезнее красивых ответов.

— Альберт говорил примерно обратное, — ответил я.

— Поэтому Альберт занимается сделками, а я — людьми, которые после его идей попадают ко мне, — сказала Левина.

Из коридора донёсся голос Альберта: — Я всё слышу, — сказал Альберт.

— На это и был расчёт, — ответила Левина.

Она отвела меня в кабинет без окон. Там стояли кушетка, два монитора, аппарат ЭЭГ, камеры, металлический шкаф с пломбами и обычный письменный стол, на котором лежали карандаши, медицинские атласы и кружка давно остывшего чая. На стене висели дипломы по нейрофизиологии и когнитивной медицине. Никаких символов, тайных карт или красных лампочек.

Именно поэтому я поверил ей больше, чем хотел.

Левина начала с обычного. Давление. Зрачковые реакции. Координация. Простые вопросы о дате, месте, собственном имени. Она заставила меня перечислить пять предметов, повторить их через десять минут, нарисовать часы, пройти по прямой с закрытыми глазами и определить запахи из непрозрачных флаконов.

— Что вы ищете? — спросил я Левину, когда она в третий раз посветила мне в глаза.

— Сначала я ищу всё, что способно сделать чудо ненужным, — ответила Левина. — Гипоксия, микроинсульт, эпилептиформная активность, нарушение сна, интоксикация, посттравматическая реакция, ложная память. Если объяснение есть в обычной неврологии, мы обязаны найти его раньше, чем начнём придумывать новое устройство Вселенной.

— А если не найдёте? — спросил я.

— Тогда я скажу «не знаю», — ответила Левина. — Это гораздо профессиональнее, чем сказать «невозможно».

Её ответ понравился мне больше, чем я ожидал.

Она закрепила на моей голове датчики. Провода тянулись к блоку, похожему на маленький сервер. На мониторе появились волны.

— Расскажите про смерть под водой ещё раз, — попросила Левина.

Я рассказал. Про 10:43. Про треск в связи. Про чужой голос. Про Анже, Францию и чёрных собак. Про серебристое тело и город, который я не мог назвать. Левина не прерывала,

только отмечала время и иногда просила уточнить запах, температуру, расположение предметов.

— Почему вас интересуют запахи? — спросил я.

— Потому что выдуманые воспоминания часто строятся визуально, — ответила Левина. — Запахи и проприоцепция хуже поддаются сознательному конструированию. Это не доказательство. Просто один из фильтров.

Она показала первую карточку. Красный квадрат.

— Назовите изображение, — сказала Левина.

— Красный квадрат, — ответил я.

Следующие карточки были обычными: дом, лестница, стакан воды, птица. На пятой Левина только начала поднимать руку, а у меня перед глазами вспыхнуло другое.

Мокрая металлическая ручка. Красный огнетушитель на стене. Узкая лестница вниз. Белый фургон у контейнеров. На его лобовом стекле трещина в правом нижнем углу.

— Красный огнетушитель, — сказал я прежде, чем увидел карточку. — Лестница вниз. Во дворе белый фургон.

Левина медленно опустила руку. На карточке был нарисован красный квадрат.

— Я не показывала вам остальное.

— Знаю, — ответил я.

Она встала и подошла к двери. За ней действительно была лестница вниз. На площадке висел красный огнетушитель. Через окно в конце коридора был виден двор и белый фургон возле контейнеров.

У фургона была трещина на стекле.

Левина вернулась молча.

— Вы раньше были здесь?

— Никогда, — ответил я.

— Альберт мог показать фотографии? — спросила Левина.

— Не показывал, — ответил Альберт из соседней комнаты через громкую связь.

Левина посмотрела в камеру. — Я спрашивала Николая.

— Просто помогаю экономить время, — ответил Альберт.

— Альберт, если вы ещё раз вмешаетесь в тест, я отключу вам звук, — сказала Левина.

— Жестокость науки не знает границ, — ответил Альберт.

Евгений сидел у стены и наблюдал за нами. Когда я посмотрел на него, он пожал плечами.

— Я предупреждал, — сказал Евгений. — Она не любит красивых ответов и Альберта примерно одинаково.

Левина проигнорировала обоих.

Следующий тест был сложнее. Левина вывела на монитор двадцать фотографий незнакомых лиц. Часть была настоящей, часть — сгенерированной программой. Я должен был отметить тех, кого «узнаю», не объясняя почему.

На шестом лице возникло странное ощущение знакомого движения, хотя человек на снимке был совершенно чужим. На одиннадцатом — тревога. На четырнадцатом я увидел на долю секунды женщину, стоящую у окна в комнате, которой не существовало.

— Стоп, — сказал я.

Левина остановила тест. — Что увидели?

Я описал комнату: серые стены, узкую кровать, алюминиевую кружку, полоску света под дверью. Женщина в моём видении сидела на краю кровати и повторяла неизвестное слово.

Левина записала его фонетически.

— Это что-то значит? — спросил я.

— Пока нет, — ответила Левина. — И это хорошо.

— Почему хорошо? — спросил я.

— Потому что смысл слишком быстро превращает наблюдение в историю, — сказала Левина. — А история начинает защищать сама себя.

В этот момент телефон Альберта завибрировал. Он посмотрел на экран и не ответил. Через минуту вибрация повторилась.

— Возьмите, — сказала Левина. — Иначе вы будете думать о звонке сильнее, чем о тесте.

Альберт вышел в коридор. Дверь закрылась не до конца, и я услышал женский голос из динамика.

— Ты обещал быть к ужину, — сказала женщина.

— София, у меня всё немного усложнилось, — ответил Альберт.

— У тебя всегда всё немного усложняется, когда появляется Николай, — сказала София. Наступила пауза.

— Я позвоню позже, — сказал Альберт.

— Ты всегда звонишь позже, — ответила София и отключилась.

Альберт вернулся с тем же выражением лица, но теперь я видел в его шутливой лёгкости трещину. Он заметил мой взгляд.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал, — ответил я.

— Именно. Ты думаешь лицом, — сказал Альберт.

Левина подняла глаза от экрана. — Любопытная формулировка, — сказала Левина. — Давайте проверим.

Она посадила Альберта в соседней комнате, закрыла дверь и попросила его выбрать одну из пяти карточек, не показывая никому. Мне велела смотреть на белую стену и говорить первое, что приходит в голову.

Первую минуту не происходило ничего. Потом я услышал не голос, а смысл.

Если он вспомнит стирание, придётся уезжать сегодня.

Я повернулся к зеркальному стеклу.

— Какое стирание?

За стеклом Альберт резко поднял голову.

Левина замерла. — Николай, повторите дословно.

Я повторил.

Альберт вошёл в кабинет почти сразу. Он побледнел.

— Я этого не говорил.

— Я знаю, — ответил я.

— О чём ты думал? — спросила Левина Альберта.

Альберт не ответил.

— Альберт, сейчас не время защищать чужие секреты от медицинской этики, — сказала Левина.

Он провёл ладонью по лицу. — Именно об этом, — сказал Альберт. — Я подумал, что если Николай вспомнит процедуру стирания, нам придётся менять место сегодня.

Евгений тихо выругался.

Я почувствовал, как внутри поднимается злость.

— Вы стирали мне память? — спросил я Альберта.

— Не здесь, — ответил Альберт.

— Это не ответ, — сказал я.

— Я знаю, — сказал Альберт.

Левина выключила часть аппаратуры. — Никто больше ничего не думает намеренно и особенно не пытается его проверить, — сказала Левина. — Мы не знаем, передал ли Альберт

мысль, прочитал ли Николай состояние или оба получили доступ к общему источнику. Если сейчас начнёте ставить самодельные эксперименты, вы испортите всё.

— Как можно не думать намеренно? — спросил Евгений.

— У вас отлично получается, — ответила Левина.

Евгений рассмеялся. Даже Альберт на секунду улыбнулся.

Я нет.

Когда Левина отошла к доске, я заметил написанное в верхнем углу слово: СНИГЕРИЯ. Под ним были даты: 1968, 1971, 1973, 1986. Рядом — несколько фамилий, часть зачёркнута.

— Что это? — спросил я.

Левина задержалась у доски. Она явно решала, сколько информации безопасно дать за один раз.

— Старое исследовательское направление, — сказала Левина. — Неофициальное название появилось ещё в советских материалах. Группы изучали нарушения памяти, повторяющиеся образы, случаи знания мест и событий, которых человек не должен был знать, а также странные совпадения между биографиями.

— Государственная программа? — спросил я.

— Несколько программ, которые позже объединили задним числом, — ответила Левина. — И прежде чем вы спросите: большинство случаев оказалось ошибками, внушением, психиатрией, мошенничеством или обычной человеческой способностью видеть закономерность там, где её нет.

— А остальные? — спросил я.

Левина посмотрела на меня. — Остальные стали причиной, по которой я сегодня здесь.

Она открыла металлический шкаф. Внутри лежали копии архивных материалов, катушки плёнки, фотографии и папки с грифами давно несуществующих ведомств.

На одной папке стояла дата 1973.

Я ощутил короткий холод, хотя не понимал почему.

— Вы давно этим занимаетесь?

— Девять лет, — ответила Левина. — До этого я была уверена, что любые истории о «чужой памяти» объясняются мозгом. Потом ко мне попал пациент, который после операции подробно описал лабораторию, где никогда не был. Через два года я сама вошла в такую лабораторию. Она находилась в закрытом архиве и выглядела именно так, как он говорил, включая трещину на стекле шкафа.

— И вы поверили? — спросил я.

— Нет, — сказала Левина. — Я начала проверять внимательнее.

Это было очень в её характере.

Она достала старую фотографию. На ней стояли пятеро исследователей возле аппаратуры. На обороте было написано: «М-7. Проверка возрастного якоря». Я хотел спросить, что это значит, но в голове внезапно возникло ощущение, которое не было моим.

Кровать. Тёмная комната. Чужое дыхание. Ужас человека, который слышит шаги в коридоре и знает, что дверь откроется через несколько секунд.

Затем пришло слово.

Не звук. Не мысль, оформленная фразой. Команда, переданная прямо смыслом.

ЛОЖИСЬ.

Я не успел понять, откуда она.

— Всем на пол! — крикнул я.

Левина не спросила почему. Она схватила Евгения за рукав и резко потянула вниз. Альберт бросился за стол. Я упал рядом с кушеткой.

Стекло окна разлетелось внутрь.

Выстрел прозвучал позже удара — сухой хлопок с улицы. Пуля вошла в стену ровно там, где секунду назад была моя голова.

На белой краске осталось серое углубление.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Левина, всё ещё лежа на полу, сказала удивительно спокойным голосом: — Это было не предчувствие. Времени на реакцию было слишком мало.

Альберт поднял голову. — Елена, сейчас не лучший момент для научной радости.

— Я не радуюсь, — ответила Левина. — Я очень стараюсь не паниковать.

В коридоре завывала сигнализация.

Евгений посмотрел на меня. — Кто сказал тебе лечь?

— Не знаю, — ответил я.

На стене возле пулевого отверстия медленно мигал экран медицинского монитора.

На нём появилась строка, которой там раньше не было:

«СИГНАЛ ПРИНЯТ».

Глава 6

Сорок секунд

Левина не позволила никому подойти к окну. Через двадцать секунд после выстрела она уже отключила сеть кабинета, сняла накопитель с медицинского блока и спрятала его в карман. Альберт вызвал кого-то одним коротким сообщением. Евгений перевернул металлический стол и использовал его как дополнительное укрытие.

— У вас часто стреляют по пациентам? — спросил Евгений Левину.

— До Николая статистика была существенно лучше, — ответила Левина.

Даже сейчас она умудрялась говорить сухо. Но я видел её руки. Они дрожали, когда она снимала датчики с моей головы.

Сигнализация продолжала быть. Через внутреннюю связь охрана требовала оставаться на месте до прибытия полиции. Альберт посмотрел на динамик так, словно услышал приглашение добровольно лечь в багажник.

— Мы уходим до полиции, — сказал Альберт.

— Почему? — спросил я.

— Потому что стрелок знал кабинет, окно и момент, когда ты будешь сидеть именно здесь, — ответил Альберт. — А значит, либо у них есть человек внутри, либо они знают о наших действиях больше, чем должны. В обоих случаях ждать официальную группу — плохая идея.

Левина не спорила.

Мы вышли через технический этаж, спустились по лестнице к подземной парковке и сели в две машины. Первые десять минут казалось, что за нами никто не едет. Потом Евгений сообщил по связи, что серый внедорожник повторил три поворота подряд.

— Не ускоряйся, — сказал Альберт Евгению по громкой связи. — На следующем перекрёстке уходи прямо. Мы направо.

— Если это твой очередной гениальный план, я хочу письменную гарантию, — ответил Евгений.

— Получишь после смерти, — сказал Альберт.

— Очень мотивирует, — ответил Евгений.

Три машины, две смены маршрута, один грузовой двор и короткая пересадка через пустой торговый центр позже мы оказались в подвале старого офисного здания. Альберт назвал это «осторожностью». Левина — «паранойей с доказательной базой». Евгений впервые за вечер не спорил.

Убежище занимало два помещения. В одном стояли складские стеллажи и раскладные кровати. В другом — генератор, серверный шкаф, рабочий стол и оборудование, которое Левина, судя по её лицу, уже мысленно объявила недостаточно стерильным.

— Кто всё это подготовил? — спросил я Альберта.

— Ты, — ответил Альберт.

Я рассмеялся, решив, что он шутит. Альберт не улыбнулся.

— Три года назад ты арендовал это помещение через фирму, которая существовала четыре месяца, — сказал Альберт. — Потом передал мне ключ и сказал использовать только после «возврата сорока секунд». Я не понял, что это значит. Теперь, кажется, начинаю.

Левина поставила сумку на стол. — Если ваш прошлый «я» оставил ещё хотя бы один квест, я официально потребую инструкцию пользователя.

— В прошлый раз он тоже хотел инструкцию, — ответил Альберт. — Потом выяснилось, что написал её сам и сам же спрятал.

Меня не рассмешило.

Пока Левина собирала переносную систему мониторинга, я снова включил старый телефон. В папке без имени появились два аудиофайла. Раньше их было видно, но они не открывались. Теперь один назывался одной буквой: «Н».

Я нажал воспроизведение.

Голос Нины заполнил помещение настолько неожиданно, что я едва не выронил телефон.

— Если ты это слушаешь, значит, ты опять решил, что можешь справиться один, — сказала Нина на записи.

У меня сжалось горло.

На заднем плане звякнула посуда. Я узнал нашу кухню раньше, чем успел объяснить себе, откуда знаю этот звук.

— Ты просил меня записать это и не задавать вопросов, — продолжила Нина. — Это ужасная просьба, Николай. Но я согласилась только потому, что ты впервые честно сказал, что боишься себя потерять.

Я сел на край раскладной кровати.

Альберт стоял у двери и не приближался. Левина, заметив моё лицо, сделала вид, что занята кабелями. Евгений вышел в соседнее помещение.

— Если ты меня не помнишь, не пытайся срочно почувствовать то, что «должен», — сказала Нина. — Я не хочу быть тестом на твою человечность. И не приходи ко мне только потому, что кто-то сказал, что ты меня любил. Если однажды придёшь — пусть это будет потому, что ты сам решил познакомиться со мной заново.

Запись закончилась.

Я несколько секунд смотрел на чёрный экран.

— Она знала? — спросил я Альберта.

— Часть, — ответил Альберт. — Ровно столько, сколько ты позволил. Она знала о провалах памяти. Не знала про Контур полностью, Записи и всё остальное.

— Почему я оставил это здесь? — спросил я.

— Возможно, чтобы напомнить себе, что память и обязанность — не одно и то же, — сказала Левина.

Я посмотрел на неё.

— Вы всегда так спокойно говорите о чужих отношениях?

Левина на секунду задержала взгляд. — Нет, — ответила Левина. — Только когда человек пытается превратить чувство в доказательство собственной личности.

В её голосе была не только профессиональная строгость. Что-то личное мелькнуло и исчезло прежде, чем я успел спросить.

Я открыл карточку Нины в памяти телефона. Номера не было. Только фотография и короткая подпись моей рукой: «НЕ ИЩИ, ПОКА НЕ ВЫБЕРЕШЬ САМ». Я закрыл экран.

Это решение далось тяжелее, чем хотелось признать.

К полуночи Левина закончила настройку оборудования. Она подключила датчики к моим вискам, надела на палец пульсоксиметр и заставила описывать любой образ до того, как я успею объяснить его себе.

Первый тест ничего не дал. Второй — тоже. На третьем я увидел Альберта.

Не в памяти. Не как фантазию. Я увидел его через сорок секунд.

Он сидел у стола, затем смотрел на дверь, вставал, открывал её и произносил фразу: «Курьер заблудился».

Я открыл глаза.

— Через сорок секунд ты встанешь, — сказал я Альберту. — Откроешь дверь, посмотришь направо и скажешь: «Курьер заблудился».

Альберт посмотрел на часы. — Я принципиально не буду вставать, — заявил Альберт.

Левина включила секундомер. — Никто не меняет поведение специально, кроме уже заявленного отказа Альберта.

— Это дискриминация, — сказал Альберт.

— Это контроль переменных, — ответила Левина.

Прошло двадцать секунд.

В коридоре раздался звонок.

Альберт не двигался.

Тридцать секунд.

Звонок повторился.

Евгений посмотрел на Альберта. — Даже не думай.

— Я и не думаю, — ответил Альберт.

На тридцать восьмой секунде кто-то постучал уже кулаком.

— Если там группа захвата, мне будет неловко, — сказал Альберт.

На сороковой секунде он выругался, встал и открыл дверь.

За ней стоял молодой курьер с пакетом еды и растерянно смотрел на номера помещений.

— Курьер заблудился, — сказал Альберт.

Он замер.

Медленно повернулся ко мне.

— Ненавижу тебя, — сказал Альберт.

— Я тоже ничего хорошего не чувствую, — ответил я.

Евгений проверил заказ. Еду действительно заказал Альберт почти час назад, ещё до теста. Адрес в приложении был указан правильно, но курьер вошёл через другой подъезд и запутался в коридорах.

Левина записала время до десятой доли секунды.

— Мы не знаем, увидел ли Николай будущее, наиболее вероятный сценарий или состояние, которое стало вероятнее после того, как он его увидел.

— Фраза была моей, — сказал Альберт. — Я не собирался её произносить.

— Именно это важно, — ответила Левина. — Предсказание могло повлиять на вас через попытку его избежать. Мы получили классическую проблему наблюдателя, только с очень неприятной временной составляющей.

— А если я вообще не открыл бы дверь? — спросил Альберт.

— Тогда мы получили бы другой результат, — сказала Левина.

— И доказали свободу воли? — спросил Евгений.

— Нет, — ответила Левина. — Доказали бы только, что одно предсказание не исполнилось. Не превращайте эксперимент в богословие быстрее, чем я успеваю записывать данные.

Мне нравилось, что она каждый раз отрезала самый красивый вывод.

Следующее окно оказалось хуже.

Я увидел себя через сорок секунд возле металлического ящика у стены. Под ним лежал конверт. На конверте — моё имя. Внутри фотография девочки и записка.

Я открыл глаза.

— Под ящиком что-то есть.

Евгений проверил. Конверт лежал там.

— Кто его положил?

Альберт сразу открыл записи камер. За последние шесть часов никто не подходил к ящику. Затем он отмотал дальше. На сорок секунд записи изображение превращалось в серый шум.

Ровно сорок секунд.

— Это уже не статистика, — тихо сказал Альберт.

Левина не ответила.

Я вскрыл конверт.

На фотографии была девочка лет двенадцати. Она стояла возле старых механических часов. Секундная стрелка была поймана кадром в странном положении, а на циферблате маркером нарисована стрелка против хода.

На обратной стороне фотографии моей рукой было написано:

«НЕ ПЫТАЙСЯ ПРЕДУПРЕДИТЬ ЕЁ РАНЬШЕ, ЧЕМ ОНА УВИДИТ ТЕБЯ».

Внутри конверта лежала вторая записка:

«ПОСЛЕ СОРОКА СЕКУНД БУДУЩЕЕ СМОТРИТ НАЗАД».

Никто не говорил несколько секунд.

— Когда я это написал? — спросил я.

Левина сравнила почерк с образцами из шкафчика 227. — Если подделка, то очень хорошая, — сказала Левина. — Совпадают не только буквы, но и давление, наклон и ваши характерные исправления.

— Может, я написал это три года назад? — спросил я.

— Бумага новая, — ответил Евгений, осмотрев край. — И конверт тоже.

Альберт смотрел на фотографию. — Значит, либо кто-то воспроизводит твой почерк идеально, либо ты напишешь это позже и каким-то образом положишь раньше.

— Есть третий вариант, — сказала Левина. — Мы неправильно понимаем направление причинности.

Альберт посмотрел на неё. — Спасибо. Теперь мне значительно спокойнее.

Я перевернул фотографию ещё раз.

Лицо девочки казалось знакомым без причины.

— Я её знаю? — спросил я.

— В текущей биографии — нет, насколько я знаю, — ответил Альберт.

Свет в помещении мигнул.

Один из мониторов погас.

На чёрном стекле я увидел отражение комнаты.

За моей спиной стояла девочка с фотографии.

Я обернулся.

Никого.

— Что? — спросила Левина.

— Она была здесь, — ответил я.

— Где?

— В отражении.

Альберт медленно приблизился к монитору.

Экран сам включился.

На нём появилась та же фотография.

Только теперь девочка не смотрела в камеру.

Она смотрела прямо на меня.

И секундная стрелка часов за её плечом двигалась назад.

Глава 7

Девочка и часы

Девочка появилась через семь минут после того, как секундная стрелка на фотографии пошла назад. Эти семь минут оказались длиннее всей предыдущей ночи. Никто не выходил из помещения, потому что Левина запретила открывать дверь до проверки камер. Евгений сидел на краю металлического стола и впервые с момента нашей встречи не шутил. Альберт стоял у погасшего монитора, словно боялся отвернуться от собственного отражения. Я пытался убедить себя, что видел всего лишь сбой изображения, но тело знало другое: девочка смотрела не в объектив. Она смотрела на меня.

Левина подняла запись с трех камер сразу. На первой коридор был пуст. На второй пустовала лестница. Третья смотрела на дверь лаборатории изнутри и непрерывно показывала нас четверых. Никакого пятого человека. Никакого открывания замка. Никакой тени. — Если она появится снова, никто к ней не подходит, — сказала Левина. — И никто не пытается её удерживать. Мы сначала выясняем, что именно наблюдаем.

— Мне нравится формулировка «что именно», — сказал Евгений, но голос у него был сухой. — Не «кого». Очень успокаивает.

Левина посмотрела на него поверх планшета. — Евгений, если хотите помочь, следите за временем на стене и на серверах. Если увидите расхождение хотя бы в секунду — говорите вслух. Альберт, вы контролируете дверь. Николай, вы ничего не трогаете.

— Почему именно я ничего не трогаю? — спросил я.

— Потому что пока всё странное здесь реагирует в первую очередь на вас, — ответила Левина. — И это уже не комплимент.

В 02:17:43 лампы на потолке едва заметно потускнели. Евгений произнёс время. Альберт обернулся к двери. На камере коридор по-прежнему был пуст. А потом девочка уже стояла у стены — не вошла, не появилась вспышкой, не вышла из тени. Между одним кадром и следующим она просто стала частью помещения, как если бы всегда находилась там, а техника только сейчас согласилась это признать.

На вид ей было лет десять или одиннадцать. Тёмные волосы были собраны небрежно, одежда казалась слишком простой для лаборатории и слишком чистой для улицы. Больше всего меня поразило выражение лица: не страх ребёнка, оказавшегося среди незнакомых взрослых, а усталое терпение человека, который уже объяснял им одно и то же много раз.

Альберт медленно поднял руки, показывая пустые ладони. — Привет. Меня зовут Альберт. Как тебя зовут?

Девочка посмотрела на него, потом на Евгения и Левину. Ответа не последовало. Её взгляд остановился на мне.

— Она тебя боится, — сказал я Альберту, хотя не был уверен, что это правда.

— Все умные люди сначала боятся Альберта, — тихо сказал Евгений.

Левина коротко подняла руку, и Евгений замолчал. Затем Левина присела, чтобы её глаза оказались ниже уровня глаз девочки. — Мы не будем подходить, — сказала Левина. — Ты сама решишь, сколько расстояния оставить между нами. Хорошо?

Девочка впервые моргнула. Потом посмотрела на меня и произнесла: — Ты опять забыл.

От двух слов у меня свело желудок. Никакой угрозы в голосе не было. Именно поэтому стало страшнее. — Что именно я забыл? — спросил я.

Девочка перевела взгляд на мои руки. — Как больно возвращаться, — ответила она.

Я почувствовал фантомное давление воды на грудь, хотя находился в сухом помещении. На секунду запах пластика и озона сменился металлическим вкусом регулятора во рту. Перед глазами вспыхнуло мутное море и сварочная дуга. Я вцепился пальцами в край стола.

— Николай, смотрите на меня, — сказала Левина. Её голос стал жёстче. — Где вы сейчас?

— В лаборатории, — ответил я. — Мурманск. Ночь. Я стою возле стола. У меня холодные пальцы.

— Хорошо. Что вы слышите? — спросила Левина.

— Вентиляцию. Евгений дышит слишком громко. Альберт стучит большим пальцем по ноге, — сказал я.

Альберт перестал стучать. — Вот за такое я начинаю переживать.

Девочка наблюдала за нами. Потом подошла к пустой стене. Я видел обычную серую краску, пока она не подняла руку. Там, куда указывал её палец, появились двери. Сначала одна. Потом рядом вторая, третья, четвёртая. Каждая выглядела по-разному: лакированное дерево, сталь, белый пластик, материал без видимой фактуры. Над дверями горели даты: 1971. 2026. 2039. 2198. 2224. Ещё несколько чисел были словно стёрты чьей-то ладонью.

— Вы это видите? — спросил я.

Левина не стала поворачиваться к стене. Она смотрела только на моё лицо. — Нет, — ответила Левина. — Опишите всё по порядку. Не интерпретируйте.

Я перечислил двери и даты. Когда произнёс «2224», девочка слегка повернула голову. Это движение заметил и Альберт.

— Почему эта дата? — спросил Альберт девочку.

— Потому что там он решил, что тело больше не важно, — ответила девочка.

В комнате стало тихо. Я вспомнил серебристую руку из коротких вспышек после смерти, ощущение оболочки вокруг тела и странную уверенность, что металл слушается лучше собственных мышц.

— Кто «он»? — спросила Левина.

Девочка снова посмотрела на меня. — Смотря когда спрашивать, — ответила она.

Евгений шумно выдохнул. — Прекрасно. Ребёнок разговаривает как архивный философ, стены показывают двадцать второй век, а я всё ещё надеялся утром попасть домой.

— Женя, — предупредил Альберт.

— Я молчу, — ответил Евгений. — Но внутренне очень громко.

Девочка подошла к столу. Левина не остановила её. Рядом лежал мой блокнот. Девочка взяла карандаш и провела длинную линию. На левом конце написала «ДО», на правом — «ПОСЛЕ». Затем поставила палец в середину.

— Ты всегда так думаешь, — сказала девочка мне. — Здесь было раньше. Здесь будет потом. А ты идёшь между ними.

— Потому что так устроено время, — ответил я.

— Для кого? — спросила девочка.

Я не нашёл ответа. Она подняла лист и повернула его ребром к моим глазам. Линия исчезла. На её месте осталась точка.

— Линия никуда не делась, — сказала Левина почти машинально, как учёная, которая не может позволить красивому образу подменить факт.

Девочка посмотрела на неё с интересом. — Правильно, — сказала девочка. — Меняется не линия.

— Меняется положение наблюдателя, — произнёс я.

В ту же секунду где-то внутри меня возникло ощущение узнавания. Не мысль — телесное облегчение, как если бы я наконец вспомнил пароль, который тысячи раз вводил раньше. Я увидел Петербург, Францию, «Северный-4», незнакомый город будущего — не последова-

тельно, а наложенными друг на друга. На долю секунды расстояние между ними перестало иметь смысл.

Я резко опустил на стул. Левина схватила меня за запястье и посчитала пульс. — Что произошло?

— Я не переместился, — сказал я. — Я как будто перестал понимать, почему эти места должны быть далеко друг от друга.

— Это ощущение, не вывод, — сказала Левина.

— Знаю, — ответил я.

Девочка улыбнулась едва заметно. — В этот раз лучше, — сказала она.

Я поднял голову. — Что значит «в этот раз»?

Она не ответила. Вместо этого посмотрела на Альберта. — Он знает, — сказала девочка.

— Нет, — резко ответил Альберт. В его голосе исчезла привычная лёгкость. — Я видел последствия. Это не одно и то же.

— Это тоже знание, — сказала девочка.

Альберт побледнел так, будто эти слова принадлежали не ей. Я заметил, как он машинально полез в карман за телефоном, но не достал его.

— Кому ты хотел написать? — спросил я.

— Никому, — ответил Альберт слишком быстро.

— Софии? — спросил Евгений.

Альберт посмотрел на него так, что Евгений поднял обе руки. — Всё. Меня здесь нет.

Имя ничего мне не сказала, но реакция Альберта сказала достаточно. До этой секунды я почти забыл, что у него существует жизнь вне меня, Контура и вечных попыток сделать вид, будто всё можно пережить шуткой.

На одном из мониторов сам собой открылся видеофайл. Левина мгновенно отступила от стола, чтобы никто случайно не коснулся клавиатуры. На записи появился Альберт — тот же нос, тот же прищур, та же привычка улыбаться перед плохой новостью. Только старше лет на двадцать. В волосах седина, под глазами глубокие тени, на правой руке шрам, которого у нынешнего Альберта не было.

— Если вы смотрите это до того, как Николай открыл 2224, — сказал Альберт на записи, — не позволяйте ему добраться до Каталога. Если он уже открыл Каталог, не верьте ему, когда он скажет, что понял, кто он.

Нынешний Альберт шагнул к экрану. — Я этого не записывал.

— Пока, — тихо ответил Евгений.

Левина проверила свойства файла. Дата создания отсутствовала. Вместо неё в служебном поле стояло: «ИСТОЧНИК: ЛОКАЛЬНО НЕ ОПРЕДЕЛЁН». — Файл не пришёл по сети, — сказала Левина. — И не был записан на этот диск штатным способом.

— Тогда откуда он взялся? — спросил я.

— Если отвечу сейчас, я совру, — сказала Левина.

Запись продолжилась. Будущий Альберт наклонился ближе к камере. — И ещё. Если рядом девочка и она говорит, что он «опять забыл», не спрашивайте у неё имя. Спросите, который сейчас час.

Мы одновременно посмотрели на стену.

Часы показывали 02:23.

— Который сейчас час? — спросил я девочку.

Она ответила без паузы: — Для тебя или для комнаты?

Альберт тихо выругался.

— Для комнаты, — сказала Левина.

Девочка посмотрела на часы. — 02:23:18, — ответила она.

Евгений сверился с сервером. — Совпадает.

— А для Николая? — спросила Левина.

Девочка повернулась ко мне. — 10:43, — ответила она.

Я почувствовал ледяной холод в груди.

— Почему?

— Потому что ты всё ещё там, — сказала девочка.

Перед глазами вспыхнула вода. На этот раз не воспоминанием. Я услышал собственное дыхание в шлеме, увидел линию шва и яркие искры. Одновременно я видел лабораторию. Два пространства не сменяли друг друга — существовали вместе. Я чувствовал металлический поручень под рукой здесь и холод трубы под перчаткой там.

Левина положила ладонь мне на плечо. — Николай, выберите один набор ощущений. Сейчас — лаборатория. Опишите мою руку.

— Тёплая. Давление на левом плече. Три пальца сильнее двух, — ответил я.

— Хорошо. Теперь стол, — сказала Левина.

Я провёл ладонью по металлу, и постепенно море отступило.

Девочка всё это время стояла спокойно. Когда я снова смог нормально дышать, она спросила: — Если ты увидишь конец линии, это значит, что ты его создал?

— Не знаю, — ответил я.

— Хорошо, — сказала девочка. — В прошлый раз ты ответил слишком быстро.

Я встал. — Какой прошлый раз? Кто ты? Почему я должен тебя помнить?

Девочка впервые выглядела ребёнком. В её лице появилась боль. — Потому что ты обещал, — сказала она.

— Что обещал? — спросил я.

Девочка посмотрела на меня так, будто решение рассказать зависело от чего-то большего, чем наше любопытство. — Не делать из памяти тюрьму, — ответила она.

Часы на стене щёлкнули.

Секундная стрелка пошла назад.

02:23:17. 02:23:16. 02:23:15.

Евгений одновременно смотрел на сервер. — Системное время идёт нормально, — сказал Евгений. — Только часы.

Но я видел другое. На дверях в стене даты стали тускнеть одна за другой. 2198 исчезла. Затем 2039. Осталась 2224. Потом и она погасла.

Стрелка дошла до 10:43 — хотя физически между двумя показаниями не могло быть никакой последовательности.

Свет выключился.

В темноте я услышал голос девочки совсем рядом: — Не позволяй им выбрать, кого ты должен любить.

Я подумал о Нине раньше, чем успел понять почему.

Через секунду аварийное освещение включилось. Девочки не было. На столе лежал лист с линией. Рядом появилась новая надпись, которой никто из нас не видел раньше: «ПАМЯТЬ — НЕ ВЫБОР». Под ней другим почерком было добавлено: «НО ВЫБОР МОЖЕТ ПЕРЕЖИТЬ ПАМЯТЬ».

Левина долго смотрела на две фразы. Затем осторожно убрала лист в прозрачный пакет. — Никто не делает выводов до утра.

— А утром? — спросил Альберт.

— Утром мы начнём с самого неприятного, — ответила Левина. — Проверим, где заканчивается память Николая и начинается чужая.

После повторной проверки Левина отпустила меня из центра только под утро. Первым утренним рейсом мы втроём — Левина, Альберт и я — вылетели из Мурманска в Петербург. В Пулково Левина уехала прямо в клинику сверять результаты ночных тестов, а Альберт довёз

меня до квартиры и заставил пообещать, что при первом же провале памяти я позвоню. Уснуть удалось меньше чем на час.

Глава 8

Чужая память

Я проснулся от запаха жареного лука и был уверен, что нахожусь дома. Не в своей квартире. Даже не в своей жизни. Несколько секунд я лежал с закрытыми глазами и точно знал, что на кухне закипает маленькая алюминиевая кастрюля, что в верхнем шкафу справа лежат таблетки от давления, а под раковиной течёт сифон, который нужно подтянуть разводным ключом. Я знал это не как набор фактов. Я раздражался на этот сифон уже четвёртый месяц.

Потом я открыл глаза и увидел собственный потолок.

Комната была моей. Серое утро Петербурга просачивалось сквозь шторы. На стуле лежала куртка, рядом заряжался телефон. Но запах лука оставался настоящим. И вместе с ним — ноющая боль в левом колене, хотя моё колено не болело.

Я сел на кровати. В голове всплыло имя: Людмила. С ним пришли море, лето 1989 года, мокрые волосы женщины, которая смеялась и вытирала лицо краем полотенца. От воспоминания стало тепло и больно одновременно. Я знал, что она умерла семь лет назад. Знал номер палаты. Помнил, как держал её за руку.

Я никогда не знал женщину по имени Людмила.

За стеной хлопнула дверь. Затем раздался кашель. Я уже знал, кто вышел на лестничную площадку, прежде чем посмотрел в глазок.

Семён Аркадьевич жил этажом ниже. Пенсионер, бывший инженер, из тех людей, которые здороваются даже с подростками, рисующими на стене подъезда, а потом полчаса рассказывают им, почему краска портит штукатурку. Я видел его десятки раз. Мы никогда не разговаривали дольше двух минут.

Теперь я помнил его свадьбу.

Я выскочил в коридор. Семён Аркадьевич как раз запирает дверь и прижимал ладонь к груди.

— Доброе утро, Николай, — сказал Семён Аркадьевич. — Что-то вы сегодня...

Я посмотрел на него и почувствовал головокружение, которого у меня не было. — У вас давление примерно сто шестьдесят на девяносто.

Семён Аркадьевич медленно убрал руку от замка. — Простите? — спросил он.

— Таблетки лежат в зелёной коробке за банкой гречки, — сказал я. — Вы их вчера переставили, потому что на прежнем месте Людмила всегда держала чай.

Лицо старика изменилось. В нём не осталось соседской вежливости. — Вы были у меня дома? — спросил Семён Аркадьевич.

— Нет, — ответил я. — Но я помню вашу кухню.

Он отступил на ступеньку. Я сразу пожалел о последних словах. Для меня это было невозможно. Для него — вторжением.

— Николай, если это шутка... — начал Семён Аркадьевич.

— Это не шутка, — сказал я. — И я понимаю, насколько это звучит плохо.

Семён Аркадьевич смотрел на меня ещё несколько секунд, затем внезапно покачнулся. Я успел подхватить его. Через его плечо я увидел открытую дверь квартиры и кухню в глубине.

Она выглядела именно так, как я помнил.

Зелёная коробка действительно стояла за банкой гречки.

Я позвонил Левиной раньше, чем Альберту. Это удивило меня самого. Возможно, потому что от Альберта я ждал объяснений, а от Левиной — запрета на объяснения, пока нет фактов.

Она приехала через двадцать минут, почти без макияжа, с собранными волосами и небольшим медицинским рюкзаком. За ней появился Альберт, который явно не спал. В руках у него были кофе и пакет с выпечкой.

— Я принёс научное оборудование, — сказал Альберт и поднял стаканы.

— Кофе оставьте Семёну Аркадьевичу только после измерения давления, — сказала Левина.

— Вот поэтому у нас никогда не будет нормального стартапа, — ответил Альберт.

Семён Аркадьевич не улыбнулся. Он сидел на кухне, крепко держа чашку воды двумя руками. Левина измерила давление, дала ему принять его собственное лекарство и только после этого спросила разрешения на эксперимент.

— Какой ещё эксперимент? — насторожился Семён Аркадьевич.

— Николай утверждает, что помнит некоторые эпизоды вашей жизни, — сказала Левина. — Я хочу проверить, знает ли он то, чего не мог узнать обычным способом. Вы будете задавать границы. Если скажете «стоп», мы прекращаем.

Старик посмотрел на меня. — А если он знает? — спросил Семён Аркадьевич.

Левина не стала смягчать ответ. — Тогда нам будет страшнее, но полезнее.

Первое воспоминание оказалось бытовым. Семён Аркадьевич попросил назвать вещь, которая стояла на его письменном столе в старой квартире на Васильевском острове. Перед глазами у меня возникла тяжёлая стеклянная пепельница в форме лодки.

— Лодка, — сказал я. — Пепельница. С синей полосой по борту.

Семён Аркадьевич побледнел. — Я бросил курить до вашего рождения, — сказал он.

Второе воспоминание было хуже. Он спросил, где они с Людмилой познакомились. Я увидел очередь в кинотеатр, мокрый снег и девушку, которая уронила перчатку. Вместе с картинкой пришло то, чего я не хотел: его юношеское волнение, стыд от того, что он не решился заговорить сразу, и нелепая радость, когда она сама обернулась.

— Кинотеатр «Ленинград», — сказал я. — Вы подняли её перчатку, но пять минут держали в руке, прежде чем догнать.

Семён Аркадьевич закрыл лицо ладонью.

— Стоп, — сказал он.

Левина немедленно подняла руку. — Всё. Больше вопросов не задаём.

— Я сказал «стоп» не потому, что не хочу знать, — произнёс Семён Аркадьевич, не убирая ладоней. — Я сказал, потому что это была только наша история. Даже сыну не рассказывал.

Я почувствовал стыд. Не за то, что сделал, а за то, что присутствовал внутри чего-то, куда меня не приглашали.

— Простите.

Семён Аркадьевич посмотрел на меня. — Вы же не сами туда полезли? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Тогда не за что, — сказал старик. И после короткой паузы добавил: — Но если научитесь это выключать, выключайте.

Левина записала эту фразу отдельно.

Мы продолжили только после того, как Семён Аркадьевич сам предложил другой тест — менее личный. Даты ремонтов, марки старых машин, код от подъезда квартиры, в которой он не жил двадцать лет. Я ошибся дважды из десяти. В одном случае память оказалась смазанной, в другом я назвал старый код вместо нового. Это почему-то обрадовало Левину.

— Почему вы довольны, что я ошибаюсь? — спросил я.

— Потому что абсолютная точность была бы подозрительнее, — ответила Левина. — Живая память реконструируется, а не воспроизводится как файл. Ошибки означают, что мы имеем дело либо с настоящей памятью, либо с чем-то, что очень хорошо её имитирует.

— Отличное утешение, — сказал Альберт.

Третий тест Семён Аркадьевич предложил сам, хотя Левина пыталась его отговорить. — Спросите про больницу, — сказал он.

Я сразу понял, что не хочу.

— Не надо.

— Надо, — ответил Семён Аркадьевич. — Если это у вас в голове, я хочу знать насколько глубоко.

Левина посмотрела на меня. — Решение ваше, Николай.

Я согласился.

Семён Аркадьевич произнёс всего одну фразу: — Последний день Людмилы.

Мир изменился.

Я оказался у больничной кровати. Не увидел — оказался. Под пальцами была тонкая сухая кожа. В носу стоял запах антисептика и тёплой пыли от батареи. За окном шёл мокрый снег. Людмила была очень слабой и раздражалась, что Семён плачет раньше времени.

— Сёма, не делай из меня уже покойницу, — сказала она.

Я почувствовал любовь к ней так сильно, что на секунду забыл лицо собственной матери. Это испугало меня больше всего.

Я отдернул руки от стола. — Остановите, — попросил я.

Левина уже была рядом. — Тест прекращён. Николай, назовите три факта о себе.

— Николай. Петербург. Водолаз-сварщик, — ответил я.

— Ещё, — потребовала Левина.

— Мама живёт в Петербурге. Альберт раздражает меня с университета. Нина... — Я запнулся.

Имя пришло вместе с теплом другой памяти: Нина босиком на кухне, Нина в моей рубашке, Нина проводит пальцами по шраму на плече. Но теперь я уже не доверял даже этому.

— Что с Ниной? — спросила Левина мягче.

— Я не знаю, она моя или тоже чья-то, — ответил я.

Альберт перестал улыбаться.

Левина села напротив. — Вот это и есть проблема, — сказала Левина. — Воспоминание приходит не только с картинкой. Оно приходит с готовым значением: «это случилось со мной», «это мой человек», «это моя боль». Мозг не прикрепляет к каждому фрагменту цифровую подпись владельца.

Она взяла маркер и написала на маленькой доске, которую принесла с собой: «ПАМЯТЬ НЕ ИМЕЕТ ПОДПИСИ ВЛАДЕЛЬЦА».

— Это закон? — спросил Семён Аркадьевич.

— Нет, — ответила Левина. — Рабочая опасность. Я запрещаю нам превращать её в закон после одного случая.

Семён Аркадьевич внимательно посмотрел на неё. — Вы всегда так разговариваете? — спросил он.

— Когда боюсь — особенно, — ответила Левина.

Эта честность неожиданно разрядила комнату.

Позже Семён Аркадьевич ушёл прилечь, а мы остались на кухне втроём. Альберт стоял у окна. Я смотрел на его спину и внезапно услышал фразу: «Если начались чужие биографии, старое стирание развалилось быстрее, чем ожидали».

Я сначала решил, что он сказал это вслух. Потом увидел, что Альберт продолжает молчать.

— Какое старое стирание?

Альберт медленно повернулся. — Что?

— Ты подумал, что старое стирание развалилось быстрее, чем ожидали, — сказал я.

У Альберта исчезло выражение лица. — Я этого не говорил, — произнёс Альберт.

— Но подумал, — ответил я.

Левина резко поднялась. — Не продолжайте, — сказала она.

— Почему? — спросил я.

— Потому что если вы начинаете принимать чужую внутреннюю речь как свою сенсорную информацию, нам нужно сначала установить границы, — ответила Левина. — Николай, вы сейчас слышите мои мысли?

Я посмотрел на неё. Ничего. Только лицо, на котором профессиональный интерес боролся со страхом.

— Нет.

— Мои? — спросил Альберт.

Я сосредоточился. На секунду возникло ощущение белого шума, а затем вспыхнула мысль: «Не говори ему про третий протокол здесь».

— Ты боишься сказать мне про третий протокол.

Альберт побледнел.

Левина закрыла глаза на секунду. — Всё. Эксперимент закончен.

— Это не был эксперимент, — ответил я.

— Именно поэтому он закончен, — сказала она.

В этот момент в коридоре скрипнула половица. Семён Аркадьевич спал в дальней комнате. Мы все услышали звук.

Альберт первым вышел в прихожую. На площадке никого не было. Зато на подоконнике лежал маленький бумажный пакет, которого раньше не было.

Внутри находилась старая фотография. На снимке Семён Аркадьевич и Людмила стояли у моря летом 1989 года. Я видел эту сцену час назад из его памяти.

На обороте было написано: «ПРОВЕРКА КАНАЛА УСПЕШНА».

Ниже — время: 10:43.

— Нас ведут, — сказал Альберт.

— Или хотят, чтобы мы так думали, — ответила Левина.

Я посмотрел на фотографию и почувствовал новое, едва заметное присутствие внутри головы. Не конкретную память. Скорее возможность открыть дверь, за которой лежала чужая жизнь.

Я понял, что могу попробовать войти глубже.

И впервые сознательно решил этого не делать.

Вечером, когда я остался один на несколько минут, я включил старую аудиозапись Нины, найденную в шкафчике 227. Её голос заполнил комнату очень тихо.

— Если ты когда-нибудь снова меня найдёшь, Николай, не приходи потому, что тебе сказали, что ты меня любил, — говорила Нина. — И не приходи потому, что тело что-то вспомнило. Познакомься со мной заново. Если захочешь.

Я остановил запись.

Мне хотелось увидеть её. Это желание было настоящим — я чувствовал его так же отчётливо, как голод или усталость.

Но теперь я знал, что чувство подлинности ничего не доказывает.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло от Альберта: «Уезжаем до рассвета. На этот раз я расскажу про стирание». Через секунду появилось второе: «Не обещаю, что тебе понравится человек, который это попросил». Я написал: «Кто?»

Ответ пришёл почти сразу: «Ты».

Глава 9

Двое в машине

Мы выехали из Петербурга в 04:38. Город ещё не проснулся, но машины уборочных служб уже ползли вдоль обочин, оставляя на мокром асфальте тёмные полосы. Небо над КАД было низким и бесцветным. Я сидел рядом с Альбертом и смотрел, как его руки лежат на руле. Левина устроилась сзади с ноутбуком и папкой распечаток. Евгений остался у Семёна Аркадьевича до приезда людей, которым Левина доверяла достаточно, чтобы не называть их Контуром.

— Теперь без половины правды, — сказал я.

Альберт несколько секунд молчал. Он всегда умел заполнять тишину, поэтому его молчание ощущалось почти как признание. — Три года назад ты добровольно прошёл процедуру коррекции памяти.

— Один раз? — спросил я.

Левина ответила с заднего сиденья. — Три подтверждённые процедуры, — сказала Левина. — И, возможно, одна ранняя, которая проходила под другим протоколом.

Я повернулся к ней. — Вы знали?

— Медицинскую часть, — ответила Левина. — Я видела обезличенные данные. Тогда мне не сказали, что субъект 04 — это вы.

— А ты? — спросил я Альберта.

— Я знал больше, — сказал Альберт.

— Сколько именно? — спросил я.

— Достаточно, чтобы сейчас ты имел право ударить меня, — ответил Альберт. — Но желательно после того, как я припаркуюсь.

Я не улыбнулся. Альберт тоже.

— Почему я согласился?

Альберт включил поворотник и перестроился. — Потому что считал собственную память уязвимостью, — ответил Альберт. — И потому что увидел то, чего не хотел помнить.

— Что? — спросил я.

— Это как раз та часть, которую лучше показать тебе твоими же словами, — сказал Альберт.

Он кивнул Левиной. Та достала небольшой накопитель, вставила его в ноутбук и развернула экран между передними сиденьями. На записи я сидел в комнате с белыми стенами. Передо мной находились двое мужчин, лица которых камера намеренно не захватывала. На столе лежал знакомый лист: линия, повернутая в точку.

Я на записи выглядел старше не возрастом, а усталостью. Щёки впали, под глазами лежали тени. Кисти рук были в мелких порезах. На левом запястье — след от медицинского браслета.

— Если я снова приду к Каталогу, память станет оружием против меня, — сказал Николай на записи. — Поэтому после процедуры оставьте поведенческие якоря. Не факты. Людей.

Один из мужчин спросил: — Кого оставить?

Записанный я ответил сразу: — Альберта.

Текущий Альберт смотрел только на дорогу.

— Почему тебя? — спросил я.

— Ты считал, что лицо можно заменить, документы переписать, имя стереть, — ответил Альберт. — А привычку человека смеяться тогда, когда всем остальным не смешно, и принимать решения определённым образом воспроизвести сложнее.

— Очень научный критерий, — сказала Левина.

— Я всегда знал, что моя раздражающая личность однажды пригодится науке, — ответил Альберт.

На видео неизвестный мужчина задал следующий вопрос: — А Нина? Она сильнее привязана к текущей биографии.

Я почувствовал, как всё внутри напряглось.

Записанный Николай долго молчал. Затем покачал головой. — Нину не использовать, — сказал Николай на записи. — Ни как якорь, ни как рычаг. Если после коррекции я к ней вернусь, это должно быть моё новое решение. Не ваше.

Нина оказалась не случайной потерей после стирания. Я сам запретил превращать её в инструмент.

— Она знала? — спросил я.

Альберт крепче сжал руль. — Частично, — ответил Альберт. — Знала, что с тобой происходит что-то связанное с памятью. Не знала масштаба.

— Почему вы расстались? — спросила Левина. Её голос звучал осторожно, но вопрос был не медицинским.

Альберт посмотрел на меня, будто спрашивая разрешения. Я кивнул.

— Потому что после второй процедуры ты вернулся домой и несколько часов делал вид, что всё нормально, — сказал Альберт. — Ты знал Нинино имя, адрес, где она работает. Помнил, какой кофе она пьёт. Но когда она тебя обняла, ты не почувствовал ничего.

Я отвернулся к окну.

— Потом чувство вернулось?

— Через несколько дней, — ответил Альберт. — Слишком быстро и слишком сильно. И ты решил, что не можешь проверить, твоё ли оно. Нина сказала, что не согласна жить внутри эксперимента, где каждый поцелуй нужно подтверждать лабораторией.

Я закрыл глаза. В памяти возникла Нина на кухне — босиком, в моей рубашке. Я вспомнил, как она лежала рядом, положив голову мне на грудь, и спросила, почему я иногда смотрю на неё так, будто пытаюсь вспомнить инструкцию. До сегодняшнего утра эта сцена была нежной. Теперь в ней появилась боль.

— Она была права, — сказал я.

— Да, — ответил Альберт.

На видео старый я снова заговорил. — И ещё. После каждой процедуры объясняйте мне одну вещь: сегодня я Николай. Не «настоящий Николай». Не «последний». Просто сегодня.

Я поставил запись на паузу. — Почему я говорю так, будто завтра могу быть другим человеком?

Левина закрыла папку. — Потому что к тому моменту вы уже пережили состояния, в которых другая биография полностью замещала текущую, — ответила Левина. — Не галлюцинацией. С памятью, привычками, эмоциональными связями и ощущением собственного тела.

Перед глазами вспыхнула Франция. Тёплый бар, дождь за окном, чужая мать, которую я любил. Затем корабль — узкий металлический коридор и форма на моём теле. Потом серебристая рука в 2224 году. Я прижал пальцы к вискам.

— Сколько их? — спросил я.

— Мы не знаем, — сказала Левина.

— Десятки?

— Возможно.

— Сотни?

Левина помолчала. — Возможно, — сказала она.

Я рассмеялся один раз, без веселья. — Отлично. А я переживал, что не понимаю собственные отношения.

Альберт свернул к круглосуточной заправке. — Нам нужен кофе, — сказал Альберт. — И тебе нужно пять минут без новых откровений.

— Это медицинская рекомендация? — спросил я.

— Это рекомендация человека, который знает, что ты становишься невыносимым на пустой желудок, — ответил Альберт.

Левина осталась в машине, просматривая данные. Я вышел вслед за Альбертом. Холодный воздух пах бензином и мокрым лесом. Внутри магазина сонная кассирша смотрела сериал на телефоне. Всё было настолько обыденным, что мне захотелось остаться здесь — среди кофейного автомата, пластиковых булочек и человека, который понятия не имел, что чужая память может оказаться заразной.

Альберт поставил два стакана под автомат. — Ты хотел спросить про Нину.

— Откуда знаешь? — спросил я.

— Я умею читать людей старым способом, — ответил Альберт. — По лицу.

— Где она? — спросил я.

— В Петербурге, — сказал Альберт. — Работает. Живёт. Злится на тебя меньше, чем раньше, и больше, чем ты заслуживаешь.

— Ты с ней общаешься? — спросил я.

— Иногда, — ответил Альберт.

— За моей спиной?

Альберт повернулся ко мне. — Николай, последние три года почти всё, что я делал для тебя, происходило за твоей спиной, потому что на следующий день ты мог не помнить, что попросил меня об этом, — сказал Альберт. — Я понимаю, как это звучит. И да, часть вещей я делал уже не по твоей просьбе.

В автомате зашумела вода.

— Ты боялся меня? — спросил я.

Альберт посмотрел на меня дольше обычного. — Да.

Это было честнее любой шутки.

— А сейчас? — спросил я.

— Сейчас тоже, — сказал Альберт. — Но теперь я боюсь не того, что ты сделаешь со мной.

— А чего?

— Что ты однажды решишь, будто видишь картину целиком, — ответил Альберт. — И перестанешь считать остальных отдельными людьми.

Я вспомнил девочку: «Не позволяй им выбрать, кого ты должен любить».

— Я не собираюсь выбирать за всех.

— Ты уже говорил это, — ответил Альберт.

Мы вернулись в машину.

Пока Альберт выезжал с заправки, Левина молча развернула к нам ноутбук. На экране была ещё одна запись — короткая, без звука. Я стоял в кабинете Контур, а рядом с дверью находился Альберт. Между нами происходила ссора. Камера не писала аудио, но по движениям было видно: я требовал чего-то, Альберт отказывался. Затем я ударил ладонью по столу и показал на себя.

— Когда это? — спросил я.

— Перед третьей коррекцией, — ответила Левина.

— О чём спорили? — спросил я Альберта.

— Ты хотел, чтобы после процедуры я рассказал тебе всё сразу, — ответил Альберт. — Я сказал, что это сведёт процедуру к нулю.

— И кто победил?

— Никто, — сказал Альберт. — Поэтому ты оставил инструкции, а я нарушил часть из них.

Машина снова вышла на трассу. Дождь закончился, но облака висели низко, и лес вдоль дороги казался выпцветшим.

Через несколько минут я заметил чёрный седан в зеркале. Он держался в трёх машинах позади. Я видел такие машины тысячи раз, но тело отреагировало раньше мысли — пульс ускорился.

— За нами следят, — сказал я.

Альберт не повернул голову. — С какого момента?

— Не знаю. На заправке его не видел, — ответил я.

Левина посмотрела назад через боковое зеркало. — Номер? — спросила она.

Я назвал первые цифры. В ту же секунду в голове возникло чужое знание: водитель седана устал, у него болит правая кисть, под сиденьем лежит пистолет, а в подстаканнике — мятная жвачка.

Я замолчал.

— Николай? — спросила Левина.

— Я знаю, что у водителя под сиденьем оружие, — сказал я.

Альберт коротко посмотрел на меня. — Видел?

— Нет.

— Тогда не строим план на этом факте, — сказал Альберт.

Седан приблизился.

Альберт перестроился в правый ряд. Машина прошла мимо. За рулём сидел мужчина лет сорока. На секунду он повернул голову.

Я увидел его глазами собственное лицо в окне нашей машины.

Мир дёрнулся.

Я был одновременно здесь и там: чувствовал руль седана под ладонями и ремень безопасности на собственной груди. Чужая правая кисть действительно болела. Под сиденьем давил металлический предмет.

— Николай! — голос Левиной прорезал ощущение.

Я вернулся в своё тело так резко, что ударился затылком о подголовник.

— Что произошло? — спросил Альберт.

— Я был в нём, — ответил я. — На секунду.

Седан ушёл вперёд и свернул на съезд.

— Он за нами следил? — спросила Левина.

Я прислушался к остаточному чувству чужого страха. — Не знаю, — сказал я. — И это хуже. Потому что я почувствовал его, но не получил объяснения.

— Запомните это, — сказала Левина. — Доступ к состоянию не равен пониманию мотива.

Альберт усмехнулся. — Левина, если переживём, вам нужно печатать эти фразы на кружках.

— Если переживём, я уйду преподавать ботанику, — ответила Левина.

Напряжение чуть ослабло.

Через час трасса осталась позади. Альберт свернул на узкую лесную дорогу. Снег здесь лежал в тених между деревьями, хотя в городе его почти не осталось. Связь на телефоне исчезла.

— Где мы? — спросил я.

— Место официально закрыто в девяносто втором, — ответил Альберт. — Неофициально оно никогда полностью не закрывалось.

Левина убрала ноутбук. — База программы СНИГЕРИЯ.

— Той самой, которую вы упоминали в лаборатории? — спросил я.

— Да, — ответила Левина. — Советская программа, изучавшая случаи чужой памяти, повторяющихся образов, предвидения и нарушений идентичности. Большая часть материалов — ошибки, психиатрия, подделки, эффект ожидания. Но небольшой остаток никто не смог объяснить.

— И я в остатке? — спросил я.

Альберт посмотрел на дорогу. — Ты не в остатке, — сказал Альберт. — Ты причина, по которой некоторые люди решили, что остаток вообще стоит сохранять.

— Когда?

— Задолго до твоего рождения, — ответил Альберт.

В конце дороги появился бетонный забор. За ним стояло серое здание — четырёхэтажное, с заколоченными окнами на первом уровне и старой антенной на крыше. Оно выглядело заброшенным ровно настолько, чтобы никто не захотел проверять.

Альберт остановил машину у ворот.

— Внутри находится первое доказательство, что твоя история началась не на «Северном-4».

— Какое доказательство? — спросил я.

— Человек, — ответил Альберт.

Я посмотрел на здание.

В окне третьего этажа стоял молодой офицер.

Форма была незнакомой, но тело отреагировало мгновенно: плечи выпрямились, большой палец коснулся указательного, а во рту появился вкус дешёвого корабельного кофе.

Офицер смотрел прямо на меня.

Я узнал его лицо раньше, чем понял, почему.

Оно было моим.

ЧАСТЬ 2. КОНТУР

Глава 10

Человек с корабля

Человек в окне исчез прежде, чем мы подошли к зданию. Ещё секунду назад он стоял за мутным стеклом третьего этажа — молодой офицер в непривычной форме, с лицом, которое моё тело узнало раньше сознания. Потом окно стало пустым. Никакого движения шторы, никакой тени в глубине комнаты. Просто человек был — и его не стало.

Я остановился у бетонных ступеней. Над входом висела табличка без названия учреждения, только выпцветший номер корпуса. От мокрого фасада пахло известью, металлом и холодной водой. Где-то на крыше ветер заставлял старую антенну тихо постукивать о растяжку. Всё выглядело заброшенным ровно настолько, чтобы посторонний не захотел проверять, действительно ли здесь никто не работает.

— Ты его видел? — спросил я Альберта.

Альберт посмотрел на третье окно. — Видел силуэт, — ответил Альберт. — Лица не разглядел.

— А я разглядел, — сказал я.

Левина застегнула куртку до подбородка. — И что вы почувствовали?

— Не узнавание. Привычку, — ответил я. — Будто мои плечи знают эту форму. Будто я знаю, как в ней стоять.

Левина коротко кивнула. — Тогда до проверки считаем это телесной памятью неизвестного происхождения, а не доказательством прошлой личности.

— Вы умеете испортить любой мистический момент, — сказал Альберт.

— Это одна из моих лучших черт, — ответила Левина.

Дверь открылась только после того, как Альберт приложил к старому считывателю пластиковую карту без логотипа. Замок щёлкнул с задержкой, словно здание решало, стоит ли впускать нас вообще. Внутри было холоднее, чем снаружи. Пахло влажной бумагой, старой краской и кабелем, который десятилетиями грелся внутри стен. На полу сохранились жёлтые линии маршрутов, на дверях — номера без пояснений. Некоторые номера были закрашены, но проступали под свежей краской, как старые шрамы.

Альберт шёл уверенно. Я заметил это не сразу, потому что всё вокруг отвлекало: выключенные камеры, слишком новые кабели в старых коробах, свежая пыль только там, где хотели показать запустение. Но маршрут он не выбирал. Он его помнил.

— Ты раньше здесь был? — спросил я.

— Был, — ответил Альберт.

— Со мной?

— Да.

— И опять собирался рассказать когда-нибудь потом? — спросил я.

Альберт не обернулся. — Я собирался дожить до комнаты, где это можно доказать.

— Очень удобный принцип, — сказал я.

— Для человека, которого три раза просили стереть часть правды, он неплохо работает, — ответил Альберт.

Левина шла за нами и ничего не сказала. Но на словах «три раза» её рука сильнее сжала ремень сумки.

На втором этаже мы прошли мимо комнаты отдыха. Там всё осталось почти нетронутым: металлический чайник, шкаф с кружками, шахматная доска, где партия закончилась посередине. На столе стояла чашка с тонкой трещиной возле ручки. Я машинально задержался у двери — и внезапно знал, кто её разбил.

Знание пришло без предупреждения: вечер, табачный дым, человек по фамилии Мельников спорит с Ведениным, чашка выскальзывает из руки и ударяется о край батареи. Кто-то смеётся. Кто-то произносит: «Не выбрасывай. Целая трещина полезнее новой кружки». Воспоминание было таким будничным, что именно поэтому казалось страшным. Чужая жизнь входила не только через смерть, тайны и катастрофы. Она знала, как в комнате пахнет чаем.

Я схватился за дверной косяк.

— Николай? — спросила Левина.

— Здесь раньше сидели Веденин и Мельников, — сказал я. — Один из них разбил эту чашку.

Альберт медленно посмотрел внутрь комнаты. — Откуда ты знаешь фамилию Мельникова?

— Я не знаю, — ответил я. — Я просто её знаю.

Левина подошла к чашке, не касаясь. — Не трогайте предметы, пока не проверим архив, — сказала Левина. — Совпадение сначала существует как совпадение.

— Ты когда-нибудь выключаешь внутреннего прокурора? — спросил Альберт.

— Когда сплю, — ответила Левина. После короткой паузы она добавила: — Наверное.

Кинозал находился в конце коридора. Восемь кресел. Экран. Проектор, который перде- лывали несколько раз за десятилетия. На стене висела карта Северной Атлантики с отметками, аккуратно зачёркнутыми красным карандашом. На одном кресле лежала коробка с киноплёнкой. На крышке: «МОРЕ / 1986 / ГРУППА ЛАНСКОГО».

— Она ждала нас? — спросил я.

— Нет, — сказал Альберт.

— Ты уверен?

— Когда я был здесь последний раз, коробка находилась в архивном шкафу, — ответил Альберт.

Левина быстро осмотрела помещение. — Следов свежего взлома нет, — сказала Левина. — Но это ничего не доказывает.

Альберт поднял коробку двумя пальцами. — Вы когда-нибудь говорите что-нибудь, что можно доказать?

— Да, — ответила Левина. — После измерений.

Проектор ожил не сразу. Плёнка несколько раз дёрнулась, затем экран заполнился зернистым изображением моря. Корабль шёл ночью без огней. На экране почти не было света, только редкие блики на мокром металле. Затем изображение сменилось внутренней съёмкой: узкий коридор, красные ночные лампы, гул дизелей, дрожь переборок.

Молодой офицер спускался по трапу.

Я перестал чувствовать кресло.

Не потому, что увидел своё лицо. Сначала я услышал язык. Фраза прозвучала за кадром на языке, которого я никогда не учил, и я понял её раньше перевода: «Проверка закончена. Двадцать минут до смены вахты». У меня во рту появился привкус дешёвого корабельного кофе. Китель внезапно стал тесным в плечах, хотя на мне была куртка. Я знал, что в левом кармане формы лежит плоский металлический ключ, а под стелькой правого ботинка спрятана плёнка.

— Стоп, — сказал я.

Левина сразу остановила проектор. — Что?

— Под правой стелькой у него плёнка, — ответил я. — В левом кармане ключ. Он боится человека по фамилии Хольм.

Альберт медленно сел на соседнее кресло. — На записи этого нет.

— Я знаю, — ответил я.

Левина внимательно смотрела на меня. — Имя офицера? — спросила она.

Ответ появился мгновенно. — Алексей Ланской, — сказал я.

Из темноты за последним рядом раздался мужской голос: — По документам именно так, — сказал незнакомец.

Мы одновременно обернулись. Из восьмого ряда поднялся пожилой мужчина. Высокий, сухой, с тяжёлыми веками и прямой спиной. Он был слишком стар, чтобы быть офицером с плёнки, и слишком спокоен для человека, который только что появился в запертой комнате.

— Вы Ланской? — спросил я.

Старик остановился у прохода. — Уже нет, — ответил он. — Тот человек закончился слишком давно. Но имя можете использовать.

Левина встала между нами почти неосознанно. — Вы числитесь умершим.

— Это оказалось полезно, — ответил Ланской.

— Альберт знал, что вы здесь? — спросил я.

Альберт поднял ладонь. — Знал, что он может прийти, — сказал Альберт. — Не знал, что он уже сидит в зале и наслаждается нашим спектаклем.

Ланской едва заметно улыбнулся. — Вы всё ещё говорите слишком много.

— А вы всё ещё слишком красиво входите в комнату, — ответил Альберт.

Они знали друг друга. Это стало понятно не из слов, а из того, как оба сразу перестали оценивать дистанцию между собой.

Ланской подошёл к проектору. — Запустите с тридцать шестой секунды, — сказал он.

Левина не пошевелилась. — Сначала вы объясните, почему считаете безопасным показывать это Николаю.

— Потому что он уже начал вспоминать корабль, — ответил Ланской. — Если закрыть ему доступ сейчас, память сама достроит недостающее. Это хуже.

— Откуда вы знаете, как работает его память? — спросила Левина.

— Потому что мы наблюдаем этот тип доступа дольше, чем существует ваша организация, — ответил Ланской.

Альберт тихо произнёс: — Вот за эту фразу Контур вас особенно любит.

Ланской включил плёнку.

Офицер снова шёл по коридору. На этот раз я не сопротивлялся. Мир раскрылся. Меня звали Алексей. Или я привык отвечать на это имя. Мне было двадцать семь. По документам я служил в иностранном флоте, хотя несколько месяцев назад не умел произнести ни одной фразы на языке экипажа. Потом однажды проснулся и знал устав, имена офицеров, расположение отсеков, кодовые сигналы и женщину в другом городе, которая считала меня своим братом.

Страшнее всего было не знание. Страшнее всего было то, что всё это ощущалось моим. Я помнил детство человека, которого никогда не проживал. Помнил отца, который учил меня чистить рыбу. Помнил первую драку. Помнил женщину по имени Ингрид и то, как она прижималась ко мне спиной в холодной квартире. Воспоминание пришло неожиданно интимным — тепло её кожи, влажные волосы после душа, её пальцы на моём запястье. Но одновременно я знал, что никогда её не видел. Две правды не спорили между собой. Они обе требовали называться моей жизнью.

— Николай, — голос Левиной прозвучал словно из другого помещения. — Вы здесь?

— Здесь, — ответил я.

— Назовите себя.

Я открыл рот. Первым в голове возникло: Алексей. Я испугался.

— Николай, — сказал я вслух. — Сегодня Николай.

Ланской резко посмотрел на Альберта. — Кто научил его этой формулировке?

— Он сам, — ответил Альберт.

На экране Алексей вошёл в каюту связи. Там его ждал мужчина в гражданской одежде. Я знал его как Хольма.

— Ты опоздал, — сказал Хольм на иностранном языке.

— Меня задержали, — ответил Алексей.

Хольм протянул руку. — Плёнка.

Алексей не двинулся. В памяти вспыхнуло другое помещение — советская лаборатория. Веденин объяснял молодому человеку: «Если почувствуете вторую жизнь — не пытайтесь доказать, какая настоящая. Сначала проверьте, кто хочет, чтобы вы выбрали».

Я резко вдохнул.

Левина остановила запись. — Веденин был в его памяти?

— Да, — ответил я.

Ланской сел на край кресла. — Этого в отчётах нет, — сказал он.

— Значит, Николай добавляет содержание, которого не было у субъекта, — сказала Левина.

— Или получает более глубокий слой, чем получили мы, — ответил Ланской.

— Или конструирует его из того, что уже знает о Веденине, — возразила Левина.

Ланской кивнул. — Поэтому вы мне нравитесь, — сказал Ланской. — Вы всё ещё оставляете место для скучного объяснения.

— Скучные объяснения спасают людей, — ответила Левина.

— Иногда, — сказал Ланской.

Он включил последнюю часть плёнки. Хольм первым вытащил оружие. Я почувствовал выстрел раньше, чем услышал его. Удар в грудь. Спина врезалась в металлическую переборку. Воздух исчез. Алексей сполз на пол. И в этот момент я был им полностью. Не наблюдал. Не вспоминал. Умирал.

Кровь заполняла рот металлическим вкусом. Над головой мигала красная лампа. Хольм что-то говорил, но слова потеряли значение. Возникла удивительно спокойная мысль: «Тело закончилось раньше, чем я». Потом другая: «Не цепляйся за имя». А затем — ощущение падения, которое не было движением вниз. Я увидел морскую глубину. Трубу. Искры. 10:43. Собственное тело Николая на «Северном-4».

Я вскочил с кресла. Проектор продолжал крутиться. На экране офицер Ланской лежал мёртвым.

— Выключите.

Левина выключила аппарат. Несколько секунд я не мог вдохнуть нормально. Альберт подал мне воду.

— Пей маленькими глотками, — сказал Альберт.

— Не командуй, — ответил я.

— Отлично. Раздражение на меня означает, что ты вернулся, — сказал Альберт.

Ланской всё это время смотрел на меня. — Перед смертью офицер сказал одну фразу.

— «Если тело закончится, это не значит, что закончится тот, кто смотрит», — сказал я.

Ланской медленно кивнул. — Откуда? — спросил он.

— Я был там, — ответил я.

Левина сразу вмешалась: — Вы пережили состояние, которое ощущалось как присутствие там, — сказала Левина. — Не сокращайте это до утверждения о факте.

Я посмотрел на неё. — Вы можете хотя бы один раз не исправлять меня сразу после смерти?

— Могу, — ответила Левина. — Но тогда вы быстрее начнёте верить себе.

Ланской достал из внутреннего кармана старый блокнот. — Веденин записал слова офицера в журнал, — сказал Ланской. — Но есть ещё одна запись.

Он раскрыл страницу. Там был рисунок линии. Рядом — та же линия, повернутая ребром в точку. Под рисунком рукой Веденина было написано: «Если субъект вернётся, привести к М-7. Не показывать ему башни раньше, чем вспомнит корабль».

Альберт выдохнул. — Почему именно после корабля? — спросил я.

Ланской посмотрел на меня. — Потому что корабль был первым случаем, когда мы увидели переход между двумя биографиями, разделёнными смертью носителя.

— Первым? — спросила Левина.

— Первым, который выдержал проверку лучше остальных, — уточнил Ланской. — И всё равно недостаточно хорошо, чтобы называть это доказательством.

— Кто был вторым? — спросил я.

Ланской не ответил сразу. Он закрыл журнал. — Вы.

— Когда?

— В 2004 году, — ответил Ланской.

Я рассмеялся от абсурдности. — Мне тогда было...

— Я знаю, сколько вам было, — перебил Ланской. — Поэтому дело и спрятали.

Он протянул мне фотографию. На ней стоял мужчина лет сорока. Лицо было чужим. Но большим пальцем правой руки он касался указательного. На обороте: «СУБЪЕКТ 04 / АКТИВЕН». Дата: 2004.

Я ещё раз посмотрел на мужчину — и почувствовал запах Нининых духов. Этого не могло быть. Нина появилась в моей жизни гораздо позже.

— Что вы почувствовали? — спросила Левина.

Я не сразу ответил. — Нину.

Альберт медленно поднял голову. Ланской впервые по-настоящему испугался.

Глава 11

База

Ланской не стал объяснять фотографию сразу. Он забрал её из моих рук и положил обратно в прозрачный файл, словно одно лишнее прикосновение могло изменить прошлое.

— Почему вы испугались? — спросил я.

— Потому что имя Нины в материалах 2004 года не встречается, — ответил Ланской.

— Тогда почему я её почувствовал?

— Это мы и будем выяснять, — сказала Левина. — Не делайте второй шаг раньше первого.

— Иногда мне кажется, что вы разговариваете со мной как с человеком, который постоянно пытается прыгнуть с крыши, — сказал я.

— Сейчас это достаточно точная метафора, — ответила Левина.

Архив находился двумя этажами ниже. Слово «архив» обещало порядок, но за тяжёлой дверью стояли сотни коробок, переплетённых дел, металлических ящиков и катушек. На полках соседствовали машинописные папки шестидесятых, кассеты, магнитные ленты, первые жёсткие диски и современные накопители без маркировки. У каждого поколения была своя форма хранения страха.

— Красные папки — подтверждённые? — спросил я.

— Нет, — ответил Ланской. — Красные — опасные.

— А подтверждённые?

Ланской провёл пальцем вдоль полок. — Подтверждённых почти нет, — сказал он.

Он намеренно начал с провалов. Женщина была уверена, что ночью слышит голос умершей сестры. Через неделю сотрудники нашли соседский радиоприёмник, который ловил помехи и искажал передачу так, что из шума возникали знакомые интонации. Семья сообщала о тёмной сущности, появляющейся возле детей; позже врачи диагностировали у одного ребёнка тяжёлое расстройство сна, а остальные члены семьи постепенно достроили общую историю вокруг его ночных приступов. Работник вахтового посёлка месяцами описывал комнату 227, камеры и незнакомых людей; через полгода нашли старый рекламный ролик общежития с почти идентичным коридором — мужчина видел его задолго до первого эпизода и забыл.

— Зачем вы показываете мне ошибки? — спросил я.

Ланской остановился возле коробки с надписью «ЛОЖНЫЕ СОВПАДЕНИЯ». — Потому что самые опасные исследователи — те, кому слишком хочется оказаться правыми, — ответил Ланской. — СНИГЕРИЯ чуть не погибла не из-за секретности. Из-за желания видеть закономерность в каждом совпадении.

Левина кивнула. — Это единственная часть программы, которую я готова принять без поправок.

— Веденин говорил почти так же, — заметил Ланской.

— Значит, хотя бы в чём-то мы бы не спорили, — сказала Левина.

— Вы бы спорили о запятых, — ответил Ланской.

Альберт усмехнулся. — Наконец-то я нашёл человека, который знает Левину дольше пяти минут и уже всё понял.

Левина не удостоила его взглядом.

Затем Ланской открыл другой шкаф. На папках не было цвета. — Здесь остаток, — сказал он.

Первое дело относилось к 1973 году. Мальчик из закрытого города за одиннадцать дней до аварии нарисовал схему помещения, назвал время и фамилию человека, который позже погиб. В материалах было достаточно несовпадений, чтобы считать случай сомнительным, но совпадение времени и планировки не удавалось объяснить. Вторая папка: женщина описала квартиру умершего человека в городе, где никогда не была. Трещина за шкафом существовала. Но следов контакта между семьями найти не смогли. Третья: мужчина после клинической смерти несколько минут говорил на незнакомом языке. Специалисты спорили, был ли это язык вообще.

— Ни один случай не чистый, — сказала Левина.

— Именно, — ответил Ланской. — Чистые случаи существуют только в плохих книгах и хорошей пропаганде.

Я посмотрел на него. — Тогда почему вы всё это не бросили?

Ланской долго молчал. — Потому что однажды моя жена сказала мне фразу, которую не могла знать, — ответил он.

Альберт опустил глаза. Очевидно, эту историю он уже слышал.

Ланской открыл маленький металлический ящик. Внутри лежала фотография женщины лет тридцати. — Её звали Ирина, — сказал Ланской. — Она не имела отношения к программе. Я специально держал работу отдельно от дома.

Он сел на край стола. — После корабля я вернулся другим. Не в мистическом смысле. Я перестал нормально спать, стал проверять людей, предметы, слова. Ирина терпела несколько месяцев. Потом однажды ночью проснулась и сказала: «Хватит искать, кто смотрит через тебя. Он всё равно не там, где ты ищешь».

Левина нахмурилась. — Вы рассказывали ей эту формулировку?

— Никогда, — ответил Ланской. — Более того, фраза была записана только в закрытом дневнике Веденина.

— Она могла услышать её от вас во сне, — сказала Левина.

— Могла, — согласился Ланской.

— Могла увидеть документ?

— Теоретически.

— Могли вы сами забыть, что рассказали?

— Конечно.

Левина кивнула. — Тогда это не доказательство.

Ланской улыбнулся. — Поэтому вы мне и нравитесь, — сказал он. — В тот момент мне тоже хотелось, чтобы это не было доказательством.

Ирина погибла через два года в обычной автомобильной аварии. Ланской рассказывал спокойно, но именно спокойствие выдавало, сколько раз он повторял эту историю себе, пока слова не перестали резать.

— После её смерти вы остались в СНИГЕРИИ? — спросил я.

— После её смерти я и остался, — ответил Ланской.

Я подумал о Нине. О её голосе на старой записи: «Познакомься со мной заново. Если захочешь». Впервые эта фраза показалась мне не романтической, а отчаянно практичной. Нина не просила вернуть прошлое. Она защищала себя от человека, который мог принести ей чужую версию любви.

— Можно сделать звонок? — спросил я.

Левина посмотрела на меня. — Кому?

— Нине.

Альберт сразу напрягся. — Ты уверен?

— Нет, — ответил я. — Но я не собираюсь ей рассказывать всё.

Левина подумала несколько секунд. — Не используйте информацию из чужих воспоминаний, чтобы проверить её реакцию, — сказала Левина. — И если почувствуете чужой эмоциональный поток — прекращайте разговор.

— Вы серьёзно даёте мне инструкцию, как позвонить бывшей? — спросил я.

— В вашем случае — да, — ответила Левина.

Связь в подвале не работала. Я поднялся на лестницу, где ловила одна полоска сети. Номер Нины я нашёл в старом телефоне. Палец несколько секунд лежал над кнопкой вызова.

Она ответила после четвёртого гудка. — Да? — сказала Нина.

Я не произнёс ни слова. Тишина длилась всего секунду, но в ней успели поместиться кухня, ночь, её волосы на моей груди, ссора в коридоре, поцелуй у двери — слишком много образов, и я не знал, какие из них действительно мои.

— Николай? — спросила Нина.

У меня сжалось горло. — Откуда ты знаешь? — спросил я.

Нина тихо выдохнула. — Ты всегда молчишь перед первой фразой, когда боишься, — ответила она.

Этого не было ни в одном файле. Я сел на ступеньку.

— Я нашёл твою запись, — сказал я.

На другом конце стало тихо. — Значит, всё опять началось, — сказала Нина.

— Похоже на то.

— Ты помнишь меня? — спросила Нина.

Я хотел ответить «да». Это было бы проще. — Я помню слишком много, чтобы понимать, что именно помню.

Нина ничего не сказала несколько секунд. — Это уже лучше, чем в прошлый раз, — ответила она.

— Почему?

— В прошлый раз ты пришёл ко мне и полтора часа доказывал, что любишь меня, потому что помнишь, как я сплю, какой стороной поворачиваюсь и где у меня родинка, — сказала Нина. — А потом я спросила, чего ты хочешь сейчас. Ты не смог ответить.

Я закрыл глаза. В памяти вспыхнула она — тёплая, сонная, прижавшая мою ладонь к своей талии в темноте. Я помнил дыхание, движение её плеч, редкий момент полной доверчивости. Сцена была слишком интимной, чтобы казаться чужой. И слишком убедительной, чтобы ей доверять.

— А сейчас? — спросила Нина.

— Сейчас я хочу увидеть тебя, — сказал я.

Нина долго молчала. — Это желание или проверка? — спросила она.

— Не знаю.

— Тогда не приезжай сегодня, — сказала Нина.

Отказ оказался болезненнее, чем я ожидал. — Хорошо, — ответил я.

— Николай, — сказала Нина.

— Да?

— Я не сказала «никогда». Я сказала «сегодня». Научись различать.

Связь прервалась. Я ещё минуту сидел на лестнице, слушая пустые гудки внутри телефона и собственное дыхание.

Когда вернулся в архив, Альберт посмотрел на меня и ничего не спросил. За это я был ему благодарен.

Ланской тем временем поставил на стол детский магнитофон. — Запись 1973 года, — сказал Ланской. — Не того мальчика из аварии. Другого.

Голос ребёнка был тихим и спокойным. — Они думают, что время идёт вперёд, — сказал мальчик на плёнке. — Оно идёт вперёд только для того, кто идёт внутри.

У меня похолодели ладони. Альберт перестал дышать на секунду.

— Девочка говорила почти то же, — сказал я.

— Я знаю, — ответил Ланской.

— Откуда? — спросил я.

Ланской показал на камеру в углу. — Контур знает о вас больше, чем вы думаете. А я до сих пор получаю часть их каналов.

— Значит, Контур вырос из СНИГЕРИИ? — спросил я.

— Не напрямую, — ответил Ланской. — После распада Союза архивы разошлись. Кто-то ушёл в частные лаборатории. Кто-то в спецслужбы. Кто-то за границу. Некоторые сотрудники решили, что знания нельзя оставлять государству. Другие — что нельзя отдавать рынку. Из этих людей позже возникли несколько групп. Контур оказался самой живучей.

— Почему?

— Потому что они первыми сформулировали цель не как исследование, а как карантин, — ответил Ланской.

Левина скрестила руки. — От чего карантин?

— От технологии, которая делает частную память публичным ресурсом, — сказал Ланской. — От возможности узнать чужой секрет не потому, что человек рассказал, а потому, что вы получили доступ к тому, как он его переживал.

Я вспомнил Семёна Аркадьевича и Людмилу. Впервые идея Контура перестала быть просто чудовищной. Она стала понятной. И от этого опаснее.

— Они считают себя защитниками.

— Некоторые действительно защищают, — ответил Ланской. — Некоторые давно защищают уже только своё право решать.

Он разложил на столе фотографии людей из разных десятилетий. Лица не совпадали. Но жесты повторялись. Мужчина смеялся, запрокинув голову точно как Евгений. Несколько женщин смотрели с тем же тяжёлым вниманием, что Левина. На трёх снимках люди касались большим пальцем указательного.

— Это можно подобрать задним числом, — сказала Левина.

— Можно, — согласился Ланской. — Поэтому сходство — не доказательство. Только повод проверять дальше.

Я наклонился над снимками. На одном из них мужчина стоял рядом с женщиной. Женщина была снята в профиль. Я почувствовал Нину снова. Не запах. На этот раз — прикосновение. Тёплые пальцы на затылке. Я отпрянул.

— Опять? — спросила Левина.

— Да.

Ланской перевернул фотографию. Дата: 2004. Подпись: «СУБЪЕКТ 04 / СОПРОВОЖДАЮЩИЙ НЕ УСТАНОВЛЕН».

Альберт отсканировал снимок. Лицо женщины распалось на зерно.

— Может быть кто угодно, — сказала Левина.

— Но Николай связывает её с Ниной, — сказал Альберт.

— Николай связывает с Ниной уже второй материал, созданный до их знакомства, — ответила Левина. — Это не делает связь объективной. Это делает её важной для проверки.

Ланской открыл металлический шкаф. Внутри лежала папка «СУБЪЕКТ 04». На первой странице была моя фотография трёхлетней давности. Под ней: «АКТИВЕН. ДВА КАНАЛА».

— Что такое второй канал? — спросил я.

Ланской посмотрел на Альберта. — Это вы ему объясните.

Альберт впервые за весь день отвёл взгляд. Я понял, что второй канал каким-то образом связан с ним. И ещё понял: он боялся не моего вопроса. Он боялся ответа.

Глава 12

Мысль без слов

Второй канал оказался не устройством. Им была способность переживать чужое состояние без языка.

Левина отказалась начинать эксперимент, пока не сформулировала правила на доске. Первое: никакой информации, способной причинить личный вред, если её специально не выбрали для теста. Второе: любой участник может остановить опыт одним словом. Третье: после каждого эпизода мы отдельно записываем факт, ощущение и интерпретацию. Четвёртое Левина добавила после короткого колебания: «Не использовать близость как доказательство личности».

Я посмотрел на неё. — Это из-за Нины?

— Из-за вас, — ответила Левина. — Нина просто хороший пример.

Альберт поставил кружку на стол. — Я чувствую, что эксперимент уже становится личным, а мы даже не начали.

— Именно поэтому первым участвуете вы, — ответила Левина.

Между мной и Альбертом поставили непрозрачную перегородку. На его столе лежали предметы, которых я не видел. Альберт должен был брать один, смотреть на него и молчать.

— Не пытайся «посылать» слово, — предупредила Левина. — Просто смотри и замечай собственную реакцию.

— Я наконец-то официально получаю деньги за то, чтобы смотреть на вещи, — сказал Альберт.

— Вы не получаете за это деньги, — ответила Левина.

— Тогда проект снова разочаровывает, — сказал Альберт.

Первым пришло ощущение холодной гладкости. Потом красный цвет. Не изображение. Скорее готовая уверенность, что предмет красный, хотя перед глазами ничего не возникало.

— Красная металлическая кружка, — сказал я.

Альберт показал её из-за перегородки. — Уже неприятно.

Вторым оказался деревянный кубик. Я ошибся с формой, назвав его небольшим бруском. Левина записала ошибку с заметным удовлетворением.

— Опять радуетесь, что я не сверхчеловек? — спросил я.

— Очень, — ответила Левина. — Нормальная погрешность полезнее красивой легенды.

Третий предмет был рыболовным крючком. Но вместо металла и формы я увидел летний берег. Альберту было десять. Рядом сидел мужчина с широкими ладонями и терпеливо показывал, как затянуть узел. Я чувствовал детскую гордость Альберта, его желание сделать правильно с первого раза и одновременно раздражение на отца за то, что тот не хвалит сразу.

Потом мужчина сказал: «Не торопись. Хороший узел держит потому, что затягивается под нагрузкой».

У меня перехватило дыхание. Я сорвал датчики. — Хватит, — сказал я.

Левина сразу подняла руку. — Эксперимент остановлен, — сказала Левина. — Что произошло?

— Я увидел его отца, — ответил я.

За перегородкой стало тихо. Альберт вышел первым. Он держал маленький крючок между пальцами.

— Я не думал о нём специально, — сказал Альберт.

— Но предмет связан с ним, — сказала Левина.

— Да, — ответил Альберт.

Я посмотрел на него. — Ты любил его?

Альберт усмехнулся, но без привычной лёгкости. — Видишь? Вот поэтому мне не нравится эта способность.

— Я не спрашиваю из любопытства.

— А какая разница, если ты уже почувствовал ответ? — спросил Альберт.

Я замолчал.

Левина вмешалась: — Разница огромная. Переживание чужого чувства не даёт права считать, что вы поняли отношения целиком.

Альберт посмотрел на неё. — Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что хотя бы один человек здесь ещё помнит о границах, — ответил Альберт.

Левина отвела глаза к приборам. В этот короткий момент я впервые увидел её не только как исследователя. Она выглядела уставшей. Не после одной ночи — после лет, проведённых рядом с чужими историями, которые нельзя было выдать за собственные и невозможно было полностью забыть.

— Почему вы вообще пришли в это? — спросил я.

Левина не ответила сразу. Альберт уже собирался пошутить, но она остановила его взглядом.

— Моя младшая сестра пережила эпизод после операции, — сказала Левина. — Несколько часов называла себя другим именем и рассказывала о доме, которого никто из нас не знал. Потом всё исчезло.

— Вы нашли дом? — спросил я.

— Да, — ответила Левина.

В комнате стало тихо.

— И?

— Он существовал, — сказала Левина. — Но примерно половина деталей не совпала. Этого достаточно, чтобы не иметь права говорить «доказано». И достаточно, чтобы я не смогла забыть.

— Сестра жива?

— Жива. У неё семья, дети, нормальная работа. И она ненавидит, когда я возвращаюсь к той истории, — ответила Левина.

— Почему?

— Потому что для меня это научная загадка, а для неё — худшие шесть часов жизни, — сказала Левина.

Эта фраза изменила комнату. Я понял, что СНИГЕРИЯ, Контур, Записи — всё это легко превращало людей в случаи. А люди продолжали быть людьми даже внутри невозможного.

Ланской принёс папку Веденина. — Ранние эксперименты со вторым каналом, — сказал Ланской. — Только тогда они называли это «переносом образа».

Исследователи пытались передавать геометрические фигуры — круг, квадрат, треугольник. Но иногда испытуемый получал не фигуру, а воспоминание экспериментатора. В одном протоколе женщина вместо красного круга описала кухню, где её партнёр по эксперименту в детстве прятался под столом от пьяного отца. В другом двое людей несколько минут описывали один эпизод от разных точек зрения.

— Родственники? — спросил я.

— Нет, — ответил Ланской. — До опыта не встречались.

— Проверка?

— Частичная. Слишком много неконтролируемых факторов, — сказал Ланской.

Левина кивнула. — То есть эффект интересный, вывод слабый.

— Примерно так Веденин и написал, — ответил Ланской.

Следующий тест Левина сначала запретила. Ланской хотел использовать не живого участника, а запись Веденина.

— Вы не знаете, способен ли Николай войти в состояние через фотографию, — сказала Левина.

— Именно поэтому хочу проверить, — ответил Ланской.

— Это не аргумент безопасности.

— А безопасного аргумента здесь не будет.

— Тогда опыт не проводится, — сказала Левина.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Ланской первым отвёл глаза.

— Веденин бы с вами спорил три часа, — сказал он.

— Веденин мёртв. Я отвечаю за живого Николая, — сказала Левина.

Я неожиданно почувствовал благодарность. Не за запрет. За слово «живого». Слишком многие вокруг уже обращались со мной как с каналом, субъектом или функцией.

— Я согласен, — сказал я.

Левина повернулась ко мне. — Это не отменяет моё решение.

— Я знаю. Но если мы всё равно идём к М-7, лучше понять, насколько глубоко это работает, — сказал я.

Альберт нахмурился. — Ты сейчас говоришь почти так же, как три года назад.

— И что это значит?

— Что через двадцать минут ты начнёшь объяснять, почему ещё один риск рационален, — ответил Альберт.

— А через тридцать?

— Через тридцать мы будем вытаскивать тебя из того, что ты сам попросил открыть, — сказал Альберт.

Левина согласилась только при одном условии: опыт длится десять секунд, затем внешний стимул и обязательная проверка идентичности.

На стол положили фотографию Веденина. Я смотрел на неё. Ничего. Пять секунд. Семь. На девятой секунде мои руки стали старыми. Не визуально. Я почувствовал сухую кожу, боль в суставах, пятно чернил на среднем пальце.

Комната исчезла.

Я стоял у окна в 1974 году. На улице лежал серый снег. На столе горела лампа. Передо мной находился лист бумаги. Я писал: «НЕ ПУТАТЬ ДОСТУП С ЛИЧНОСТЬЮ».

За спиной кто-то спросил: — А если субъект уверен, что стал другим человеком?

Я ответил голосом Веденина: — Уверенность — часть состояния, а не доказательство.

Я понял, что нахожусь внутри его памяти. И одновременно почувствовал опасное облегчение. Здесь всё было понятно. У Веденина была биография. Работа. Жена. Дочь. Вина. Собственные ошибки. Мне не нужно было спрашивать, кто я. Ответ уже лежал внутри памяти: «Я — Веденин».

— Николай, — голос Левиной прорезал комнату.

Я не хотел отвечать. Мне казалось, что она зовёт кого-то другого.

— Николай, назовите своё имя, — повторила Левина.

Я почти сказал: «Владимир Сергеевич Веденин».

Перед глазами возникла Нина. Не воспоминание. Её голос по телефону: «Я не сказала никогда. Я сказала сегодня. Научись различать».

Я ухватился за слово «сегодня». — Сегодня Николай.

Комната 1974 года дрогнула. Левина сжала моё плечо.

— Где вы? — спросила она.

— На базе, — ответил я. Потом добавил честно: — И у Веденина.

— Вы Веденин? — спросила Левина.

Я почувствовал сопротивление всего чужого прошлого. — Нет, — сказал я. — У меня есть доступ к состоянию, которое утверждает, что я Веденин.

Левина выдохнула.

Альберт сел на край стола. — Это было слишком близко.

— Насколько?

— Ты посмотрел на Левину так, будто впервые её видишь, — ответил Альберт.

Я повернулся к ней. — Простите.

— Не извиняйтесь за симптом, — сказала Левина. — Запомните, что помогло вернуться.

— Нина.

Левина записала имя. Я сразу напрягся.

— Не делайте из неё якорь, — сказал я.

Левина подняла глаза. — Я фиксирую факт, а не назначаю функцию, — ответила она.

Эта разница была важной.

В памяти Веденина осталось ещё кое-что: дверь с маркировкой М-7. За ней стояли приборы, похожие на военную радиотехнику, и кресло, окружённое катушками. На стене висела фотография вышки — та же геометрия секций, что на «Северном-4».

— М-7, — сказал я.

Ланской побледнел. — Что вы видели? — спросил он.

Я описал дверь и оборудование.

— Веденин никогда не оставлял схем М-7 в открытой части архива, — сказал Ланской.

— Значит, это подтверждение? — спросил Альберт.

Левина покачала головой. — Это повод искать материальный объект, соответствующий описанию, — сказала Левина. — Подтверждением станет совпадение, которое Николай не мог получить другим способом.

Ланской достал связку ключей. — Тогда пойдём искать, — сказал он.

Он провёл нас через технический коридор к грузовому лифту. Лифт не работал. Мы спустились пешком. На минус втором этаже воздух стал суше. На минус третьем появились новые кабели.

— Они современные, — заметил Альберт.

— Да, — сказал Ланской.

— Значит, база не заброшена.

Ланской остановился. — Я никогда не говорил, что она заброшена, — ответил он.

Внизу коридор разделялся надвое. На левой стене был знак программы СНИГЕРИЯ. На правой — символ, которого я не видел раньше: круг, пересечённый вертикальной линией.

Левина подошла ближе. — Контур? — спросила она.

— Ранний вариант, — ответил Ланской.

— Они были здесь?

— Они всё ещё здесь, — сказал Ланской.

Свет в коридоре погас. Аварийные лампы включились красным. Где-то впереди щёлкнул замок. Альберт мгновенно шагнул передо мной.

— Это не ты сделал? — спросил Альберт Ланского.

— Нет, — ответил Ланской.

Из динамика под потолком раздался женский голос. Спокойный. Очень знакомый.

— Николай, не заходи в М-7, — сказала женщина.

У меня остановилось дыхание.

Это была Нина.

Глава 13

Вышки

Голос Нины повторился через пять секунд, без малейшего изменения интонации: — Николай, не заходи в М-7.

Я сделал шаг к динамику. Левина перехватила меня за рукав.

— Не отвечайте ему, — сказала Левина.

— Это не «ему». Это Нина, — ответил я.

— Мы не знаем, что это, — сказала Левина. — Голос узнаваем. Источник неизвестен. Разделяйте.

Ланской подошёл к щитку и выдернул главный автомат линии. Красная лампа над дверью погасла, но динамик продолжал работать.

— Питание снято.

Альберт посмотрел на потолок. — Значит, либо питание не там, где вы думаете, либо мы уже слушаем не динамик.

Я услышал Нину в третий раз. Теперь голос сказал другую фразу: — Если ты меня помнишь, не верь этому автоматически.

Это была фраза, которую Нина действительно могла произнести. Именно поэтому она пугала сильнее.

Левина вынула телефон и запустила спектральную запись. — Николай, вы слышите голос справа сверху?

— Да.

— Альберт?

— Да, — ответил Альберт.

— Ланской?

— Да.

Левина посмотрела на экран. — Микрофон не фиксирует ничего, кроме вентиляции, — сказала она.

Мы молчали.

— Тогда это не акустика, — произнёс я.

— Или прибор неисправен, — сказала Левина.

Альберт повернулся к ней. — Левина, я сейчас впервые прошу: дайте страшной версии пожить хотя бы минуту.

— Страшная версия никуда не денется, — ответила Левина. — А проверка может исчезнуть.

Дверь М-7 открылась сама.

За ней не было мистики. Было помещение, похожее на гибрид радиолaborатории, медицинского кабинета и машинного зала. В центре стояло кресло с массивным подголовником. По стенам шли кабельные лотки. На потолке висели катушки и экранированные панели. Большая часть оборудования выглядела советской, но между старыми блоками были встроены современные платы и оптические линии.

— Кто это обслуживает? — спросила Левина.

Ланской не ответил сразу. — Иногда люди Контура. Иногда подрядчики, о которых Контур сам знает не всё, — сказал он.

— Удобная архитектура ответственности, — сказала Левина.

— Она пережила четыре государства и шесть реорганизаций, — ответил Ланской.

На стене висели фотографии испытуемых. Возраст, медицинские показатели, субъективная оценка возраста до и после сеанса. В первом протоколе мужчине было шестьдесят два. После воздействия он правильно называл год рождения, узнавал жену и детей, но двигался быстрее, перебивал врачей и оценивал риск так, как делал это в семнадцать.

Левина читала вслух: — «Субъективный возраст: 17 ± 2 . Автобиографическая память сохранена. Критичность снижена. Поведенческий профиль соответствует позднему подростковому».

— Они сделали его молодым? — спросил Альберт.

— Нет, — ответила Левина. — Они изменили доступ к возрастному слою личности. Тело осталось шестидесятидвухлетним. Но внутреннее ощущение себя сместилось.

В следующем протоколе семидесятилетняя женщина продолжала помнить собственную молодость, но говорила о событиях вчерашнего дня как о чём-то, произошедшем десятилетия назад. Ещё один испытуемый вспоминал детство с такой непосредственностью, будто оно происходило утром, а вчерашний разговор с женой воспринимал как историю, прочитанную в книге.

— Субъективная дистанция памяти, — сказала Левина. — Они не стирали событие. Они меняли ощущение того, насколько оно близко.

Я почувствовал холод. — Если вчера кажется сорок лет назад, обещание, данное вчера, перестаёт весить столько же.

— Именно, — ответила Левина.

Альберт медленно кивнул. — Значит, человеку не обязательно удалить память о жене. Достаточно сделать её эмоционально далёкой.

Ланской открыл другой файл. Женщина помнила мужа, его имя, профессию, совместные поездки. После сеанса она смотрела на фотографию свадьбы и говорила: «Да, я знаю, что это мы. Но внутри это не моя свадьба».

Я вспомнил Нину после второй коррекции — как я якобы знал всё о ней и не чувствовал ничего. В груди стало тесно.

— Мои коррекции делали здесь?

Альберт посмотрел на Ланского. Ланской ответил: — Первая — на системе, созданной по принципам М-7. Вторая и третья — на более новой версии.

— И вы позволили? — спросил я Альберта.

— Ты настоял, — ответил Альберт.

— Это не ответ.

— Нет, — сказал Альберт. — Я позволил.

В его голосе не было оправдания. Только факт.

Левина открыла протоколы побочных эффектов. Там были панические приступы, эмоциональная отчуждённость от близких, провалы времени, внезапное ощущение чужого возраста, смешение воспоминаний. В нескольких случаях испытуемые говорили, что слышат внутри несколько «версий себя» одновременно.

— Четверо, — тихо сказал я.

Левина повернулась. — Что?

— Я уже чувствовал четыре состояния внутри себя. Злость, осторожность, уверенность, почти чужую харизму. Я думал, это просто расщепление после травмы, — сказал я.

— Может быть и так, — ответила Левина. — Но теперь у нас есть ещё одна гипотеза: не личности, а конкурирующие биографические режимы доступа.

Ланской включил старый осциллограф. — М-7 начинался как локальная система, — сказал он. — Катушки, кресло, несколько метров воздействия. Потом инженеры поняли, что часть эффекта можно получить без кресла.

Он развернул чертёж. На бумаге была вышка.

Сначала — экспериментальная мачта на территории базы. Затем типовая конструкция связи, почти неотличимая от обычной телекоммуникационной инфраструктуры. Электромагнитные блоки уменьшались. Антенны становились стандартнее. Управление уходило в цифровой слой.

— Вот почему вышки, — сказал я.

— Не каждая вышка, — резко ответила Левина. — Не превращаем обычную связь в страшилку. Речь о специально оборудованных узлах.

— Скрытых внутри обычной инфраструктуры, — добавил Альберт.

— Да, — сказала Левина.

На современных схемах появилась новая строка: «ПОИСК СИГНАТУРЫ». Система больше не воздействовала на всех одинаково. Она сравнивала реакции людей в зоне с эталонным профилем.

— Как отпечаток пальца? — спросил я.

— Гораздо хуже, — ответила Левина. — Отпечаток пассивен. Здесь сигнатура строится из динамики: микрореакции, ритмы, устойчивость автобиографической сети, реакция на определённые стимулы. Человека можно выделить среди многих.

Ланской показал архивный тест. В большом помещении находились двадцать добровольцев. Система сканировала группу. На экране сначала появлялись кандидаты, затем один профиль становился красным.

— После выбора цель можно воздействовать отдельно? — спросил Альберт.

— В поздних версиях — да, — ответил Ланской. — Остальные получают фон ниже порога.

— То есть вышка может найти конкретного человека в толпе и изменить только его? — спросил я.

Левина покачала головой. — «Изменить» слишком широкое слово. Но направленно сместить доступ к памяти, страху, доверию или субъективному возрасту — по документам, да.

В одном видеопротоколе мужчина сидел перед двумя дверями. За левой находился знакомый врач, за правой — незнакомый. До воздействия испытуемый выбирал врача. После короткого сигнала он по-прежнему узнавал врача, но говорил, что незнакомец «почему-то кажется безопаснее». Он выбирал правую дверь и уверенно объяснял решение собственными аргументами.

Мне стало не по себе. — Он думал, что сам передумал, — сказал я.

— Именно, — ответила Левина.

Альберт провёл ладонью по лицу. — Это хуже приказа, — сказал Альберт. — Приказ хотя бы ощущается внешним.

— Поэтому программа никогда официально не называлась управлением сознанием, — сказал Ланской. — Неэффективно заставлять человека хотеть конкретного действия. Гораздо надёжнее менять вес причин, из которых он выбирает.

Альберт посмотрел на наклонённую столешницу старого стенда. — Наклоняете стол, — сказал Альберт. — Шарик катится сам, но стол уже не ровный.

Левина медленно кивнула. — Хорошая метафора. И опасная, если забыть ограничения. Система не гарантирует решение. Люди сопротивляются, меняют контекст, совершают нелогичные поступки. Иногда эффект противоположный.

В одном отчёте испытуемому усилили недоверие к сотруднику, чтобы тот отказался от встречи. Вместо этого мужчина решил немедленно встретиться и выяснить отношения. В другом снизили страх, рассчитывая облегчить допрос, а испытуемый стал агрессивнее, потому что исчезла сдерживающая тревога.

— То есть прямого «убей этого человека» нет, — сказал я.

— И слава богу, — ответила Левина. — Но если изменить страх, чувство принадлежности, близость памяти и доверие, можно сильно изменить вероятность решения.

Ланской открыл современный каталог узлов. На экране появлялись условные обозначения: М-7, М-9, М-12, М-17. Затем — десятки географических кодов.

Ланской пояснил, что эти индексы обозначали не один объект, а семейства протоколов: один и тот же номер мог стоять на программе, аппаратном узле или конкретном сеансе, если рядом шёл уточняющий код. Поэтому «М-17» в архиве и «сеанс М-17» на «Северном-4» не обязаны были быть одной и той же установкой.

Один из них я узнал сразу.

«СЕВЕРНЫЙ-4». Красный статус: АКТИВЕН.

У меня пересохло во рту. — Мачта связи, — сказал я.

— Вероятно, один из узлов, — ответила Левина. — Но нам нужен журнал конкретного сеанса.

Ланской открыл закрытый ящик. Внутри лежал накопитель, слишком новый для этого помещения.

— Его не было месяц назад.

— Значит, кто-то хотел, чтобы мы его нашли? — спросил Альберт.

— Или кто-то не успел забрать, — ответила Левина.

На накопителе был один каталог: `M17\_04`.

Левина открыла журнал.

«10:42:51 — ПОИСК».

«10:42:58 — КАНДИДАТЫ: 17».

«10:43:00 — СИГНАТУРА 04. СОВПАДЕНИЕ 93,7%».

«10:43:01 — ЦЕЛЬ ВЫДЕЛЕНА».

Я перечитал несколько раз. — Они искали меня среди людей на объекте.

— Похоже на это, — ответила Левина.

Следующая строка заставила Альберта перестать дышать.

«КОРРЕКЦИЯ: НЕ СТИРАТЬ. ОСЛАБИТЬ ТЕКУЩУЮ БИОГРАФИЮ. ДОПУСТИТЬ ПРОРЫВ».

— Что значит «допустить прорыв»? — спросил я.

Левина читала технические поля. — Не закрывать возникающие чужие биографические связи. Наоборот, снизить доминирование текущей идентичности.

— То есть на «Северном-4» меня не пытались стереть, — сказал я.

— Судя по этому — вас пытались открыть, — ответила Левина.

Голос Нины снова возник в комнате, хотя динамик по-прежнему был обесточен: — Николай, не позволяй им открыть тебя полностью.

Я вздрогнул.

На мониторе появился последний блок журнала.

«СЕАНС М-17. НАЧАЛО: 10:43:00. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ: 37 СЕКУНД».

Тридцать семь секунд.

Столько я был мёртв под водой.

Левина прокрутила ниже. — Здесь цифровая подпись команды, — сказала она.

Альберт подошёл ближе. — Чья?

Левина не ответила сразу. Её лицо стало совершенно неподвижным.

— Аккаунт Николая, — сказала Левина. — Закрыт три года назад.

Я засмеялся один раз. Без веселья. — Значит, я сам приказал вышке открыть себя?

— Нет, — резко сказала Левина. — Это значит только, что команда подписана вашим ключом. Не путайте подпись с авторством.

Ланской смотрел на лог. — Этот ключ считался уничтоженным, — сказал он.

Альберт повернулся ко мне. В его лице был страх, который он уже не пытался скрывать.

— Три года назад ты оставил инструкции, которые я не видел.

— И теперь одна из них убила меня на тридцать семь секунд, — ответил я.

— Или спасла, — сказал Ланской.

Мы все посмотрели на него.

— От чего? — спросила Левина.

Ланской указал на следующую строку журнала.

«ПОСЛЕ СЕАНСА: НОСИТЕЛЬ 04 НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ИСХОДНОМУ ПРОФИЛЮ. КАНАЛЫ: 4. СТАБИЛИЗАЦИЯ НЕ ВЫПОЛНЕНА».

Ниже стояла пометка: «НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ. НАБЛЮДАТЬ».

И время создания пометки.

10:43:37.

Глава 14

Домашний помощник

На поверхности уже начинало темнеть, хотя часы показывали только половину пятого. Северный день сжимался быстро. Мы не покинули базу: Ланской повёл нас в отдельное помещение, где на стеллажах стояли странные серые аппараты на колёсах. Один напоминал пылесос, второй — маленький шкаф с механической рукой, третий выглядел как детская игрушка, которую увеличили до человеческого колена.

— Домашние помощники, — сказал Ланской.

Альберт посмотрел на облупившийся корпус. — Вот это и есть великий советский искусственный интеллект?

— Нет, — ответил Ланской. — Великий советский искусственный интеллект стоял бы на учёте и не имел бы запасных частей. Это просто бытовые роботы.

Левина уже открывала сервисный люк. — «Просто» здесь обычно заканчивается через две минуты, — сказала она.

На рекламной плёнке восьмидесятых робот пылесосил коридор, приносил пожилому человеку лекарства, выключал свет и вызывал медсестру. За кадром бодрый диктор обещал «освободить человека от бытовой рутины». В техническом паспорте, которого не было в рекламной версии, обнаруживался дополнительный модуль СНИГЕРИИ.

Он записывал ночную речь, движение глаз во сне, частоту пробуждений, необычные паузы в ответах, повторяющиеся имена и места, которых не было в биографии владельца. Робот не понимал содержимое. Он собирал признаки и передавал их в центр.

— Они превратили дома в распределённую лабораторию, — сказала Левина.

— С согласия жильцов? — спросил я.

Ланской посмотрел на меня. — В документах использовалось слово «ведомственное наблюдение», — ответил он.

— То есть нет, — сказал Альберт.

— То есть в ту эпоху вопрос ставили иначе, — ответил Ланской.

В поздних версиях роботы научились собирать не только звук. Датчики температуры, вибрации, простые камеры, радиометки, медицинские браслеты. Отдельно каждый канал почти ничего не значил. Вместе они создавали достаточно точную картину того, где в квартире находится человек, спит ли он, двигается ли, как меняется пульс и к кому он подходит.

Левина вывела на экран схему. — Здесь тот же принцип, что у вышек, — сказала она. — Не читать сознание. Собирать прокси-показатели состояния и искать сигнатуру.

— И если нашли? — спросил я.

— Отправляли узлу запрос на дополнительную проверку, — ответила Левина. — В ранних версиях только наблюдение. Позже — воздействие.

Мы нашли экспортные документы. Несколько сотен аппаратов ушли в Восточную Европу, часть — через совместные предприятия в Великобританию и Скандинавию. В рекламных брошюрах нигде не упоминался закрытый модуль.

— Представьте, — сказал Альберт. — Человек покупает робота, который подаёт таблетки, а тот ночами решает, насколько хозяин похож на нужный тип сознания.

— Не «решает», — поправила Левина. — Считает признаки по заданной модели.

— Левина, иногда ваши уточнения делают всё только страшнее, — сказал Альберт.

В одном из дел робот оказался частью полевого сценария. Оператор носил контактную линзу с миниатюрным дисплеем. На неё выводилась карта квартиры, положение людей и изоб-

ражения с домашних камер. Стены не становились прозрачными — система просто собирала данные со всех бытовых устройств и рисовала человеку то, что находилось по другую сторону.

— Вот откуда история про агентов, которые видят глазами робота, — сказал я.

— Или история появилась раньше, а инженеры украли идею, — ответила Левина. — Причинность пока не установлена.

Следующий протокол был помечен как «неподтверждённый». Агент должен был задержать инженера, заподозренного в утечке. В отчёте жена инженера получила огнестрельное ранение. Мужчина, по показаниям очевидцев, каким-то образом пережил выстрел в лицо, обезоружил нападавшего и убил его. Два свидетеля утверждали, что пуля «отклонилась» после удара о зубы. Экспертиза не смогла подтвердить их версию.

— Не всё в архиве должно быть правдой, — сказала Левина.

— Но кто-то счёл это достаточно важным, чтобы сохранить, — ответил я.

— Архив хранит не только истину, — сказал Ланской. — Он хранит то, чему люди когда-то боялись найти объяснение.

В сервисном журнале одного робота появился код М-17. Дата была современной. Маршрут обновления прошивки шёл через подрядную организацию, зарегистрированную как поставщик спутниковой связи для нефтегазовых объектов.

Название фирмы я видел раньше.

На «Северном-4».

То самое нейтральное имя было напечатано на пропусках двух мужчин, работавших возле мачты в день моей аварии.

— Они обслуживали вышку, — сказал я.

Альберт приблизил документ. — Они обслуживали не только её.

В списке объектов были больницы, дата-центры, закрытые жилые комплексы, платформы, исследовательские станции и несколько крупных городских телекоммуникационных узлов.

— Масштаб? — спросил я.

Левина быстро просмотрела таблицу. — Мы не знаем, сколько объектов реально оснащены М-модулями. Подрядчик мог обслуживать обычную связь в девяноста процентах случаев, — сказала Левина. — Нельзя превращать весь список в сеть воздействия.

— А десять процентов? — спросил Альберт.

— Вот их и надо искать, — ответила Левина.

В углу помещения стоял домашний робот с маркировкой `РД-6`. Ланской уверял, что батарея давно снята. Когда я приблизился, маленький экран на корпусе зажёгся.

На нём появилась строка: `СУБЪЕКТ 04`.

Я остановился.

Экран обновился: `СИГНАТУРА НЕСТАБИЛЬНА`.

Потом: `КАНАЛ 2 ОБНАРУЖЕН`.

Альберт отступил на шаг. — Почему второй канал связан со мной? — спросил он.

Ланской не успел ответить. Робот повернул камеру в сторону Альберта.

`СОПРЯЖЁННЫЙ ПРОФИЛЬ: 11% ... 18% ... 27%`.

Цифра росла.

Левина выдернула кабель питания, которого, по словам Ланского, вообще не было подключено.

Экран остался включён.

— Теперь я официально не люблю эту штуку, — сказал Альберт.

`СОПРЯЖЕНИЕ: 31%`.

В моей голове неожиданно вспыхнуло ощущение чужой квартиры. София лежала на кровати в футболке Альберта и проводила пальцами по его груди. Альберт пытался быть рядом и

одновременно прислушивался к телефону на тумбочке. Она спросила: «Ты когда-нибудь остаёшься там, где твоё тело?» Он поцеловал её вместо ответа.

Я резко отвернулся.

— Что? — спросил Альберт.

— Ничего, — ответил я слишком быстро.

Альберт понял по моему лицу. — Ты опять увидел моё? — спросил он.

Я молчал.

— Николай, что именно? — спросила Левина.

— Частное, — ответил я. — Не относится к делу.

Альберт несколько секунд смотрел на меня. Потом кивнул. — Спасибо, — сказал он.

Это был первый раз, когда я получил чужую интимную память и сознательно отказался её пересказывать. Маленькое решение. Но после всего, что я узнал о Контурах, вышках и доступе к чужим биографиям, оно ощущалось почти политическим актом.

Левина записала только факт: `СПОНТАННЫЙ ПЕРЕНОС / СОДЕРЖАНИЕ НЕ ФИКСИРОВАЛОСЬ ПО ПРОСЬБЕ СУБЪЕКТА`.

Робот снова обновил экран.

`M17: 10:43 / 37 СЕК`.

Затем появилась фраза: `ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ К 04 ВДВОЁМ`.

Я почувствовал, как Ланской напрягся.

— Что это значит?

— Понятия не имею, — ответил Ланской.

Альберт посмотрел на него. — Врёте.

Ланской выдержал его взгляд. — Знаю только старое правило. При некоторых синхронизациях третий человек стабилизирует пару, а при других — усиливает перенос. Никто не понимал почему, — сказал он.

— «Не приближаться вдвоём» звучит как инструкция тем, кто собирается меня ловить, — сказал я.

— Или спасти, — ответила Левина.

У Альберта завибрировал телефон. Он посмотрел на экран и вышел в коридор.

Я увидел имя до того, как он отвернул устройство: София.

Через стену мы слышали только его голос, но не слова. Потом он вернулся другим — всё ещё собранным, но чуть более живым.

— Всё нормально? — спросил я.

— Она спросила, вернусь ли я сегодня, — ответил Альберт.

— И что ты сказал?

— Правду. Что не знаю, — сказал Альберт.

— Она злится?

— Хуже. Она привыкла, — ответил Альберт.

Он убрал телефон. — Поэтому давай закончим со спасением мира до полуночи. У меня есть планы хотя бы раз испортить отношения обычным способом.

Даже Левина улыбнулась.

Улыбка исчезла, когда экран робота написал новую строку:

`КОНТУР: ВХОДЯЩИЙ КАНАЛ`.

Сразу после этого все двери базы заблокировались.

Глава 15

Контур

Нас взяли без единого выстрела.

Сначала погасла связь. Затем электронные замки базы закрылись одновременно. Через две минуты камеры повернулись в одну сторону, будто кто-то проверял коридор. Ещё через минуту из лестничного пролёта появились люди в обычных тёмных куртках и медицинских масках. Они знали расположение комнат лучше Ланского.

Альберт встал передо мной. — Если они говорят «на пол», не геройствуй.

— Это ты мне? — спросил я.

— Себе, — ответил Альберт. — Но можешь присоединиться.

Руководил группой мужчина около пятидесяти. Среднего роста, коротко стриженный, без оружия в руках. Он не повышал голос и не изображал власть. От этого остальные выполняли его команды быстрее.

— Николай, оружия против вас не применяют, если вы не заставите нас защищаться, — сказал мужчина.

— Очень вежливое похищение, — ответил я.

— Вы уже знаете достаточно, чтобы понимать: формулировки здесь сложнее, — сказал мужчина. — Орлов.

Ланской вышел вперёд. — У вас нет права входить в архив.

Орлов посмотрел на него почти с сожалением. — Алексей Михайлович, право — не лучший термин для места, которого официально не существует.

— А вы всё ещё оправдываете каждую грязь отсутствием бумажки, — сказал Ланской.

— Нет. Я просто называю юридическую реальность, — ответил Орлов.

Левина подняла телефон. — Мои данные уже ушли наружу, — сказала она.

Орлов кивнул. — Я знаю, — ответил он. — Именно поэтому мы разговариваем, а не забираем накопители и делаем вид, что вас здесь не было.

— Это должно успокоить? — спросила Левина.

— Нет, — сказал Орлов. — Я давно перестал пытаться успокаивать людей фактами.

Нас вывели через другой вход. Снаружи стояли два микроавтобуса без маркировки. Не было наручников. Телефоны забрали в экранированные пакеты и выдали расписки с серийными номерами — бюрократия оказалась почти оскорбительной в своей аккуратности.

Ланского посадили во второй микроавтобус и увезли отдельно. Позже Левина получила от него через адвоката короткую записку: «Жив. Архив опечатан». После этого он сознательно вышел из операции и больше не появлялся в нашей группе.

Контур располагался не в подземном бункере. Через час мы въехали на территорию современного медицинского комплекса. Стекланные фасады, парковка, кофейня в холле, женщина в синем халате спорит по телефону с ребёнком, забывшим ключи. В лифте сотрудник обсуждал ипотеку. У автомата мужчина ругался, что закончились стаканчики.

Организация, способная менять человеку отношение к собственной памяти, состояла из людей, которым вечером нужно было купить молоко.

Это пугало сильнее вооружённой охраны.

— Вы специально показываете нам обычную часть? — спросил я Орлова.

— Нет, — ответил Орлов. — Она и есть большая часть.

— А меньшая?

— Из-за неё вы здесь, — сказал Орлов.

Он провёл нас в переговорную с прозрачной стеной, которая по нажатию кнопки стала матовой. На столе стояли вода, кофе, печенье. Альберт взял печенье первым.

— Ты серьёзно? — спросил я.

— Если меня похищают с кейтерингом, я хотя бы воспользуюсь преимуществом, — ответил Альберт.

Орлов почти улыбнулся. — Именно поэтому вас трудно использовать как стабильный эмоциональный якорь, — сказал он.

Альберт перестал жевать. — А вот теперь печенье стало хуже.

На стене появилась запись с «Северного-4». Вид на мачту. Серое небо. Подрядчики возле закрытого шкафа. Таймер в углу.

— Мы не организовывали вашу аварию, — сказал Орлов.

— Но включили вышку, — ответил я.

— Да, — сказал Орлов. — Короткий тест. Мы хотели проверить сигнатуру.

— Команда гласила «ослабить текущую биографию», — сказала Левина.

Орлов посмотрел на неё. — Уже нашли журнал М-17, — сказал он.

— Вы удивлены? — спросила Левина.

— Я разочарован в людях, которые оставили накопитель там, где его можно найти, — ответил Орлов.

— Значит, журнал настоящий, — сказал я.

— Да, — ответил Орлов.

Альберт наклонился вперёд. — И подпись Николая?

Орлов выдержал паузу. — Криптографически корректна, — сказал он.

— Это не ответ на вопрос, кто подписал, — сказала Левина.

— Верно, — ответил Орлов. — Мы не знаем.

Это прозвучало честнее, чем мне хотелось.

Орлов включил другой экран. На нём появилась схема человеческой головы, но без фантастических линий: обычные данные электроэнцефалографии, пульс, дыхание, реакция зрачка, вариабельность сердечного ритма, результаты когнитивных тестов.

— Вышка не читает мысли, — сказал Орлов. — И не может вложить конкретную фразу в голову по заказу. Большая часть технологий Контура куда скучнее слухов. Мы строим модель того, как человек удерживает текущую биографию. Затем можем временно смещать некоторые параметры доступа.

— Страх, доверие, возраст, близость воспоминаний, — перечислила Левина.

— Да, — сказал Орлов. — Иногда ощущение принадлежности памяти. Иногда эмоциональную значимость конкретного лица.

— И называете это карантин, — сказал я.

— Иногда это действительно карантин, — ответил Орлов.

Он показал женщину лет сорока. Её имя и лицо были скрыты. На первом видео она сидела в комнате и описывала свидетеля преступления. Пульс ускорялся, ладони дрожали. Она помнила, как мужчина стоял возле двери, какую куртку носил, как пахло в помещении.

На втором видео женщина описывала те же факты спокойно. Лицо узнавала. Детали не исчезли.

— Что вы сделали? — спросил я.

— Ослабили эмоциональную маркировку угрозы, — ответил Орлов. — На сорок минут.

— Зачем?

— Потому что она не могла войти в зал суда, — сказал Орлов. — После сеанса смогла дать показания.

Левина нахмурилась. — С её информированным согласием?

— Да, — ответил Орлов.

— Полностью информированным?

Орлов помолчал. — Настолько, насколько это было возможно, — сказал он.

— То есть нет, — ответила Левина.

Орлов не стал спорить.

Второй случай был хуже. Мужчина считал бывшего партнёра смертельной угрозой. После воздействия страх снизился. Он сам решил прийти на встречу, которую раньше отменял. Переговоры прошли успешно.

— Вы управляете людьми, — сказал я.

— Мы меняем условия, в которых человек принимает решение, — ответил Орлов.

Альберт усмехнулся. — Наклоняете стол.

Орлов посмотрел на него. — Если вам нравится метафора, — ответил он.

— Мне она как раз не нравится, — сказал Альберт. — Потому что шарик потом уверен, что сам решил катиться вниз.

Орлов кивнул. — Это одна из причин, почему доступ ограничен, — сказал он.

— Ограничен кем? — спросила Левина. — Вами?

— Да.

— А кто ограничивает вас?

Орлов молчал дольше.

— Недостаточно людей, — ответил он.

Эта фраза была, пожалуй, самым тревожным признанием за весь разговор.

В дверь постучали. Молодая сотрудница принесла Орлову телефон. Он посмотрел на экран и на секунду стал не руководителем Контур, а обычным отцом.

— Да, Маш, — сказал Орлов в трубку. — Я помню. Нет, не покупай сама, я заеду. Скажи маме, что буду поздно. Нет, поздно — это не после полуночи. Постараюсь.

Он отключился и заметил мой взгляд.

— Дочь, — сказал Орлов.

— Я понял, — ответил я.

— И да, это имеет отношение к тому, что мы делаем, — сказал Орлов. — Потому что каждый сотрудник, который хотя бы раз видел полный потенциал Записей, задавал себе вопрос: хочу ли я, чтобы любой человек мог однажды открыть жизнь моего ребёнка как файл.

Комната стала тише.

— Записи? — спросил я.

Орлов понял, что сказал лишнее. — Термин преждевременный для вашего текущего уровня доступа, — ответил он.

— Значит, он существует, — сказал Альберт.

— Вы умеете делать выводы из оговорок, — ответил Орлов.

— Это мой единственный талант после печенья, — сказал Альберт.

Орлов переключил экран на журнал «Северного-4».

«10:42:51 — ПОИСК».

«10:42:58 — КАНДИДАТЫ: 17».

«10:43:00 — СИГНАТУРА 04. СОВПАДЕНИЕ 93,7%».

«10:43:01 — ЦЕЛЬ ВЫДЕЛЕНА».

— Почему семнадцать? — спросил я.

— В зоне действия находились семнадцать людей, чей профиль прошёл первичный порог, — ответил Орлов. — Система выбрала вас по сходству с историческими случаями субъекта 04.

— Историческими?

— 2004, 1986, 1973 и несколько спорных эпизодов, — сказал Орлов.

Я почувствовал, как кожа на руках становится холодной. — Вы искали не Николая.

— Нет, — ответил Орлов. — Мы искали повторяющийся паттерн.

— Наблюдателя?

— Тогда мы ещё не пользовались вашим словом всерьёз, — сказал Орлов. — Мы думали, что это редкая устойчивость определённого типа памяти при смене состояния. Возможно, ошибка модели. Возможно, эффект, который ещё не понимаем.

— Вы до сих пор не понимаете, — сказала Левина.

— Да, — ответил Орлов без обиды.

Он увеличил график сеанса. На отметке 10:43:01 линия сигнатуры Николая резко пошла вверх, затем рассыпалась на четыре устойчивых группы.

— Вот ваши «четверо», — сказала Левина.

Орлов кивнул. — После воздействия система перестала видеть одну доминирующую биографию. Появились четыре конкурирующих контура. Потом один из них исчез вместе с клинической смертью, а три продолжили меняться.

— И вы просто наблюдали, пока я тонул? — спросил я.

Орлов не отвёл взгляд. — Подводная авария началась почти одновременно с сеансом. Операторы связи на платформе занимались спасением. Наша группа не контролировала водозлазные работы, — ответил он.

— Но вы не отключили воздействие.

— Сеанс уже завершился через тридцать семь секунд, — сказал Орлов.

— Ровно когда я вернулся, — сказал я.

— Да.

Левина наклонилась к экрану. — Покажите команду полностью, — потребовала она.

Орлов вывел строку:

‘НЕ СТИРАТЬ. ОСЛАБИТЬ ТЕКУЩУЮ БИОГРАФИЮ. ДОПУСТИТЬ ПРОРЫВ.’

Ниже — идентификатор подписавшего аккаунта.

Мой.

— Когда создан ключ? — спросила Левина.

— Четыре года назад, — ответил Орлов.

— Когда закрыт?

— Три года назад. После вашей второй коррекции, Николай.

— Кто им воспользовался на «Северном-4»?

— Не знаем, — сказал Орлов.

Альберт ударил ладонью по столу. — У вас инфраструктура, которая может лазить людям в память, но вы не знаете, кто отправил главную команду?

Орлов спокойно посмотрел на него. — Ключ принадлежал человеку, который сам разрабатывал часть протокола сокрытия доступа, — ответил Орлов. — Если тот человек хотел скрыть источник, он знал наши системы лучше многих операторов.

Все посмотрели на меня.

— Не надо, — сказал я.

— Я ничего не сказал, — ответил Альберт.

— Но подумал.

Альберт замер.

Я услышал его мысль так ясно, как голос: «Он мог сам запланировать свою смерть».

— Я не планировал утонуть.

Альберт поблел. — Я этого не произносил, — ответил он.

Орлов поднял голову. Впервые в его лице появился настоящий интерес.

— Второй канал уже активен без оборудования?

Левина встала между нами. — Никаких экспериментов, — сказала она.

— Я и не предлагал, — ответил Орлов.

— Вы подумали, — сказал я.

Орлов посмотрел на меня внимательно. — Что именно? — спросил он.

Я прислушался.

Ничего.

Пустота.

Орлов едва заметно улыбнулся. — Видите? Это не чтение мыслей, — сказал он. — Ваш доступ избирателен. Контекстен. Иногда симметричен. Именно поэтому мы до сих пор не знаем, с чем имеем дело.

— Но знаете достаточно, чтобы вмешиваться, — сказал я.

— Да, — ответил Орлов.

— Почему не убить меня, если я такая угроза?

Альберт резко повернулся ко мне. Левина тоже.

Орлов ответил спокойно: — Потому что смерть носителя в подтверждённых случаях не прекращала феномен. Иногда наоборот. И потому что человек, которого вы называете Николаем, не должен умирать только из-за того, что мы боимся того, чего не понимаем.

Это был не ответ злодея. И от этого мне стало хуже.

— Тогда чего вы хотите? — спросил я.

Орлов выключил экран. — Стабилизировать вас, — ответил Орлов. — Понять, кто отдал команду М-17. И не позволить следующей стороне использовать вашу сигнатуру раньше нас.

— «Раньше нас» звучит очень обнадеживающе, — сказал Альберт.

Орлов посмотрел прямо на меня. — Есть ещё одна причина, — сказал он.

— Какая?

— На «Северном-4» система не просто нашла вас, — ответил Орлов. — После команды она попыталась провести стандартную коррекцию.

— И?

— На обычных людях коррекция закрывает лишние связи, — сказал Орлов. — У вас произошло обратное.

Он включил последний график.

На нём одна линия превращалась в десятки.

— Мы не стерли вас, Николай, — сказал Орлов. — Мы вас открыли.

Глава 16

Допрос

Комната допроса была белой не потому, что кто-то хотел сделать её стерильной. Белизна здесь работала как инструмент. На стенах не было часов, розеток, выключателей, даже заметных швов. Ни одного предмета, за который взгляд мог бы зацепиться и превратить его в ориентир. Только стол, два стула и стеклянная перегородка, за которой стояли Левина и Альберт.

Передо мной лежали три паспорта. Российский на имя Николая. Французский на имя Анже Башера. Третий был пустым: фотография отсутствовала, графа имени была зачёркнута толстой чёрной полосой. Именно третий документ пугал сильнее всего.

Орлов сел напротив и не открыл ни одной папки. Несколько секунд он просто смотрел на меня, позволяя тишине сделать то, что обычно делают угрозы.

— Я не буду спрашивать, кто вы, — сказал Орлов. — Этот вопрос сейчас бесполезен. Я буду показывать вам документы, предметы и фрагменты записей. Вы отвечаете первым ощущением, а потом отдельно формулируете, что из этого является проверяемым фактом. Понимаете разницу?

— После Левиной я уже способен сдавать по ней экзамен, — ответил я.

За стеклом Левина едва заметно подняла бровь. Альберт улыбнулся, но сразу перестал, когда Орлов открыл французский паспорт.

Имя АНЖЕ БАШЕР не пришлось читать. Оно будто уже находилось у меня во рту. Вместе с ним пришли улица во Франции, запах дождя на тёплом камне, мать, которая ненавидит холодный кофе, и отец, умерший семь лет назад. Я знал, где лежат ключи от квартиры Анже. Знал имя хозяина любимого бара. Помнил, как в детстве отец запрещал мне трогать механические часы на верхней полке шкафа.

Эти знания не выглядели информацией. Они выглядели жизнью.

— Настоящий документ? — спросил я.

— Да, — ответил Орлов. — Выдан французскими властями. Биография подтверждается налогами, медицинскими записями, учёбой, работой, фотографиями, соседями и матерью.

— Анже жив? — спросил я.

— Да, — ответил Орлов.

— Тогда почему я помню его мать?

— Это один из вопросов, ради которых вы здесь, — сказал Орлов.

— Очень удобно отвечать вопросом на вопрос.

— Я не ответил вопросом. Я признал отсутствие ответа, — сказал Орлов.

Мне не понравилось, что он иногда разговаривал почти как Левина. Людей, способных произносить «не знаю» без стыда, было труднее ненавидеть.

Орлов положил рядом фотографию небольшого дома. Я узнал его до того, как увидел номер на двери. В груди появилась неожиданная нежность. Я знал, что за левым окном кухни. Знал, что ступенька у входа чуть проседает после дождя. Знал, что мать Анже открывает шторы сразу после пробуждения даже зимой.

— Факт? — спросил Орлов.

— Дом существует, — ответил я. — Я его узнаю.

— Первое — факт. Второе — состояние, — сказал Орлов.

— Отлично. Скоро вы с Левиной сможете открыть кружок занудства.

За стеклом Альберт беззвучно рассмеялся. Левина посмотрела на него, и смех закончился.

Следующим Орлов достал рисунки. Они были сделаны простым карандашом, часть — на обороте служебных бланков. Бар под дождём. Две чёрные собаки. Мужчины в узком переулке. Ножницы на кухонном столе. Женщина с обожжённой кожей. Часы, у которых стрелки шли назад. На последнем листе — дата: 22.04.2224.

Я провёл пальцем над бумагой, не касаясь.

— Я это рисовал?

— Камера фиксирует вас за этим столом, — ответил Орлов.

— Почему я не помню?

— Потому что через шесть часов после рисунков вы потребовали коррекцию памяти, — сказал Орлов.

За стеклом Альберт опустил голову.

Я посмотрел на него, потом снова на Орлова. — Потребовал или согласился?

— Потребовали, — повторил Орлов. — В письменной форме. Дважды. После первого отказа врача вы добились другого специалиста.

— И Альберт помог?

Орлов не ответил. За стеклом Альберт поднял взгляд и кивнул сам.

— Почему? — спросил я через стекло, хотя знал, что микрофон передаст вопрос.

Альберт нажал кнопку связи. — Потому что ты убедил меня, что если вспомнишь всё сразу, станет хуже, — сказал Альберт. — И потому что я тебе поверил.

— Ты часто мне веришь, когда я прошу сделать что-нибудь опасное?

— Раньше чаще, — ответил Альберт.

Орлов выключил связь со стеклом одним движением. — Сейчас разговор со мной, — сказал он.

— Ревнуете?

— Экономлю время, — ответил Орлов.

Он включил запись. Старый я сидел в этой же комнате. Волосы были длиннее, под глазами тени, на правой кисти свежая ссадина. Я смотрел прямо в камеру так, будто знал, кто однажды окажется по другую сторону экрана.

— Если процедура пройдёт успешно, текущая биография должна стать доминирующей, — сказал Николай на записи. — Но не делайте её единственной. Полная блокировка опаснее утечки.

Неизвестный врач спросил: — Почему? — спросил врач на записи.

— Потому что если убрать все остальные связи, Наблюдатель начнёт искать адрес вслепую, — ответил Николай на записи.

Я остановил видео. — Наблюдатель?

— Ваш термин, — сказал Орлов.

— И что он означает?

— В вашей прежней рабочей модели — то, что остаётся непрерывным, когда меняются тело, память, имя и биография, — ответил Орлов. — Подчеркну: рабочей модели. Не доказанный объект. Не душа. Не отдельная сущность.

— Левина вас дрессировала?

— Нет. Мы просто оба видели, что происходит, когда гипотезу начинают любить сильнее фактов, — ответил Орлов.

Он включил запись снова.

— Что именно вы хотите сохранить после коррекции? — спросил врач на видео.

Записанный я посмотрел в сторону зеркала. — Поведенческие якоря. Альберта. Несколько фраз. Профессиональные навыки текущего носителя. Нину не трогать, — сказал Николай на записи.

Я напрягся.

Врач спросил: — Почему Нину исключить? — спросил врач.

— Потому что любовь нельзя использовать как страховочный трос, — ответил Николай на записи. — Если после стирания я выберу её снова — это будет моё решение. Если нет, она не обязана платить за мою теорию.

Я смотрел на собственное лицо на экране и впервые за весь допрос почувствовал не страх, а уважение к человеку, которым, возможно, был.

И сразу же испугался этого чувства. Уважение тоже могло быть частью навязанной биографии.

Орлов заметил мою реакцию. — О чём думаете? — спросил он.

— Что тот Николай звучит разумнее нынешнего, — ответил я.

— Это опасная мысль, — сказал Орлов.

— Почему?

— Потому что очень скоро вы начнёте считать его решения более легитимными, чем собственные, — ответил Орлов. — А он уже не здесь, чтобы отвечать за последствия.

Фраза ударила точнее угрозы.

Орлов убрал рисунки и достал старый аудиоплеер. — Теперь голос, — сказал он.

Из динамика прозвучала Нина.

— Николай, если ты это слушаешь, значит, ты опять не уверен, что помнишь меня правильно, — сказала Нина. — Поэтому я скажу только то, что выбираю сказать сейчас: я не хочу быть аргументом в споре о твоей личности. Я человек. Если захочешь меня увидеть — спроси меня заново.

Я закрыл глаза.

— Откуда у вас эта запись?

— Она передала её лично три года назад, — ответил Орлов.

— Вы с ней разговаривали?

— Да.

Во мне мгновенно возникла злость. Не мысль. Готовая, плотная, почти приятная уверенность, что Орлов не имел права даже находиться рядом с Ниной.

Я встал.

Левина за стеклом сразу приблизилась к микрофону. — Николай, прежде чем говорить, назовите чувство, — сказала Левина через связь.

— Злость, — ответил я.

— Возникла постепенно или мгновенно? — спросила Левина.

Я замер.

— Мгновенно.

Левина посмотрела не на меня, а на Орлова. — Поле активно? — спросила она.

Орлов не ответил сразу.

Этой паузы хватило.

— Вы включили вышку, — сказал я.

— Не вышку, — ответил Орлов. — Локальный модулятор на минимальной мощности.

— Без согласия? — спросила Левина. В её голосе впервые появилась настоящая ярость.

— Согласие на диагностический протокол было подписано Николаем ранее, — сказал Орлов.

— Три года назад другим состоянием личности, — отрезала Левина. — Сейчас это не согласие.

Орлов посмотрел на меня. — Вы хотите остановить? — спросил он.

Мне хотелось ударить его.

И именно поэтому я не ответил сразу.

— Да, — сказал я.

Свет едва заметно изменился.

Злость не исчезла, но потеряла абсолютность. Она снова стала одной из эмоций, а не единственно возможным описанием мира.

Я сел.

— Что вы сделали?

Орлов повернул планшет. На экране было несколько шкал: угроза, доверие, эмоциональная принадлежность, субъективная дистанция воспоминания. — Мы не вставили мысль, — сказал Орлов. — Мы повысили значимость уже существующей реакции. Вам стало легче принять злость за вывод.

— То есть вы заставили меня решить, что вы враг.

— Нет, — сказал Орлов. — Мы сделали один набор внутренних сигналов громче. Решение всё равно формировали вы.

— Очень удобная моральная формулировка, — сказала Левина через стекло.

Орлов посмотрел на неё. — Поэтому вы здесь. Чтобы спорить с этой формулировкой, — ответил он.

Он не оправдывался. Это было хуже. Он действительно считал спор частью системы безопасности.

— Что ещё умеет модулятор? — спросил я.

— Менять субъективную близость воспоминания. Делать вчерашнее похожим на событие двадцатилетней давности или, наоборот, возвращать детскому эпизоду ощущение настоящего. Снижать или усиливать эмоциональную принадлежность. В ограниченных пределах менять субъективный возраст, — ответил Орлов.

— Возраст?

Орлов коснулся экрана.

Мир не изменился зрительно. Но тело внезапно стало неправильным.

Стул оказался слишком высоким. Руки — слишком большими. В груди появилось знакомое подростковое раздражение, не направленное ни на кого конкретно. Я посмотрел на Орлова и ощутил его не как мужчину моего возраста, а как взрослого, который сейчас будет объяснять очевидные вещи.

— Остановите, — сказал я.

Орлов выключил воздействие.

Через несколько секунд пропорции собственного тела снова стали привычными.

Я вытер ладони о брюки. — Это хуже стирания.

— Почему? — спросил Орлов.

— Потому что после стирания человек знает, что чего-то не помнит. А здесь он уверен, что сам изменился, — ответил я.

Орлов медленно кивнул. — Именно поэтому технология закрыта, — сказал он.

— И именно поэтому вы её используете, — возразил я.

— Иногда, — ответил Орлов.

— На ком?

— На свидетелях, сотрудниках, добровольцах, противниках. На нас самих, — сказал Орлов.

За стеклом Альберт перестал улыбаться.

— На себе? — спросил я.

— Вы думаете, организация, которая умеет менять доверие, может существовать без протокола проверки собственных руководителей? — спросил Орлов.

— Я думаю, организация, которая умеет менять доверие, вообще не может доказать себе, что её протокол проверки не изменён, — ответил я.

Орлов впервые улыбнулся. — Это почти дословно аргумент, из-за которого вы когда-то вышли из проекта, — сказал он.

Я почувствовал холод.

— Я работал на Контур?

— Вы сотрудничали. Потом спорили. Потом снова сотрудничали, — ответил Орлов. — Всё зависело от того, что вы успевали вспомнить между коррекциями.

Он достал третий паспорт — пустой.

— А это кто? — спросил я.

— Мы не знаем, — ответил Орлов. — Документ найден вместе с вашими материалами. Биометрия в чипе меняется при чтении. Иногда совпадает с вами. Иногда с Анже. Иногда возвращает пустое поле.

— Невозможно.

— Это слово здесь давно перестало быть аргументом, — сказал Орлов.

Он положил рядом металлическую пластину, размером с банковскую карту. На ней было выгравировано: «22.04.2224. НЕ ОТКРЫВАТЬ КАТАЛОГ».

Я не успел спросить, откуда она.

Пальцы сами потянулись к металлу.

Левина резко сказала через связь: — Не касайтесь!

Я остановился в сантиметре.

Орлов посмотрел на неё. — Мы уже пробовали без контакта, — сказал он.

— И? — спросила Левина.

— Никакой реакции.

— Значит, это не повод повторять, — ответила Левина.

— А если я сам хочу? — спросил я.

Левина посмотрела мне в глаза через стекло. — Тогда сначала сформулируйте, зачем, — сказала она.

Я подумал.

— Потому что я хочу знать, почему сам себе оставил предупреждение.

— Это цель, — сказала Левина. — Риск вы понимаете?

— Нет полностью.

— Хороший ответ, — сказала Левина.

Я коснулся пластины.

Свет в комнате изменился.

Появился запах озона.

Орлов резко посмотрел на панель. — Модулятор выключен, — сказал он.

— Тогда что это? — спросил Альберт за стеклом.

Стена передо мной стала прозрачной.

Нет — она не исчезла. Я продолжал видеть белую поверхность. Но одновременно за ней существовало другое помещение, наполненное мягким голубым светом.

Я услышал два голоса. Левина звала меня из 2026 года. Второй голос произнёс имя, которое я не слышал раньше и всё же узнал.

— Илан, не вставай резко, — сказал мужчина.

Белая комната осталась перед глазами.

И одновременно я открыл глаза в 2224 году.

Глава 17

2224

Переход не был похож на падение. Я не летел сквозь туннель, не терял сознание и не просыпался в другом месте. Самым страшным было именно отсутствие перехода. Комната Контура продолжала существовать, но перестала быть единственной.

Я лежал внутри прозрачной камеры. Её крышка разошлась в стороны без звука. Тёплый воздух коснулся кожи. Тело поднялось слишком легко, как будто земная привычка к весу была всего лишь старой настройкой.

Под кожей рук проходили тонкие серебристые линии. Они не лежали на поверхности, как татуировка. Они двигались вместе с мышцами и иногда становились ярче, реагируя на пульс.

Мужчина рядом сделал шаг назад. Он был лет сорока, худой, с короткими седыми волосами и странно спокойным лицом человека, который много раз видел невозможное и устал впечатляться.

— Илан, не вставай резко, — предупредил мужчина.

Имя пришло позже другого знания.

— Лео, — сказал я.

Мужчина побледнел. — Ты вспомнил имя, — сказал Лео.

— Я не помню, откуда его знаю.

— Этого достаточно для начала, — ответил Лео.

Где-то далеко Левина звала меня из 2026 года: — Николай, назовите место, — требовала Левина.

— Контур, комната допроса, — ответил я ей.

Одновременно я посмотрел на Лео. — Камера восстановления, сектор семь, — сказал я. Лео не удивился двум ответам. — Сколько точек сейчас держишь?

— Две, — ответил я.

— Не пытайся их объединить, — сказал Лео. — Пока просто удерживай различие.

Он показал на зеркало.

Лицо было незнакомым. Молодое, слишком симметричное, с металлическим отблеском в радужке. На коже не было ни одного шрама. Я коснулся щеки и почувствовал её своей настолько естественно, что это испугало сильнее чужого лица.

— Это тело настоящее? — спросил я.

— Смотря что ты называешь настоящим, — ответил Лео.

— Не начинай.

Лео впервые улыбнулся. — Значит, часть тебя точно вернулась.

Я спустил ноги на пол. Ступни ощутили поверхность, но давление было слабее ожидаемого. Я встал. Тело само выровняло баланс быстрее, чем я успел напрячь мышцы.

— Гравитация ниже? — спросил я.

— Локально регулируется, — ответил Лео. — Но сейчас дело не в ней. Твоё тело компенсирует нагрузку.

— Моё тело или система?

— Это всё ещё вопрос, над которым мы спорим, — сказал Лео.

За прозрачной стеной камеры город уходил вверх и вниз одновременно. Башни соединялись мостами на разных уровнях. По части мостов шли люди. Другие перемещались в воздухе без видимых аппаратов — не как супергерои, а как пассажиры, привыкшие к технологии и раздражённые задержками.

Вдали поднимались многоэтажные зелёные секции. Настоящие деревья росли внутри стеклянных объёмов, отделённых от основной атмосферы. Их было так мало, что зелень воспринималась не как фон, а как драгоценность.

— Ты уже был здесь, — сказал Лео. — Много раз.

— Как меня зовут здесь?

Лео задумался. — У этого носителя нет имени, которым ты пользовался долго. В документах индекс К-44. Но однажды ты назвал себя Иланом. Мы оставили.

— Почему я?

— Потому что ты сказал, что человеку нужен звук, на который он может обернуться, — ответил Лео.

Я посмотрел на руки. — Человек?

— Юридически — да, — сказал Лео.

— А биологически?

Лео не ответил сразу. — Достаточно, чтобы этот вопрос перестал иметь простой смысл, — сказал он.

В памяти открылся фрагмент. Железная оболочка росла вокруг тела слой за слоем. Не броня, надеваемая сверху, а продолжение нервной системы. Я сгибал пальцы — огромная металлическая кисть повторяла движение без задержки. Потом оболочка растворялась обратно в тонкие пластины под кожей.

Я поднял руку.

Серебряные линии вспыхнули.

Кожа на предплечье разошлась без крови. Из неё вырос тонкий тёмный сегмент, раскрылся веером и превратился в жёсткую пластину.

Я отшатнулся.

— Спокойно, — сказал Лео. — Ты вызвал защитный слой.

— Я ничего не вызывал.

— Подумал о нём, — ответил Лео. — Для этого тела разницы почти нет.

Пластина втянулась обратно.

Из 2026 года донёсся голос Орлова: — Частота растёт. Готовьте отключение.

— Не отключайте его резко! — сказала Левина.

Лео посмотрел куда-то мимо меня. — Они всё ещё пытаются выдернуть тебя? — спросил он.

— Ты их слышишь?

— Нет. Я вижу, как меняется канал, — ответил Лео.

Он подошёл к стене и провёл ладонью. Прозрачная поверхность превратилась в карту моего тела. Несколько областей светились красным.

— Текущая биография пытается вернуть доминирование, — сказал Лео.

— Какая текущая?

— Для тебя — Николай. Для этого носителя — Илан. Для системы вопрос поставлен неправильно, — ответил Лео.

— Ненавижу будущее.

— Ты говорил это каждый раз, — сказал Лео.

Он протянул мне одежду — чёрную, лёгкую, почти без швов. Материал сам подстроился под тело.

— Пойдём, — сказал Лео. — Пока канал держится.

— Куда?

— Ты хотел увидеть город до того, как снова забудешь, — ответил Лео.

Дверь камеры открылась в длинную галерею. Люди проходили мимо и почти не обращали на нас внимания. Одни выглядели привычно. У других кожа имела металлический блеск,

необычные пропорции или глаза, которые явно не были биологическими. Я увидел мужчину с женским лицом на одном информационном экране и тем же человеком через несколько секунд — уже в другом телесном профиле.

— Морфология? — спросил я.

— Теперь бытовая, — ответил Лео. — Пол, возрастной профиль, рост, часть внешности. Не мгновенно и не без ограничений. Но достаточно, чтобы двадцать первый век показался нам очень привязанным к оболочке.

Я вспомнил невозможные фрагменты: превращение в женщину, ощущение другого тела как своего, полную естественность там, где нынешний разум ожидал шока.

— Если можно менять всё это, что остаётся человеком? — спросил я.

— Ты именно с этого вопроса всё испортил в прошлый раз, — сказал Лео.

Я остановился. — Что я сделал?

— Дошёл до ответа раньше, чем научился сомневаться в нём, — сказал Лео.

Он не стал объяснять дальше.

Мы вышли на открытую платформу.

Ветер ударил в лицо. Город лежал внизу, но привычного горизонта почти не было — башни продолжались далеко, а часть районов находилась на гигантских искусственных платформах над водой. В небе двигались светящиеся трассы.

Лео шагнул за край.

Я схватил его за рукав.

Он завис в воздухе метрах в двух от платформы.

— Ты серьёзно? — спросил я.

— Ты умеешь, — ответил Лео.

— В моей голове человек не умеет летать.

— Поэтому не начинай с мысли «лететь». Начни с мысли «не падать», — сказал Лео.

Это прозвучало достаточно глупо, чтобы сработать.

Я сделал шаг за край.

Тело мгновенно ожидало падения. Желудок сжался. Но вниз я не пошёл. Под подошвами возникло слабое давление, словно невидимая поверхность поддержала меня.

— Не смотри вниз, — сказал Лео.

— Все всегда говорят это именно тогда, когда человек обязан посмотреть вниз, — ответил я.

Я посмотрел.

Несколько сотен метров пустоты.

Тело дёрнулось, и я начал падать.

— Илан! — крикнул Лео.

Я подумал не о полёте. Остановиться.

Падение прекратилось почти сразу.

Я завис между уровнями города, тяжело дыша, хотя тело явно не нуждалось в таком количестве воздуха.

В 2026 году Альберт кричал: — Николай, если слышишь — назови Нину!

Имя ударило по сознанию.

Нина.

Кухня.

Её голова на моей груди.

Её фраза: «Чего ты хочешь сейчас?»

Илан качнулся в воздухе.

Лео подлетел ближе. — Не используй человека как страховочный трос, — сказал он.

Я посмотрел на него. — Откуда ты знаешь?

— Потому что ты сам оставил это правило, — ответил Лео.

— Здесь?

— Во многих местах, — сказал Лео.

Мы вернулись на платформу.

Я чувствовал злость на самого себя из прошлого. Он повсюду оставлял инструкции, будто считал будущие версии себя ненадёжными детьми.

— Покажи, что я хотел увидеть.

Лео повёл меня в низкое здание между башнями. Внутри находились камеры, похожие на ту, из которой я вышел. В некоторых лежали люди. В других — тела, которые я не мог уверенно назвать человеческими.

— Сон? — спросил я.

— Восстановление, хранение, переход между морфологическими профилями, — ответил Лео. — Раньше вы называли это камерами сна, и название осталось.

Возле одной камеры меня накрыло памятью.

Отец.

Больничная палата.

Он смотрит на меня и не узнаёт.

Я молодой, злой и почему-то способен подняться в воздух, но ничего не могу сделать с человеком, которого люблю.

Следом — автосервис. Мужчина по имени Гога смеётся, вытирая руки о тряпку. Запах масла. Старая машина. Потом Америка. Космический порт. Тюрьма. Толстый профессор, который спорит со своей женой. Красная планета. Лео один среди пустых построек.

Фрагменты шли слишком быстро.

— Останови, — сказал я.

— Это не я, — ответил Лео.

Я схватился за стену.

Каждый образ сопровождался полной биографией, которая на секунду пыталась объявить себя моей. Я был сыном, заключённым, пилотом, женщиной, машиной, человеком без имени. Иногда одновременно.

— Я схожу с ума, — сказал я.

— Это одна из рабочих гипотез, — спокойно ответил Лео. — Никогда её не исключай.

Он открыл небольшой сейф.

Внутри лежала тонкая пластина.

Я узнал её.

Та же самая пластина находилась под моей рукой в 2026 году.

На ней было выгравировано: «22.04.2224. НЕ ОТКРЫВАТЬ КАТАЛОГ».

— Кто написал? — спросил я.

— Ты, — ответил Лео.

— Когда?

— После того как открыл, — сказал Лео.

Я посмотрел на него. — Что такое Каталог?

Лео не ответил.

— Лео.

— Место, где самая опасная мысль звучит как самая простая, — сказал он.

— Какая?

— «Если я могу прожить любую жизнь, значит, все они в каком-то смысле мои», — ответил Лео.

В груди стало холодно.

Я вспомнил страх Альберта на заправке: однажды ты решишь, будто видишь картину целиком, и перестанешь считать остальных отдельными людьми.

— Что я сделал после Каталога?

Лео подошёл ближе. — Сначала ничего плохого, — сказал он. — В этом и проблема. Ты помогал. Возвращал людям доступ к памяти. Убирал травматические блокировки. Давал увидеть умерших близких через их Записи. Потом решил, что если граница между людьми технически проницаема, то она, возможно, вообще не нужна.

— И?

— И мы потеряли несколько городов прежде, чем поняли: отсутствие границы — не единство. Иногда это просто уничтожение различия, — ответил Лео.

Из 2026 года донёсся крик Орлова: — Канал расширяется! Отключайте!

Лео посмотрел вверх, хотя потолок был непрозрачным. — Поздно, — сказал он.

— Что поздно?

— Они нашли канал, — ответил Лео.

В лаборатории Контур погас свет.

В 2224 году одновременно погасли окна нескольких башен.

Система на стене вывела предупреждение: «ВНЕШНЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ ОБНАРУЖЕНО».

— Кто? — спросил я.

Лео посмотрел на меня. — Не Контур, — ответил он.

— Тогда кто?

На стене появилась чёрная точка.

Совершенно чёрная, будто экран в этом месте перестал существовать.

Лео отступил.

— Ты говорил, что если она появится раньше Каталога, мы должны тебя разбудить.

— Я и так не сплю.

— Не здесь, — ответил Лео.

Чёрная точка увеличилась.

А затем 2224 год исчез.

Глава 18

Киллер

Максим Воронцов проснулся от того, что правая рука искала оружие под подушкой. Оружия там не было. Только телефон, смятая упаковка таблеток и старая фотография двух младших братьев.

Он лежал неподвижно, пока сердце не перестало бить как после бега. За окном начинался серый московский рассвет. В соседнем доме кто-то включил воду. Лифт прошёл два этажа вниз. Машина во дворе завелась со второй попытки. Максим автоматически разложил звуки по источникам и только потом напомнил себе, что находится дома.

До войны он был актёром.

Не знаменитым, но узнаваемым достаточно, чтобы официанты иногда шурились и спрашивали: «А вы случайно не снимались?..» Он играл полицейских, молодых офицеров, одного врача и однажды — мужчину, который погибал три раза за сериал. Максим умел падать по команде, изображать страх, рыдать в крупном плане и повторять сцену, пока режиссёр не скажет «есть».

После войны настоящие звуки стали сильнее сценария.

Хлопок двери мог вернуть его в разрушенный подъезд быстрее любой памяти. Запах мокрого бетона выключал разговор. Незнакомец, стоящий слишком близко за спиной, превращал магазин в место, где нужно считать выходы.

Он вернулся к съёмкам через четыре месяца и продержался две недели.

В первой же сцене пиротехник взорвал учебный заряд без предупреждения. Максим оказался на полу раньше остальных, сжимая в руке пластиковый реквизитный пистолет так, что треснула рукоять. Режиссёр пытался пошутить. Максим ушёл со съёмочной площадки и больше не вернулся.

По воскресеньям он ездил к братьям.

Артём был младше на одиннадцать лет и до сих пор смотрел на Максима так, как смотрят на героя фильма, даже когда герой пах перегаром и не спал двое суток. Дима был младше на семь. После аварии передвигался в инвалидном кресле и считал Максима идиотом — поэтому оставался единственным человеком, которому тот иногда говорил правду.

— Ты опять на таблетках? — спросил Дима, когда Максим пришёл на кухню.

— По назначению врача, — ответил Максим.

— Врач назначал две, а не горсть, — сказал Дима.

Максим открыл холодильник. — У тебя есть еда?

— Есть. Но ты сейчас сменил тему, — ответил Дима.

— Значит, мозг ещё работает.

— У меня-то да, — сказал Дима.

Артём засмеялся из комнаты. — Дима, не начинай с утра, — крикнул Артём.

— Он у нас герой. Героям можно травиться красиво, — ответил Дима.

Максим закрыл холодильник сильнее, чем хотел.

Братья замолчали.

Он сразу пожалел.

— Простите, — сказал Максим.

Дима посмотрел на него. — Мне не нужно «простите». Мне нужно, чтобы ты один раз пришёл и не выглядел так, будто через час исчезнешь.

Максим сел напротив.

— Сегодня не исчезну, — сказал он.

Это была ложь. Телефон уже лежал в кармане с включённым беззвучным режимом.

Слово «таблетки» неизбежно вытаскивало другое имя.

Лера.

С Лерой Максим познакомился после войны, на съёмочной площадке, куда пришёл играть человека, пережившего войну. Она работала художником по костюмам и в первый же день сказала, что у него слишком красивое лицо для роли человека, который ничего не чувствует.

— Это претензия ко мне или к кастинг-директору? — спросил Максим.

— К природе, — ответила Лера. — Она опять переборщила с декорациями.

Максим рассмеялся впервые за несколько недель.

Через месяц Лера уже знала, какие звуки нельзя включать неожиданно, почему он всегда садится лицом к двери и почему иногда просыпается, не узнавая комнату. Она не пыталась его чинить. Именно поэтому он позволял ей оставаться.

Их последняя ночь начиналась как самая обычная.

Лера сидела на краю кровати в его футболке и сушила волосы полотенцем. За окном шёл дождь, и свет от рекламы ползал по потолку красными полосами. На тумбочке стояли два бокала вина. Один Максим почти не тронул.

Он подошёл сзади и обнял её за талию. Лера сразу накрыла его руки своими.

— Ты сегодня здесь? — спросила Лера.

— В каком смысле? — спросил Максим, хотя понял.

Лера повернулась. Она провела большим пальцем по его щеке. — В прямом. Не в подъезде. Не на позиции. Не в голове у человека, которого ты не спас. Здесь. Со мной.

Максим посмотрел ей в глаза. — Здесь, — ответил он.

— Проверю, — сказала Лера.

Она поцеловала его первой.

Максим привык к физическому контакту как к угрозе или работе. На съёмках партнёры хватали его по сценарию. На войне чужие руки удерживали рану, вытаскивали из-под обломков, проверяли пульс. С Лерой прикосновение впервые за долгое время ничего от него не требовало.

Он поцеловал её медленнее, чем хотел. Лера улыбнулась прямо у его губ и прошептала: — Опять всё контролируешь.

— Профессиональная деформация, — ответил Максим.

— У актёров?

— У идиотов, — сказал Максим.

Лера тихо рассмеялась.

Она стянула с него футболку и задержала пальцы на шраме под рёбрами. Не спросила, откуда он. Максим любил её особенно за вопросы, которые она сознательно не задавала.

Он провёл ладонью по её спине, почувствовал тепло кожи и на секунду поймал себя на том, что не слушает лестничную площадку. Не считает шаги в подъезде. Не оценивает расстояние до двери.

Они легли.

Близость была не вспышкой, а постепенным возвращением в собственное тело. Дыхание Леры у его лица. Её пальцы в волосах. Тепло бедра рядом. Короткие паузы, когда один из них смотрел на другого, проверяя не опасность, а желание продолжать. Максим несколько раз спрашивал, всё ли в порядке, и Лера в конце концов рассмеялась.

— Если ещё раз спросишь, я дам тебе письменное разрешение с печатью, — сказала Лера.

— Я люблю документы, — ответил Максим.

— Врёшь. Ты даже квитанции выбрасываешь, — сказала Лера.

Он поцеловал её вместо ответа.

Позже Лера лежала рядом, положив ладонь ему на грудь. Максим чувствовал редкую тяжесть покоя — ту самую, которой после войны почти не было.

— Останешься? — спросила Лера.

— Я у себя дома, — ответил Максим.

— Я не про квартиру, — сказала Лера.

Он понял, но не успел ответить.

Первые признаки приступа оказались почти незаметными. Короткое онемение пальцев. Свет в комнате будто стал ярче. Потом мышцу шеи свело так резко, что Максим попытался сесть.

Лера сразу поднялась. — Максим? — спросила она.

— Отойди, — сказал Максим.

Она не успела.

Дальше память шла кусками.

Вспышка боли.

Потеря контроля над телом.

Лера произносит его имя.

Глухой удар.

Потом тишина.

Когда Максим пришёл в себя, он лежал на полу возле кровати. Во рту была кровь — он прокусил щёку. Лера лежала рядом неподвижно.

Он не помнил, как именно она упала.

Это незнание стало центром всей дальнейшей жизни.

Врачи говорили о приступе. Следователь задавал вопросы о синяках. Один эксперт утверждал, что травма могла возникнуть при падении. Другой — что характер повреждений не исключает внешнего воздействия.

Максим сам не мог сказать, что сделал его организм за тридцать секунд, которых он не помнил.

Виктор Андреевич появился через два дня.

Не в участке. Не в больнице. В пустом коридоре суда, куда Максима привезли на очередной разговор.

Виктор был дорогим человеком без демонстративной дороговизны. Серое пальто, простые часы, спокойный голос. Он сел рядом, не представившись.

— Вы её любили?

Максим повернулся к нему. — Вы кто?

— Человек, который может сделать так, чтобы вопрос следствия звучал не «убили ли вы её», а «что произошло во время медицинского приступа», — ответил Виктор.

— И сколько это стоит?

— Сначала ничего, — сказал Виктор.

Максим усмехнулся. — Значит, очень дорого.

Виктор посмотрел прямо перед собой. — Однажды мне понадобится человек, который умеет входить в помещение, находить цель и не задавать лишних вопросов, — сказал он.

— Вы ошиблись адресом.

— Нет, — ответил Виктор. — Я как раз рассчитываю, что вы зададите вопросы. Просто выполните работу до того, как получите ответы.

Максим встал. — Идите к чёрту, — сказал он.

— Хорошо, — ответил Виктор. — Но сначала прочитайте медицинское заключение, которое завтра ляжет на стол следователю.

Он оставил папку на скамье и ушёл.

Максим открыл её через десять минут.

В заключении появилась информация, которой раньше не было: неврологический эпизод, потеря контроля, лекарственное взаимодействие. Всё было правдой. Или могло быть правдой. Именно это делало помощь Виктора неотличимой от манипуляции.

Следствие изменило направление.

Через месяц Максима не обвиняли.

Через два дня Виктор попросил первую услугу.

Не убийство.

Нужно было забрать флешку из квартиры человека, который не должен был заметить проникновения.

Вторая услуга была сложнее.

Третья — уже с оружием.

Максим постепенно перестал спрашивать, где именно проходит граница, после которой долг превращается в профессию.

Дима видел изменения раньше остальных.

— Ты стал похож на человека, который всё время репетирует собственную жизнь, — сказал он однажды.

— Что это значит?

— Что ты заранее выбираешь выражение лица, прежде чем зайти в комнату, — ответил Дима.

Максим тогда рассмеялся.

Теперь, сидя на кухне братьев, он вспомнил эту фразу и понял, что Дима был прав.

Телефон в кармане завибрировал.

На экране: «В.А.».

Дима заметил. — Не бери.

— Почему?

— Потому что ты обещал сегодня не исчезать, — ответил Дима.

Максим посмотрел на брата.

Телефон продолжал вибрировать.

— Это работа, — сказал Максим.

— Именно, — ответил Дима.

Максим всё же вышел в коридор и ответил.

— Слушаю.

— Новый объект, — сообщил Виктор. — Николай. Субъект 04.

— Устранить? — спросил Максим.

— Нет, — ответил Виктор. — Найти и ждать перехода.

— Какого перехода?

— Если он назовёт себя Анже, не подходи один, — сказал Виктор.

Максим прислонился к стене. — Почему?

— Потому что вас может стать двое, — ответил Виктор.

— Это что вообще означает?

— Если бы я мог объяснить это по телефону, мне не понадобился бы ты, — сказал Виктор.

Связь оборвалась.

Через несколько секунд пришёл зашифрованный файл.

На первой фотографии Николай находился под водой возле технологической трубы. На второй — выходил из здания в Петербурге. На третьей сидел в машине рядом с Альбертом.

Максим открыл видео с «Северного-4».

Сварочная дуга вспыхивала под водой.

И внезапно металлический вкус заполнил рот Максима.
Он почувствовал холод через чужой костюм.
Увидел трубу не на экране, а перед собой.
Голос в гарнитуре сказал: — Не заканчивай шов.
Максим выронил телефон.
Из комнаты вышел Дима. — Что? — спросил он.
Максим поднял телефон с пола. — Ничего.
— У тебя лицо не «ничего», — сказал Дима.
На ноутбуке открылось автоматическое сравнение биометрических сигнатур.
«04 / ВОРОНЦОВ — ПЕРЕКРЫТИЕ 31%».
Максим долго смотрел на число.
— Что такое тридцать один процент? — спросил Дима из дверного проёма.
Максим захлопнул ноутбук. — Рабочая ерунда.
— Ты опять врёшь слишком быстро, — сказал Дима.
Максим посмотрел на брата.
Он почти рассказал.
Про чужое дыхание под водой. Про голос. Про чувство, будто несколько секунд его тело находилось в другом месте.
Но привычка жить так, чтобы близкие знали как можно меньше, победила.
— Сегодня не приеду вечером, — сказал Максим.
Дима горько усмехнулся. — Ты уже здесь, Максим.
Максим понял смысл не сразу.
— Я про завтра, — сказал он.
— А я про сейчас, — ответил Дима. — Ты опять уже ушёл.
Максим вернулся в квартиру через час.
Открыл сейф.
Пистолет лежал рядом со старым театральным пропуском и фотографией Леры, которую он каждый раз собирался убрать и каждый раз оставлял.
Он взял фотографию.
На ней Лера смеялась, прищурившись от солнца.
— Я здесь, — сказал Максим вслух.
Фраза прозвучала глупо в пустой комнате.
Он повторил: — Я здесь.
Потом положил фотографию обратно, взял пистолет и вышел.
В лифте телефон показал новый файл от Виктора.
Одна строка:
«ЦЕЛЬ НЕ УСТРАНЯТЬ. ДОЖДАТЬСЯ ПЕРЕХОДА. ЕСЛИ 04 УМРЁТ — ОПЕРАЦИЯ НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ».
Максим перечитал дважды.
Двери лифта открылись.
В зеркале напротив он на секунду увидел не своё лицо.
Чужой мужчина смотрел на него из отражения и двигал губами без звука.
Максим приблизился.
Отражение снова стало обычным.
На стекле остался след от его дыхания.
А в голове — незнакомая фраза:
«Не заканчивай шов».

Глава 19

Особняк

В 2026 год я вернулся с криком Орлова в ушах.

Сначала я ничего не видел. Только чувствовал холод белого пола под ладонями и собственное дыхание — слишком быстрое, обрывочное, настоящее. Потом проступили потолочные панели, стекло наблюдательной комнаты и лица за ним. Левина была прижата ладонью к стеклу. Альберт что-то кричал оператору. Орлов уже снимал блокировку с двери.

Чёрная точка исчезла вместе с 2224 годом, но ощущение чужого взгляда осталось. Не мысль. Скорее инстинкт человека, который вошёл в пустую квартиру и понял, что там кто-то был секунду назад.

Дверь распахнулась.

— Николай, не вставайте резко, — сказала Левина.

Я всё равно поднялся. Пол качнулся.

Альберт успел подхватить меня под локоть. — Какой год?

— Две тысячи двадцать шестой, — ответил я.

— Имя? — спросила Левина.

— Сегодня Николай, — сказал я.

Левина кивнула. Орлов — нет. Он смотрел на панель.

— Канал не закрылся, — сказал Орлов.

— Я здесь, — ответил я.

— Вы здесь биографически, — сказал Орлов. — Это не то же самое.

На экране одна за другой вспыхивали ошибки: «СИГНАТУРА 04: НЕСТАБИЛЬНА», «КАНАЛ: МНОЖЕСТВЕННЫЙ», «ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ИСТОЧНИК НЕ ОПРЕДЕЛЁН».

Левина подошла к панели. — Модулятор выключен физически?

Оператор показал на аварийный рубильник. — Питание снято, — ответил оператор.

— Тогда почему продолжает меняться карта активности? — спросила Левина.

Орлов посмотрел на меня. — Потому что поле уже не нужно.

Альберт усмехнулся без улыбки. — Это прозвучало ровно так плохо, как вы хотели?

По коридору прошёл низкий сигнал тревоги. Красная полоса над дверью загорелась.

— Что ещё? — спросил Альберт.

Оператор побледнел. — Внешний контур здания переведён в режим локализации, — сказал оператор.

— Кем? — спросил Орлов.

— Не нами.

В ту же секунду в голове возникла ясная, спокойная уверенность: северный коридор опасен. Не мысль. Не подозрение. Знание. Я будто много раз проходил по этой планировке. За северной дверью — вооружённая группа. Южный коридор пуст. Южный ведёт к выходу. Южный — правильный.

Альберт посмотрел на меня. — Север.

— Что? — спросил я.

— До входа в лабораторию мы договорились, — ответил Альберт. — Если после сигнала внезапно меняется страх, доверие или желание — следуем решению, принятому до сигнала. Северный коридор.

Я вспомнил. До 2224. До чёрной точки. Мы действительно обсуждали выход.

— Сейчас север кажется мне смертельным.

— Факт или чувство? — спросила Левина.

— Чувство.

— Тогда север, — сказала Левина.

Это было нелепо. Каждая клетка тела требовала идти в другую сторону.

Орлов подошёл к северной двери. — Я останусь здесь.

Альберт повернулся. — Очень удобно.

— Если система принадлежит Контру, я ещё могу задержать тех, кто её запустил, — ответил Орлов.

— А если не принадлежит? — спросила Левина.

Орлов посмотрел на красный индикатор. — Тогда я хочу узнать это раньше вас.

Мы втроём вошли в северный коридор.

После трёх шагов страх усилился. Я начал потеть. Кожа между лопатками похолодела. Двери казались ловушками, камеры — оружием, каждый поворот — местом, где нас ждут.

— Я хочу назад, — сказал я.

— Знаю, — ответил Альберт.

— Откуда?

— У тебя меняется походка, когда хочешь уйти, но пытаешься сделать вид, что всё нормально, — сказал Альберт.

И вдруг я понял, что он опасен. Не мог быть опасен. Был. Его шутки всегда были способом отвлечь. Его забота — способом контролировать. Он знал о стираниях, о Нине, о Контуре. Он вёл меня сюда.

Я остановился. Альберт тоже.

— Что теперь? — спросил Альберт.

— Сейчас я абсолютно уверен, что ты хочешь меня сдать, — сказал я.

Лицо Альберта не изменилось. — Факт или чувство? — спросил Альберт.

— Чувство.

— Тогда продолжай ненавидеть меня и иди на север, — сказал Альберт.

Левина шла рядом. — Николай, назовите три вещи, которые вы знали об Альберте до включения сигнала.

Я заставил себя думать. — Он пришёл на «Северный-4» раньше людей Контра.

— Ещё.

— Он оставался рядом во время стираний.

— Это может работать в обе стороны, — заметил Альберт.

— Замолчи, — сказал я.

— Вот теперь узнаю тебя, — ответил Альберт.

— Третье, — напомнила Левина.

— Когда я спросил, боится ли он меня, он сказал «да», — произнёс я.

— Держитесь фактов, выбранных до воздействия, — сказала Левина.

Внизу старая служебная лестница вывела нас в часть здания, которую ремонт не смог полностью стереть. Под белыми панелями будущего прятался дореволюционный особняк: тяжёлая каменная кладка, высокие окна, лестницы для прислуги, узкие переходы между корпусами.

Камень успокаивал. Камень был просто камнем.

Мы вошли в длинную галерею. За окнами шёл дождь. В стекле отражались люстры, которых давно не было.

И тут коридор изменился.

Я увидел другой особняк. Ночь. Две женщины. Отец, который нанял людей убить собственных дочерей. Кто-то прятался под кроватью и пытался не дышать. Пыль забивалась в нос. Над головой проходили тяжёлые ботинки.

В следующую секунду я уже бежал по коридору в другом теле. Видел кровь, слышал крик, прыгал через перила, выбегал к мотоциклу. Сцена меняла «он» на «я» без предупреждения.

Я ударился плечом о стену настоящего коридора.

— Николай! — сказала Левина.

— Особняк, — выдохнул я. — Я там умер. Или не я.

В конце галереи появился человек.

Максим.

Он стоял возле служебной двери, держа пистолет двумя руками. Тёмная куртка промокла на плечах. Лицо казалось спокойным. Но после пережитого в его памяти я уже знал, насколько плохо он умеет быть спокойным.

Альберт встал между нами. — Опустит оружие.

— Я не за тобой, — ответил Максим.

— Это должно было успокоить? — спросил Альберт.

Максим смотрел на меня. — Виктор приказал дожидаться перехода.

— Какого перехода? — спросила Левина.

Максим не ответил. Его большой палец на секунду коснулся указательного.

Я узнал жест. Такой же был на фотографии субъекта 04 из 2004 года.

— Откуда у тебя этот жест?

Максим посмотрел на собственную руку. — Всю жизнь так делаю.

Где-то наверху ударила дверь. Система объявила: «СЕКТОР С-3. ЛОКАЛИЗАЦИЯ».

Максим открыл служебную дверь. — Если хотите выйти, сейчас.

— Почему ты нам помогаешь? — спросила Левина.

— Я ещё не решил, помогаю ли, — ответил Максим.

Мы выбежали во внутренний двор. Дождь бил по камню. С противоположной стороны вспыхнули фары.

Максим резко толкнул меня за колонну.

Наши ладони соприкоснулись.

Мир раскололся.

Особняк вернулся целиком.

Я был мужчиной, который приехал в богатый дом с двумя женщинами. Был одной из женщин, лежавшей под кроватью. Был охранником у ворот. Был человеком на мотоцикле.

И одновременно — Максимом.

Я почувствовал его тело: шрам под ребром, тяжесть таблетки в крови, память о Лере. Её тёплое плечо под его ладонью. Её голос: «Ты сегодня здесь?» Потом удар. Мёртвое тело возле кровати. Вина.

Я отдернул руку. Максим отшатнулся так же резко. Пистолет упал на камень.

— Лера.

Максим побледнел. — Не произноси её имя.

— Я не хотел.

— Откуда ты знаешь?

— Я был там.

Максим шагнул ко мне. Альберт поднял руку между нами.

— Стойте оба, — сказал Альберт.

Максим смотрел только на меня. — Особняк.

Я кивнул.

— Ты тоже видел? — спросил Максим.

— Да.

— Там был другой человек.

— Знаю.

— Тогда какого чёрта мы оба помним это изнутри? — спросил Максим.

Левина приблизилась осторожно. — Никто сейчас не отвечает на этот вопрос, — сказала Левина. — Сначала отделяем общее содержимое от интерпретации.

Максим рассмеялся один раз, жёстко. — Вы всегда так говорите после того, как двое людей одновременно вспоминают убийство, которого никто из них не совершал?

— Если хочу, чтобы они не приняли первое объяснение за истину, — ответила Левина.

Телефон Максима завибрировал. Он посмотрел на экран и выругался.

— Что? — спросил я.

Максим показал файл: «ПРОЕКТ ВОЗВРАТ». «Цель: индуцировать контролируемую клиническую смерть, фиксировать смещение сигнатуры, возвращать носитель».

Ниже красным: «УБИВАТЬ НАБЛЮДАТЕЛЯ БЕССМЫСЛЕННО. НУЖНО НАУЧИТЬСЯ ВЫБИРАТЬ, КЕМ ОН ПРОСНЁТСЯ».

— Они хотят не меня убить, — сказал я.

— Нет, — ответила Левина. — Они хотят превратить переход в управляемый процесс.

Альберт смотрел на Максима. — А тебя зачем послали?

Максим провёл пальцем по экрану. Следующая строка: «ЦЕЛЬ 04 НЕ УСТРАНЯТЬ. ДОЖДАТЬСЯ СМЕНЫ ЯКОРЯ. ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ “АНЖЕ” — НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ ОДНОМУ».

— Почему Анже? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Максим.

— Врёшь, — сказал Альберт.

— Знаю только, что Виктор считает эту биографию устойчивой после клинической смерти, — сказал Максим. — И что рядом с Анже иногда появляется второй субъект. Женщина.

Я вспомнил серьёзный взгляд женщины, возникавшей рядом с французской жизнью.

Сверху раздалась очередь тяжёлых шагов.

Максим открыл ворота. — Решайте сейчас, — сказал Максим. — Либо идёте со мной, либо возвращаетесь к тем, кто уже меняет вам чувство опасности.

— Что мы решили до сигнала? — спросил я.

Альберт понял. — Не ехать ни с кем, кто предлагает единственный выход.

Максим выругался. — Тогда у вас секунд тридцать, чтобы придумать второй.

Левина посмотрела вверх. — Крыша.

Мы поднялись по старой пожарной лестнице. Дождь хлестал в лицо. Под нами во дворе уже появились люди в бронежилетах.

Никто не стрелял. Это было хуже. Они хотели меня живым.

На середине мостика я услышал голос Нины.

Не из динамика. Внутри.

«Николай, остановись».

Она стояла у дальнего конца мостика — без куртки, в знакомой серой рубашке. Та самая Нина, которую я помнил ночью на кухне.

— Нина? — сказал я.

Альберт схватил меня за плечо. — Там никого нет.

Я видел её. Она плакала.

— Не уходи, — сказала Нина.

Я сделал шаг.

Левина встала передо мной. — Николай, это может быть воспоминание, стимул или навешенный образ. Не спорьте с ним. Назовите решение, принятое до его появления.

— Перейти мост, — ответил я.

— Тогда идём.

Я прошёл сквозь Нину. На мгновение почувствовал запах её волос. Это было настолько реально, что меня затошнило.

В гараже соседнего корпуса нас уже ждал Орлов. Без оружия. Один.

— Николай, коррекция уже началась, — сказал Орлов. — Если сейчас не стабилизировать вас, вы можете потерять текущую биографию неконтролируемо.

Альберт сделал шаг вперёд. — Вы только что преследовали нас по крыше.

— Не я, — ответил Орлов.

— Очень удобная ночь для разделения ответственности, — сказал Альберт.

Орлов смотрел на меня. — Через несколько минут имя «Николай» может перестать ощущаться вашим. Это не угроза. Это уже происходит.

Я хотел ответить.

Но внезапно слово «Николай» действительно прозвучало странно.

Не ложным.

Далёким.

Как имя человека, которого я когда-то знал.

Орлов протянул руку. — Если вы сейчас уйдёте, никто не знает, где проснётесь.

Я посмотрел на Альберта. Я всё ещё ему не доверял, но помнил, что решил доверять фактам, выбранным до сигнала.

— Если я пойду с ним?

Альберт ответил не сразу. — Тогда хотя бы будем рядом, когда они попытаются выбрать тебя.

Орлов не стал спорить с формулировкой.

Это испугало сильнее всего.

Глава 20

Стирание

Нас не связали. Контур предпочитал другое.

Светлая медицинская комната, мягкие кресла, вода в стеклянных бутылках, никаких людей с оружием в поле зрения. Всё было устроено так, чтобы человек сам сел туда, куда ему укажут.

Максима отделили от нас у входа.

— Куда его? — спросил я.

— В соседний блок, — ответил Орлов. — Его присутствие повышает резонанс.

— С каких пор вы заботитесь о резонансе? — спросила Левина.

— С тех пор, как поняли, что это не метафора, — ответил Орлов.

Альберт остался рядом со мной. Левина тоже. Орлову это явно не нравилось, но он не спорил.

На стене загорелся экран.

«НИКОЛАЙ».

«АНЖЕ».

«ПУСТОЙ ЯКОРЬ».

Я смотрел на слова и почти ничего не чувствовал. Именно это было неправильным.

— Объясните каждое, — сказала Левина.

Орлов кивнул. — «Николай» — усиление текущей биографии: семья, профессиональная история, Петербург, устойчивые эмоциональные связи. «Анже» — альтернативный якорь, который уже проявлялся как относительно полный. «Пустой» — минимум личной принадлежности при сохранении навыков и фактической памяти.

— То есть человек будет знать, что у него есть мать, но может перестать чувствовать, что она его мать? — спросила Левина.

— Временно, — ответил Орлов.

— Вы всё называете временным до тех пор, пока последствия не становятся постоянными, — сказала Левина.

Орлов выдержал её взгляд. — Вы предлагаете оставить его в состоянии, где он может проснуться Ланским, Ведениным, Иланом или кем-то, кого мы ещё не знаем?

— Я предлагаю не путать отсутствие контроля с правом контролировать, — ответила Левина.

— Красиво, — сказал Орлов. — Пока пациент не забывает, что у него есть ребёнок.

Левина напряглась. Орлов заметил.

— Именно поэтому мы и существуем, — продолжил Орлов. — Люди любят говорить о свободе личности, пока не видят, как личность распадается.

Я смотрел на экран.

Николай.

Анже.

Пустой.

— Кто выбирает? — спросил я.

Орлов ответил не сразу. — В идеале вы.

Альберт рассмеялся. — А в реальности?

— В реальности система оценивает устойчивость и вероятность дезинтеграции, — сказал Орлов.

— То есть система рекомендует, а вы называете это выбором пациента, — сказала Левина.

Орлов повернулся к ней. — Если человек под наркозом истекает кровью, хирург тоже не устраивает референдум.

— Николай не под наркозом, — ответила Левина.

— Пока, — сказал Орлов.

Альберт подошёл ко мне. — Слушай меня. До входа сюда ты решил: никакого решения под внезапным изменением чувств. Если что-то станет неожиданно родным или неожиданно чужим — не доверяй этому автоматически.

— Ты опять становишься слишком важным, — сказал я.

— Знаю, — ответил Альберт. — Поэтому ты когда-то и сделал меня внешним якорем.

— Почему именно тебя?

Альберт улыбнулся слабо. — Потому что лица можно менять, а мой отвратительный характер ты узнаешь в любом теле.

Левина посмотрела на него. — Не превращайте это в шутку.

— Если перестану шутить, станет хуже, — ответил Альберт.

— Вам или ему?

Альберт посмотрел на меня. — Обоим.

Техник закрепил датчики на висках. Я услышал тонкий писк.

Поле включилось.

Ничего не произошло.

Пять секунд.

Десять.

Потом Петербург отделился.

Я всё ещё помнил Неву, квартиру, маму. Знал номер дома, знал, где лежат запасные ключи. Но слово «дом» перестало приклеиваться к этим фактам.

Я видел лицо матери. Знал её имя. Помнил, как она писала мне на «Северный-4», чтобы я не забывал есть.

И одновременно не мог понять, почему от этого должно быть тепло.

Я испугался.

— Мама.

— Что с ней? — спросила Левина.

— Я её помню.

— И?

— Я не чувствую, что она моя.

Левина резко посмотрела на Орлова. — Снижайте воздействие.

— Это не наша команда, — сказал оператор.

Орлов подошёл к панели. — Что значит «не наша»?

— Алгоритм перешёл в автоматическую коррекцию веса связей.

— Отключить.

— Команда отклонена.

Альберт выругался.

Я увидел Нину.

Она сидела на краю кровати, спиной ко мне, в мягком свете из окна. Простыня лежала на бёдрах. Это было воспоминание, которое раньше причиняло почти физическую нежность.

Теперь я смотрел на неё как на красивую женщину, с которой когда-то был знаком.

Факт оставался.

Любовь исчезала.

Я закричал.

— Остановите!

Левина схватила Орлова за рукав. — Снимайте питание физически.

Орлов толкнул аварийный рубильник.

Свет моргнул.

Поле не исчезло.

— Оно работает от резервного контура, — сказал оператор.

— Какого ещё резервного?

— Вышка.

В комнате стало тихо.

Орлов повернулся к стеклу, за которым темнел ночной двор. Где-то за зданием стояла обычная телекоммуникационная мачта. Красная лампа на вершине мигала.

— Кто дал ей управление? — спросил Орлов.

Оператор не ответил.

Я снова посмотрел на Нину внутри памяти.

Теперь чувство вернулось.

Слишком сильно.

До боли.

Мне захотелось бросить всё, вырваться, ехать к ней, стучать в дверь, пока она не откроет.

Я знал, что это не доказательство. Но знание ничего не меняло. Желание казалось моим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.